ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА В ЛЮБВИ И БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Николай Шахматов

Любовные драмы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Императрица Екатерина Великая недаром говорила, что «ничего не может быть несчастнее российской великой княжны». И хотя так было сказано о внучках государыни, в этой фразе целиком и полностью отразилась судьба императрицы Елизаветы Петровны, которой довелось в юности испытать немало скорбей и печалей как раз в силу того, что она была дочерью императора, а стало быть, великой княжной русского двора.

Бесконечные попытки сватовства, даже желание некоторых вельмож, преследовавших свои интересы, выдать замуж за племянника, императора Петра II, унижения в период бироновщины и даже любовь, которая могла окончиться лишь тайным венчанием…

В книге рассказывается о любовных драмах и трагедиях в семьях отца, деда и прадеда императрицы Елизаветы, о её нелёгком пути к престолу, раскрываются тайны знаковых событий у трона государыни. Автор касается и ряда трагических последствий царствования дочери преобразователя, вздёрнувшего Россию на дыбы, за своё царствование минимум на треть сократившего население нашего Отечества и внедрившего изуверские казни, которых прежде не знала Россия.

- Николай Шахмагонов
  - Венчалась ли императрица Елизавета?
  - Драмы первых Романовых
  - От рода немецкого, но по духу русская
  - «Ничего не может быть несчастнее российской великой княжны»
  - Которую же из княжон выбрал Карл Фридрих?
  - Схватка у гроба «преобразователя»
  - «И исшед вон, плакася горько»
  - Замысел новой смуты?
  - Виват Елизавете!
  - Принуждение к «тестаменту»
  - Замуж за иноземца
  - Трагедия в церкви
  - Ошибка всесильного временщика
  - Краткий век Петра Второго
  - Первый галант Елизаветы
  - В ожидании двоюродной сестрицы
  - И дождалась сестрички
  - «Що то за голова, що то за розум!»

- «Рискнула собственно собой»
- Коронация
- Первая попытка покушения
- «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться»
- Заговор Лопухиных
- Две встречи с Суворовым
- В заботах о престолонаследии
- «Предвещаю… Пётр будет твоим супругом»
- При малом дворе состоять камергеру Бецкому!
- Венчание наследника престола
- Тайна графа Румянцева
- Под прицелом клеветников
- Кто же стал отцом наследника престола?
- Екатерина умница, «а мой племянник – дурак!»
- Главная драма «послецарствия» Елизаветы Петровны
- Убит не тот, кого убить хотели
- Трагедия на Гетманской мызе
- Последняя капля романовской крови?
- Княжна Тараканова, или дальше только самозванцы
- Романовы или Рюриковичи?

Николай Шахмагонов
Елизавета Петровна в любви и борьбе за власть

Венчалась ли императрица Елизавета?

Начну необычно, начну не с самой императрицы Елизаветы Петровны, а с её преемницы, Екатерины Великой, фактически преемницы, поскольку Пётр Третий, по словам историков, лишь «мелькнул на троне», то есть явился этакой странной прокладкой между двумя царствованиями двух великих женщин.

Итак, позади кончина императрицы Елизаветы Петровны, позади циничная радость и едва ли не пляска у гроба, затеянная облагодетельствованным ею племянником, позади попытка этого племянника заточения в Шлиссельбургскую крепость своей супруги Екатерины Алексеевны и своего мнимого сына, поскольку, как уже доказано, к рождению Павла Пётр Фёдорович не имел никакого отношения, ввиду того что и не мог иметь по состоянию здоровья. 28 июня 1762 года свершился государственный переворот и начался поистине золотой век Екатерины Великой – в те дни, конечно, ещё просто Екатерины Второй.

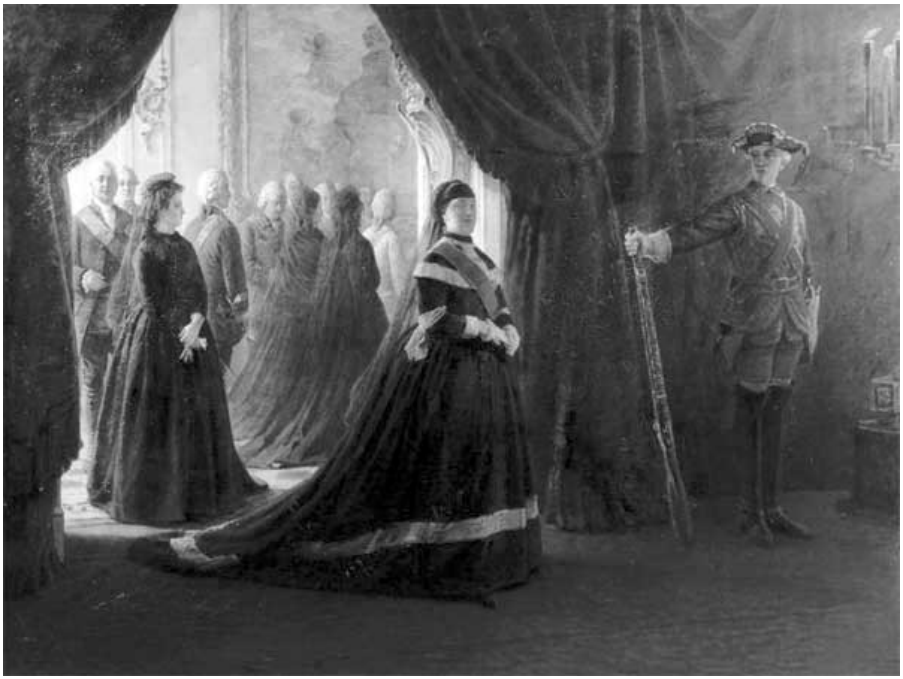
Но началось её царствование сложно, и одной из проблем из тех, с которыми пришлось встретиться Екатерине Алексеевне, была её личная проблема.

Известно, что своим восшествием на престол она в значительной степени обязана братьям Орловым – своему возлюбленному Григорию Григорьевичу и его братьям, в первую очередь Алехану – Алексею Григорьевичу – ну и Фёдору.

И вот братья, о которых она позднее прямо говорила Потёмкину, что «оне мне друзья», решили, что пришло время новоиспечённой государыне стать супругой Григория Орлова. А что? Ведь он показал ей свою безраздельную преданность в делах государственных и демонстрировал, тут надо добавить: пока ещё – преданность в любви. У них рос сын Алексей, впоследствии достаточно известный в истории как граф Алексей Бобринский, и, по мнению некоторых историков, ещё и дочь Наталья, впоследствии в замужестве графиня Буксгевден.

Какие же могут быть препятствия? Любовь, дети… Фактически налицо семья. Началось всё с намёков, поначалу осторожных, но постепенно более настойчивых.

Но вот тут всё дело в одном важном обстоятельстве: императрицу Екатерину Алексеевну убеждали в том, что ей пора стать супругой Григория Орлова!



Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы. Художник Н. Н. Ге

В государственных делах – а личная жизнь императрицы тоже ведь во многом дело государственное – большое значение имеет прецедент, то есть, как трактует словарь, «случай или событие, имевшее место в прошлом и служащее примером или основанием для последующих действий в настоящем».

Так вот, на такой случай и попытались сослаться братья Орловы, чтобы убедить государыню в возможности супружества. Они указали на то, что вот, мол, поговаривают, будто императрица Елизавета Петровна была тайно венчана с Алексеем Григорьевичем Разумовским, никаким не принцем заморским и даже не вельможей российским, а самым обычным малороссом, привезённым в Россию для определения в дворцовую хоровую капеллу. Вот, мол, ей то можно, а почему же Екатерине нельзя, тем более претендент на руку и сердце изначально гораздо выше по статусу, нежели Разумовский. Григорий Орлов был сыном новгородского губернатора!

Императрица Екатерина Вторая оказалась в весьма щекотливом положении. С одной стороны, она понимала, сколь опасно разжигать протест в обществе, особенно после того, как эйфория, вызванная свершением переворота, спала и обнажились огромные проблемы в государстве, которое целых полгода разрушалось продавшимся прусскому королю Фридриху

муженьком. Да и к Орловым в обществе, несмотря на их несомненный авторитет, отношение было разным. Тут ещё и извечная зависть вельмож добавилась.

Мудрая императрица поняла, что Государственный совет выступит против её замужества, а потому не постеснялась вынести столь, казалось бы, личный вопрос на заседание этого важного органа управления, который она хоть и собиралась полностью взять в свои руки, но понимала, что и на это нужно время.

Как и предполагала, мнение членов Государственного совета было единогласным и выразилось в одной фразе:

– Государыне Екатерине Второй готовы повиноваться, но супруге графа Орлова – нет.

Важно теперь было ещё не обидеть Орловых, которые действительно были верными её сподвижниками. Они же продолжали говорить о том, что вот, мол, Елизавета Петровна не побоялась и венчалась тайно.

– Откуда же это ведомо? – спрашивала императрица Екатерина.

И получала ответ:

– Граф Алексей Григорьевич хранит документы, свидетельствующие о венчании.

Что ж, решение могло быть одно:

– Привезите мне эти документы!

К Алексею Григорьевичу отправилась целая делегация. Братья Орловы привлекли к этому визиту и некоторых своих сподвижников, дабы доказательнее было то, что надеялись узнать.

Граф Разумовский принял радушно, даже попотчевал гостей в непринуждённой обстановке. Сам же сел в кресло у камина, в котором плясали языки пламени.

Вопросы Алексея Орлова выслушал внимательно. Поинтересовался:

– Откуда же у вас такая информация? – не спеша отвечать ни да ни нет. – Кто же это всё рассказывает?

Кто рассказывает? Орловы понимали, что пользуются фактами, не имеющими твёрдых подтверждений. Свидетельства очевидцев. Но очевидцев ли? Если венчание тайное, то много ли может тому быть свидетелей? Разве что очень узкий круг придворных.

Неизвестно, был ли предупреждён Разумовский о таком визите самой государыней и получил ли от неё какие-то инструкции. Но вёл себя крайне осторожно.

А потому Григорий Орлов не выдержал и прямо спросил

относительно венчания:

– Скажите граф, так венчаны ли вы с покойной императрицей Елизаветой Петровной? Многие говорят, что венчаны, что вы законный супруг государыни.

– А зачем вам это? – пожал плечами Алексей Григорьевич. – Дела дней давно минувших. И какое теперь имеет значение? Покинула нас матушка императрица. – И он даже непроизвольно смахнул набежавшую слезу, с уверенностью можно сказать, что искреннюю.

– Хотелось бы взглянуть на документы о венчании! – прямо заявил Григорий Орлов.

– Документы?

– Так есть они у вас? – продолжал Орлов и тут же убеждённо прибавил: – Ведь есть же…

Граф Разумовский привстал, протянул руку и снял с полки шкатулку. Красивая резная шкатулка из красного дерева с вензелями привлекла всеобщее внимание. Вот сейчас откроется великая тайна.

Все замерли в ожидании.

Граф какое-то время перебирал бумаги, задерживая своё внимание на некоторых из них, и на лице его то появлялась добрая улыбка, то оно становилось мрачнее тучи.

Наконец часть бумаг вернул в шкатулку, которую закрыл и поставил на столик возле камина. Алексей Григорьевич догадался о цели визита, а быть может, его тайно оповестила императрица, что́ надо Орлову и его соратникам выяснить, только он оставался всей душой на стороне молодой государыни и прекрасно понимал, сколь трудно будет ей управлять страной, если она станет супругой Григория Орлова, пусть и достойного человека, но не принятого обществом в таком качестве.

Он ещё раз перелистал оставшиеся бумаги, а потом проговорил, обращаясь к гостям:

– Венчались ли, спрашиваете? – и после паузы уже громко заявил: – Я не был ничем более, чем верным рабом её величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих… Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов…

Не успели посетители и глазом моргнуть, как он взмахнул рукой и швырнул в огонь целую стопку бумаг. Огонь подхватил их и стал стремительно пожирать, заставляя корчиться, крутиться и скукоживаться, словно это были не листы бумаги, а живые существа.

Немая сцена. Орловы поняли всё. Их план трещал по швам, но не оценили до конца главного: они останутся лучшими

друзьями государыни, останутся опорой трона только в том случае, если будут в тени, если не станут раздражать знать, ибо их авторитет в гвардии на всё столичное общество не распространялся, а порой просто вызывал зависть.

Оставалось поблагодарить, скрипя зубами, графа Разумовского за гостеприимство и удалиться восвояси.

Решено было, что о результате визита доложит императрице граф Воронцов. Императрица выслушала доклад внимательно, а потом проговорила как о само собой разумеющемся:

– Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало, хотя бы и для усыпления боязливой совести. Шёпот о сём всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссиянину самоотвержения.

А что она ещё могла сказать! Весь смысл ведь отразился в словах о самоотвержении малороссиянина.

Так закончилась история любви и тайных отношений императрицы Елизаветы Петровны и малороссийского тенора, ставшего видным вельможей Российской империи. В Русском биографическом словаре осталась такая запись: «Разумовский пробежал указ [о признании за ним титула Императорского Высочества] глазами, тихо встал с кресел, подошёл к комоду, на котором стоял ларец чёрного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром, отыскал в комоде ключ, отпер ларец и вынул из потаённого ящика бумаги, обвитые в розовый атлас. Он развернул бумаги и стал их с благоговейным вниманием читать, не прерывая молчания. Прочитав бумаги, он их поцеловал, подошёл к образам, перекрестился со слезами на глазах и с приметным волнением подошёл к камину, бросил бумаги в огонь и опустился на кресло».

А начало трагедий и драм елизаветинского царствования надо искать гораздо раньше, начало нисходит к тем событиям, которые предшествовали рождению императрицы, к тем, что вершились в её детские годы и годы молодости, ведь до того, как привезли в Петербург Алексея Разумовского, в ту пору ещё по фамилии Розум, ей довелось выдержать немало испытаний, в том числе и на любовном поприще, пережить немало трагедий и драм, в том числе и любовных.

Хорошо известно, что на личную жизнь любого человека, хоть из самой простой семьи, хоть из семьи великосветской или даже государевой, огромное влияние оказывает то, в каких условиях он родился и в какой обстановке вырос. Говорят, что даже разводы случаются чаще в тех семьях, в которых, к примеру, у одного из супругов разводились родители и прародители.

А. Г. Разумовский. Неизвестный художник

В какой же среде оказалась маленькая Елизавета, родившаяся 18 декабря 1709 года в знаменитом царском дворце в Коломенском, где впервые взглянули на свет многие знаменитые русские монархи, в том числе и великий государь Иван Васильевич, наречённый Грозным.

Я не случайно упомянул имя этого незаслуженно оклеветанного государя, поскольку именно после его отравления крамольными боярами по наущению тёмных сил, – как бы сейчас сказали, коллективного Запада, – Россия покатилась по наклонной плоскости, потеряла сыновей Грозного: Фёдора, ставшего царём, и царевича Дмитрия, судьба которого окутана тайной, и упала в Смуту. Вот тогда-то и родилась династия Романовых, которая претерпела много трагедий и драм в период своего становления, а потом и вовсе – не по оглашению, а по умолчанию – прекратила своё существование. Но об этом мы поговорим в конце книги, а пока кратко коснёмся начала начал.

Кратко, потому что тема любовных драм первых Романовых достойна самостоятельного, увлекательного, хоть и исполненного трагедий повествования.

Драмы первых Романовых

Некоторые историки, несколько склонные к мистике, полагали, что изначально на династии Романовых лежало родовое проклятие. Оно вызвано тем, что в июле 1614 года был казнён сын польской авантюристки Марины Мнишек, после чего она прокляла род Романовых. Сама нисколько не сожалея прежде о бесконечных казнях русских людей поляками, которым служила, казнях всех подряд – от детей до стариков, теперь была разгневана, когда её злобесие повернулось в её сторону, и предсказала, что в избранной в 1613 году династии Романовых все государи будут умирать не своей смертью – все, вплоть до самого последнего царя. Казнь была именно вынужденной. Ведь останься в живых этот отпрыск свергнутых самозванцев, его сделали бы знаменем в борьбе тёмных сил коллективного Запада против России. Враги и крамольные бояре-изменники не щадили детей, но государственная власть России таких казней никогда не позволяла.

Впрочем, на Западе-то как считали, так и считают: «Нам всё можно, а русским – нет…» Не будем останавливаться на этом. Фактов сегодня достаточно.

Вернёмся к самой династии, которая оказалась на царском троне не случайно. Первый Романов, Михаил Фёдорович, был избран во многом именно потому, что являлся внучатым племянником царицы Анастасии Романовны, первой и горячо любимой супруги великого государя Ивана Васильевича Грозного. Много лет прошло со времени гибели от отравления царицы Анастасии, а память о ней жила в народе как о милостивой к простому народу государыне, справедливой, доброй, нищелюбивой. Несмотря на молодые годы, в народе почитали её матушкой для подданных.

Оказавшись в юном возрасте на престоле – ему шёл семнадцатый год, – Михаил Фёдорович после долгих перипетий и драм, после смерти первой жены, был, наконец, венчан, причём выбор стал неожиданным. Во время смотра невест в 1626 году он, бездетный вдовец, которому шёл тридцатый год, выбрал свою сужоную (правильно – именно сужоную, а не суженую) не из шестидесяти невест знатных родов, а прислужницу одной из них, Евдокию Стрешневу, дочь простого мещерского дворянина.

Отец, патриарх Филарет, возражать не стал в силу того, что уж сын был в возрасте, а наследников так и не имел. Сам и обвенчал. Брак оказался не только счастливым, но и многодетным.

Поначалу родились две дочери – Ирина и Пелагея, умершая в младенчестве. Лишь третьим родился сын, которого нарекли Алексеем. Он-то и стал наследником престола и после кончины отца заступил на царский трон.

А всего детей было десять, из них три сына и семь дочерей; правда, пятеро из них умерли в младенчестве или в детстве.

Алексею Михайловичу, ровно как и его отцу, суждено было вступить на престол в 16 лет, а когда ему исполнилось 18 лет, был устроен смотр невест. Царю негоже быть холостым.

Портрет царицы Евдокии Лукьяновны, рожденной Стрешневой, второй жены царя Михаила Федоровича. Художник Т. А. Нефф

Вот тут-то и начались события, не лучшим образом отразившиеся не только на судьбе самого царя, но и на всей России. Игры с бракосочетаниями государей никогда не приводили к добру.

На смотре невест Алексей Михайлович выбрал дочь мелкопоместного дворянина Евфимию Всеволожскую. Всё вершилось по традиции. Царь тут же отправил избраннице в знак

обручения кольцо и платок. Но таковой выбор царя ломал планы его воспитателя – боярина Морозова. Морозов сделал свой собственный выбор – царицей должна стать Мария Милославская, а её сестра Анна – супругой самого Морозова. Замысел вполне понятен!

Морозову удалось подкупить царского парикмахера. Тот нашёл решение вопроса. Так сильно затянул волосы царской невесты, что она упала обморок.

Тут же Морозов и объявил всенародно, что невеста, увы, больна «тяжкой падучей». За «сокрытие заболевания» её вместе с родителями сослали в Тюмень. Морозов, не теряя времени, представил огорчённому царю Марию Ильиничну Милославскую. Аккуратно представил. Указал на неё во время церковной службы. Алексею Михайловичу она приглянулась, ну и дело было сделано. 16 февраля 1648 года состоялось бракосочетание. Ну а спустя буквально 10 дней и сам Морозов венчался с сестрой царицы Анной.

Брак царя оказался удачным и, что важно, многодетным. Тринадцать детей принесла Мария Милославская своему державному супругу. Из них пережили отца будущие цари Фёдор и Иван V, а также дочери Софья, будущая правительница, Екатерина, Марфа, Мария и Феодосия. Остальные дети умерли ещё при жизни царя. Мария Ильинична была старше супруга на 5 лет.

Умерла царица 3 марта 1669 года, как сообщалось, от родильной горячки, то есть заболевания, которое в ту пору нередко сопровождало роды и представляло собой послеродовой сепсис – инфекционное заражение. Было ей всего 44 года. Брак их с Алексеем Михайловичем продолжался 21 год.

Снова надо было искать невесту, причём искать, как тогда вошло в обычай, с помощью смотра самых ярких красавиц царства. Но в данном случае поиск был облегчен тем, что царь приметил свою будущую супругу заранее. Это была дочь небогатого, как тогда говорили – мелкопоместного – дворянина Кирилла Полиектовича Нарышкина (1623–1691).

Царь часто бывал в доме Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682), звался который «великого государя ближний боярин» и фактически руководил правительством во второй половине царствования. В семье Матвеева воспитывалась будущая царица.

Беда же для России в том, что был он, как отмечали историки, одним из первых западников, то есть деятелем, ставившим западную культуру, западный образ жизни, да и вообще всё западное выше отечественного.

Наталья Кирилловна воспитывалась в доме Артамона Матвеева и всё это прозападное впитала в себя с ранних лет.

Сам царь западником не был, но не по этим принципам выбирал он невесту. Приглянулась, ну и решил, что женится на ней. А смотр невест на сей раз был простой формальностью. Положено собирать – собирайте, а выбор уже сделал. О результатах его царь и объявил сразу после смотра.

Венчание состоялось 22 января 1671 года. И вот после супруги, которая была старше на 5 лет, обрёл он супругу моложе себя на 22 года. Причём совсем юную – было ей всего 19 лет, а ему уж 41 год.

Несмотря на разницу в возрасте, впрочем, в ту пору довольно обычную, отношения между супругами сложились самые добрые. Омрачала обстановку разве что вражда между родственниками первой и второй жён, между Милославскими и Нарышкиными. Конечно, у Нарышкиных были преимущества, поскольку Наталья Кирилловна здравствовала, а Мария Ильинична уже покинула сей мир. Но ведь от неё остались дети, родные дети царя, а это значило многое. И наследник престола был именно от первого брака. Да и дочь Софья по характеру своему выросла весьма и весьма деятельной и обладала сильной волей.

Царица Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина. Неизвестный художник

А между тем Наталья Кирилловна тоже спешила упрочить своё положение. Она родила царю троих детей – сына, которого назвали Петром, и двух дочерей – Наталью и Феодору. Феодора умерла в возрасте трёх лет. Высокой была в ту пору детская смертность даже в семьях царских.

Алексей Михайлович ушёл из жизни в 1676 году. На трон вступил старший его сын от Марии Ильиничны Милославской – пятнадцатилетний Фёдор III Алексеевич (1661–1682). Милославские сразу расправили плечи, а Нарышкины вынуждены были уйти в тень. Но Наталья Кирилловна своё положение при дворе сохранила, поскольку её сын Пётр был крестником царя Фёдора Алексеевича, своего единокровного брата. Мало того, Фёдор Алексеевич со вниманием относился к Петру и, поскольку сам был весьма образованным человеком, даже в столь молодые годы одним из создателей Греко-славянского типографского училища при Заиконоспасском монастыре, старался влиять на его

образование и воспитание, но, к сожалению, очень недолго. Он умер в 1682 году, не дожив до 21-летнего возраста.

Наследников он тоже, тут уж можно твёрдо сказать, что к большому сожалению, не оставил. Не повезло в этом плане с супругами. Первая, с которой венчался 18 июля 1680 года, дочь смоленского дворянина Агафья Грушецкая, принесла ему сына и наследника престола Илью Фёдоровича, который родился 11 июля 1681 года, но прожил всего десять дней. Вторая попытка обрести наследника окончилась смертью самой царицы Агафьи от родовой горячки.

Царь глубоко переживал потерю. Но интересы престолонаследия требовали, и уже менее через год, 15 февраля 1682 года, он венчался с Марфой Матвеевной Апраксиной. Она была сестрой будущего адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина. Детей и вовсе не успели завести, поскольку вскоре после заключения брака царь Фёдор умер, по мнению одних биографов – от цинги, а других – от «ослабления организма», неведомо чем вызванного. То есть не исключено отравление. Слишком резво взялся молодой царь отстаивать интересы русского государства. Да ведь и детей-то, как считают исследователи, многих травили. Не нравилось тёмным силам коллективного Запада, что не становилась новая династия проевропейской.

Снова смуты, снова волнения. Группировки Милославских и Нарышкиных не смогли добиться решительного превосходства одна над другой и пришли к компромиссному решению – на царство посадили сразу двух единокровных братьев – сыновей Тишайшего. Ивана, который был сыном Марии Милославской, и Петра, сына Натальи Нарышкиной. Ивану было шестнадцать лет, и его провозгласили старшим на троне, а Петра, которому исполнилось десять, – младшим. Правили же они при регентстве 25-летней Софьи Алексеевны.

В результате всех этих событий обстановка только накалилась, поскольку Милославские вновь получили преимущества.

Все эти перипетии отразились и на жизни государства, и на судьбе самого царя Петра и его потомства, именно поэтому я счёл необходимым кратко остановиться на них.

И ещё есть одна существенная причина.

До Петра русские великие князья и цари обычно не брали в жёны иноземок. И браки получались в большинстве славными, добрыми, приносящими пользу земле Русской.

Исключения случались не так уж часто.

Вот, к примеру, одна из жён святого благоверного князя Андрея Боголюбского, из иноземок, приняла участие в заговоре и

жестоком убийстве супруга. А вот Иван Третий взял в жёны Софию Палеолог, и ему повезло с ней. Брал и Иван Грозный вторую жену, но не с Запада, а с Кавказа – дочь кабардинского князя Темрюка Марию Темрюковну (1545/46–1569). До православного крещения звалась она княжной Кученей («Глаза княжны»). Доброй оказалась царица, за что и отравили её крамольные бояре.

Так что гораздо больше ярких примеров, когда, выбирая жён в своём Отечестве, русские цари были по-настоящему счастливы.

Взять хотя бы брак Дмитрия Ивановича, великого князя московского, получившего за победу над Ордой прозвание Донского. Счастливым был брак его с Евдокией Суздальской. Да и брак родителей Грозного царя оказался счастливым, хотя Елена Васильевна являлась дочерью литовского князя.

Зачем же царю Петру понадобилось ломать вековые традиции?

Ведь и его старший брат Иван Алексеевич женат был на русской, на Прасковье Фёдоровне Салтыковой (1664–1723). Брак был плодороден. Пять дочерей, но ни одного сына. Старшая дочь, Мария, умерла трёхлетней, следующая – Феодосия – и вовсе пожила меньше года.

Правда, Екатерина Ивановна прожила более сорока лет и оставила след в русской истории благодаря дочери Анне Леопольдовне, матери печально известного императора Ивана VI Антоновича, мелькнувшего на троне в младенчестве. А вот четвёртая дочь, Анна Иоанновна, стала императрицей Российской империи в 1730–1740 годах, и о ней, о её жизни и её отношениях с Елизаветой Петровной мы ещё подробно поговорим в книге.

Была и пятая дочь, Прасковья Ивановна (1694–1731), царевна, которую выдали замуж за генерал-аншефа Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова (1680–1730). Род не простой, восходящий к Рюриковичам – правда, утративший своё былое значение и даже лишившийся княжеского титула.

Как видим, двух дочерей царя Ивана выдали уже за инородцев, но пятую дочь всё же за русского.

Да и сам Пётр первым браком женился на русской, на Евдокии Фёдоровне, урожденной Лопухиной (1669–1731), дочери стряпчего при дворе царя Алексея Михайловича – Иллариона Авраамовича Лопухина, ставшего впоследствии, в царствование царя Фёдора Алексеевича, полковником и стрелецким головой, а позднее государевым стольником и окольничим. После свадьбы Петра с его дочерью был возведён в чин боярина.

Но после поездки в Европу царь Пётр полностью изменился сам и поломал старые порядки и традиции.

Начал эту ломку царь со своих племянниц, дочерей своего старшего брата Иоанна, к тому времени уже покинувшего сей мир. В 1710 году он выдал Анну за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма, в 1716 году Екатерину Ивановну – за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского.

Портрет царицы Евдокии Фёдоровны, урожденной Лопухиной. Неизвестный художник

Да и сына своего царевича Алексея Пётр женил на иноземке – принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской. О желании не спрашивал. Выбрал перспективную невесту, в чём не ошибся. Сестра её стала в последующем императрицей Австрии. Свадьба состоялась 14 октября 1711 года. В браке родились дочь Наталья (1714–1728), прожившая всего 14 лет, и Пётр (1715–1730), будущий император Пётр II. Но Шарлотта прожила недолго. После рождения сына умерла. Ну а царевич Алексей доказал, что хочет видеть рядом с собой соотечественницу, и взял в любовницы крепостную девушку Ефросинью. С ней он ездил в

путешествие в Европу, с ней связаны и многие коллизии его несчастной и рано оборванной отцом жизни.

Вот мы и подошли к судьбе нашей героини – Елизаветы Петровны, будущей императрицы России. И не только к её судьбе. Детей у Петра было много.

О первом сыне, царевиче Алексее Петровиче, мы уже говорили. Следующим родился Александр Петрович (1691–1692), второй сын Петра I от Евдокии Лопухиной, который умер, а может, был умерщвлён, младенцем.

Ну а затем Пётр, заточив в монастырь свою законную жену, взял девку из солдатского обоза, и началась новая эпопея.

От рода немецкого, но по духу русская

Императрица Елизавета Петровна оставила по себе в памяти народной всё-таки больше положительного. Об этом мы ещё поговорим. А вот о её родителях такого не скажешь. Но правду о них всё-таки сказать необходимо, иначе будет непонятно, почему же выпало на долю будущей государыни столько трагедий и драм.

О происхождении Петра упомянуто в предыдущей главе, но из того, что нам известно о его детстве и юности, нельзя определить, почему он вырос лютым садистом. Да, именно садистом показал себя позднее, после возвращения из зарубежной поездки. Перенял изуверское отношение к подданным на Западе? Для изощрённых казней Пётр Первый привёз из Европы машинку для выдирания ноздрей, применял дыбу, колесование, выворачивание рук и ног, усечение языка и прочие невиданные прежде на Русской земле мерзости. А может быть, не перенял, может быть, таковым и вырос в Европе?

После возвращения царя Петра из Европы поползли по стране слухи о том, что подменили его и прибыл совсем другой субъект, очень мало похожий на того, кто уезжал на две недели с огромной свитой именитых вельмож, а пробыл за границей более года и вернулся с одним Алексашкой Меншиковым. Ещё на возвратном пути направил распоряжение о заточении в монастырь законной своей супруги Евдокии. Почему такая спешка? Любовницу никакую с собой не вёз. Приехал бы и на месте дело решил, если вину какую за ней усмотрел. Но ведь кто, как не жена, сразу заметит подмену. Подрос за год почти на 10 сантиметров, а прибыв в Московский Кремль, путался в переходах да встречавшихся вельмож, хорошо прежде знакомых, не узнавал, словно видел впервые. Кроме того, и говорить стал с акцентом.

Так или не так, до сих пор спорят историки, но это не тема книги, и мы не будем включаться в споры, поскольку тут нужен аргументированный, серьёзный взгляд, основанный на множестве свидетельств современников, которые, как ни уничтожали, всё-таки дошли до нас. И тем не менее вкратце коснёмся того, что понадобится для рассмотрения становления Елизаветы Петровны и воспитания характера будущей императрицы.

О том, как начиналось царствование её отца, нельзя не сказать, ведь это была обстановка, в которой она родилась, делала первые шаги по земле и проходила свои университеты.

Удивительно то, что впоследствии она сумела при внешнем почитании отца отбросить многие его вредные начинания и вернуть в значительной степени русскость в европеизированную русскую жизнь.

Страшно начинался восемнадцатый век. Жестоко начинался. Потрясло землю Русскую событие, известное благодаря картине художника Василия Сурикова, получившей название «Утро стрелецкой казни». Часто можно слышать, что после этого «утра» опустилась на Россию чёрная ночь. Но только ли стрелецкая казнь ужасала современников?

Утро стрелецкой казни. Художник В. И. Суриков

Знаменитый историк Сергей Платонов писал:

«Дружба Петра с иноземцами, эксцентричность его поведения и забав, равнодушие и презрение к старым обычаям и этикету двора вызывали осуждение. В Петре видели большого греховодника».

Василий Ключевский сделал свой вывод, что из Петра «вырастал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных издержек».

Всё это сказано мягко.

А вот отзыв Ивана Солоневича, мыслителя, вскоре после революции покинувшего Россию, но оставшегося патриотом:

«Ненависть к Москве и ко всему, что связано с Москвой, которая проходит через всю реформаторскую деятельность Петра, дал, конечно, Кокуй. И Кокуй же дал ответ на вопрос о дальнейших путях. Дальнейшие пути вели на Запад, а Кокуй был

его форпостом в варварской Москве.

Нет Бога, кроме Запада, и Кокуй пророк его…

Именно от Кокуя технические реформы Москвы наполнились иным содержанием: Москву надо было послать ко всем чертям со всем тем, что в ней находилось, с традициями, бородами, с банями, Кремлём и с прочим».

Мыслитель русского зарубежья Борис Башилов в фундаментальном труде «История русского масонства» писал:

«Брадобритие, по понятию русских, было грехом. Сам Христос носил бороду, носили бороды и апостолы, бороду должны носить и все православные. Только еретики бреют бороду. Пётр, вернувшись из Европы, приказал насильно брить бороды и носить иноземное платье. У городских застав находились специальные соглядатаи, которые отрезали у прохожих и проезжих бороды и обрезывали полы у длинной национального покроя одежды. У сопротивлявшихся бороды просто вырывались с корнем».

Представляете, что значит вырвать бороду с корнем! Ну что ж, это мелочи по сравнению с пилкой голов стрельцам ножовками и двуручными пилами, как делал это сам царь со своими сатрапами в дни жестокой стрелецкой казни. Но о этом дальше…

«4 января 1700 года, – продолжает далее Борис Башилов, – всем жителям Москвы было приказано одеться в иноземные платья. На исполнение приказа было дано два дня. На седлах русского образца было запрещено ездить. Купцам за продажу русского платья милостиво обещали кнут, конфискацию имущества и каторгу».

Жестокость со своим народом, если, конечно, принять, что он был своим, и раболепие перед иноземцами зашкаливали.

Русский и советский историк Сергей Фёдорович Платонов писал:

«Не понимая происходящего, все недовольные с недоумением ставили себе вопрос о Петре: “какой он царь?” и не находили ответа. Поведение Петра, для массы загадочное, ничем не походило на старый традиционный чин жизни московских государей, приводило к другому вопросу: “никакого в нашем царстве государя нет?” И многие решались утверждать о Петре, что “это не государь, что ныне владеет”. Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазия принялась усиленно работать, чтобы ответить себе, кто же такой Пётр или тот, “кто ныне владеет?” Уже в первые годы XVIII в. появилось несколько ответов. Заграничная поездка Петра дала предлог к одному ответу; “немецкие” привычки Петра создали другой. На почве религиозного консерватизма вырос третий ответ… Во-первых, стали рассказывать, что Петр во время поездки за границу был

пленён в Швеции и там “закладен в столб”, а на Русь выпущен вместо него царствовать немчин, который и владеет царством».

По словам Сергея Платонова, «Вариантами к этой легенде служили рассказы о том, что Пётр в Швеции не “закладен в столб”, а посажен в бочку и пущен в море. Существовал рассказ и такой, что в бочке погиб за Петра верный стрелец, а Пётр жив, скоро вернётся на Русь и прогонит самозванца-немчина».

Ну что же… Дыма без огня не бывает. Историки, конечно, осторожно касаются факта возможной подмены царя, ведь, по точному определению Льва Николаевича Толстого, «история есть ложь, о которой договорились историки». Кто же будет по собственной инициативе опровергать то, что писал ранее?! Иные, даже увидев свои ошибки, стояли насмерть ради того, чтобы не признать лживость прежде сочинённого.

Вот потому что основные работы историков, не просто дошедшие до нас, а ставшие как бы учебниками или основой для подготовки учебников, на все лады твердят о величии царя, умышленно исключая факты о том, что царь не только плотник, но живодёр, а всякий живодёр, кстати, патологический трус. Что, кстати, доказали и так называемый Нарвский позор, когда Пётр бежал, бросив тридцати с лишним тысячное войско, при первом известии, что к крепости с двухтысячным гарнизоном идёт на выручку шведский король Карл XII с отрядом, по разным данным, от шести до восьми тысяч штыков. Доказал он своё полководческое мастерство, где, попав в окружение, утопил артиллерию и поспешил скрыться. Ну и позорный Прутский мир с турками ещё одно свидетельство.

Ну и далее: «На чём основалось такое объяснение происхождения Петра, высказывали наивно сами рассказчики легенды: “велит носить немецкое платье знатно, что родился от немки"». По словам историка, в среде, кажется раскольничьей, выросло убеждение, что Пётр антихрист, потому что гонит православие, «разрушает веру христианскую».

Пётр жестоко расправлялся со старообрядцами. К примеру, в одном только Палеостровском скиту сожгло себя 2700 человек, а в Пудожском погосте одновременно сгорело 1920 человек. Это сами. А сколько было уничтожено петровскими сатрапами, и не счесть.

Словом, ещё при жизни Петра возникло немало легенд, «спутывались, варьировались без конца и соединялись в одно определение Петра: “он не государь – латыш: поста никакого не имеет; он льстец, антихрист, рожден от нечистой девицы”.

Цирюльник и раскольник. Лубок

“…Мироед! – говорили в народе. – Весь мир переел: на него, кутилку, перевода нет, только переводит добрые головы”. “С тех пор как он на царство сел, красных дней не видно, все рубли да полтины”».

Ну а ныне, когда по законам времени многое тайное становится явным, прошлые выдумки, составляющие основу для лжи, «о которой договорились историки», быстро тают. Недаром сибирский старец Феодор Козьмич говаривал в своё время: «Чудны дела твои, Господи… нет тайны, которая не откроется». О тайне же самого старца подробно и доказательно рассказано в моей книге «Александр I в любви и супружестве. Судьба победителя Наполеона».

Сильно мешали царю перекроить русскую жизнь на иноземный лад стрельцы. Стрелецкое войско, созданное ещё Иваном Грозным, было опорой государства. Не желая признавать жестокое чудовище царём, стрельцы подняли бунт.

До тех пор Пётр проявлял себя как богоотступник. Теперь

проявил себя как палач. Он уже успел позаимствовать в Европе новый вид казней и с большим удовольствием применял.

Во главе Преображенского розыскного приказа Пётр поставил Фёдора Ромодановского, собутыльника по «всепьянящему собору».

Современник писал, что это был человек «собою видом как монстр, нравом как злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьяный во все дни».

Пётр лидировал в производстве казней. Из него получился ловкий палач.

Он лично рубил головы стрельцам и заставлял бояр следовать своему примеру.

Вот лишь некоторые факты, которые запечатлены в исторических трудах. Их на самом деле гораздо больше. В главе «Робесьпьер на троне» в книге «История русского масонства» Борис Башилов писал:

«17 сентября (1698 года), в день именин царевны Софьи, в селе Преображенском начались пытки, которые отличались неслыханной жестокостью.

30 сентября совершилась первая казнь: в селе Преображенском Пётр собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам…

30 сентября было повешено у Покровских ворот 196 человек.

11 октября было казнено 144 человека,

12 октября – 205,

13 октября – 141.

195 стрельцов были повешены у ворот Новодевичьего монастыря и перед кельей царевны Софьи; трое из повешенных подле самих окон, так что Софья могла легко достать до них рукой, держали в руках челобитные.

Целых пять месяцев трупы не убирались с места казни».

И далее ужасающие факты, приведённые знаменитым историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым:

«17 октября приближённые царя рубили головы стрельцам: князь Ромодановский отсёк четыре головы; Голицын по неумению рубить увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра, Алексашка (Меншиков), хвалился, что обезглавил 20 человек…

Каждый боярин должен был отсечь голову одного стрельца.

27 октября для этой цели привезли сразу 330 стрельцов, которые и были казнены неумелыми руками бояр.

Пётр смотрел на это зрелище, сидя в кресле, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками».

Вот ещё факты из книги В. Мавродина «Пётр I»:

«Пётр самолично присутствовал при допросах и пытках стрельцов, когда скрипела дыба и свистели батоги, когда хрустели кости, рвались жилы и шипело мясо, поджигаемое калёным железом… Всюду по Москве висели посиневшие и распухшие трупы повешенных, валялись отрубленные головы, изуродованные тела колесованных. Этот новый вид казни – колесование – Пётр вывез из “заморских” стран.

Всего казнено 799 стрельцов. На протяжении казней Пётр находился в состоянии сильного душевного возбуждения и нервного расстройства. На одном из пиров у Лефорта, раздражённый чем-то, он выхватил шпагу и, не сознавая, что делает, начал колоть и рубить направо и налево. Его еле успокоил “Алексашка” Меншиков. На другом пиру сам “Алексашка” был избит до крови Петром за то, что танцевал, не сняв сабли…

В стрелецком розыске Пётр проявил исключительную жестокость. Кровь и слёзы лились ручьями».

Но и этого было мало. Пётр сам усовершенствовал отсечение головы. По его приказу укладывались брёвна, на них бросали стрелков, головами ровненько в одну сторону, на стрельцов укладывали снова брёвна, так чтобы только головы стрельцов торчали. И так несколько рядов. Этакий страшный слоёный пирог. После этого Пётр брал пилу и вместе с боярами, у которых руки при этом дрожали, отпиливал головы русским воинам, верно служившим своей стране и своему народу.

А чего стоил всешутейский и всепьянящий собор, пародия на русскую веру и русские обряды!

Таков отец будущей императрицы. А кто же её мать? Как ни поразительно, была она обычной обозной девкой для «справления» солдатских нужд. Прачкой её называли, но уж больно красивых прачек подбирали, якобы для стирки белья солдатского, а на самом деле для солдатских развлечений.

Однажды генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев увидел эту «прачку», Марту Самуиловну Скавронскую, в солдатском обозе, а поскольку сразу приглянулась она ему, забрал себе, чтобы лично ему «бельё стирала».

А вскоре побывал у Шереметева царь Пётр, которого тоже впечатлила теперь уже холёная, дородная «прачка». А если что Петру глянется, неминуемо должно прилипнуть к его рукам. Отнял у своего полководца по праву царскому. Но и этого мало – взял да женился на ней, сделав девушку, образно говоря, с панели сначала царицей, а потом и императрицей. Большего надругательства над державой Российской и представить себе невозможно.

Вот в такой семье и появилась на свет Елизавета Петровна. Если принять во внимание законы РИТА, которые ныне широко известны, но которые напрасно игнорируются, – законы, которые доказывают, что каждый новый мужчина в жизни женщины – при известных отношениях – оставляет образ духа и крови, влияющий на потомство, что уж там намешано было в крови новорождённой, и сказать страшно.

Но так уж сложилась судьба будущей императрицы российской Елизаветы Петровны. А ведь стала она, несмотря на столь ужаснейшую родословную, государыней, проявлявшей заботу о России, скрупулёзно восстанавливавшей православие после петровского и бироновского разгрома. Как удалось ей стать такой, какой стала она? Вопрос сложный. Постараюсь ответить на него в этой книге.

Портрет императрицы Екатерины I. Художник А. П. Антропов

«Ничего не может быть несчастнее российской великой княжны»

Именно так писала в своё время императрица Екатерина Великая, именно так характеризовала судьбы своих внучек, коих было у неё пять. Но вывод она сделала не только по ним, вывод напрашивался из судеб и Софьи, и Анны, и Елизаветы.

Но почему такие напасти обрушились на Елизавету? Ведь она дочь царя. Казалось бы, чем не жизнь. Да только по заведённому Петром порядку ей предстояло выйти замуж за иноземца. Всё это уже скверно. Бывали порой удачны и браки с иноземцами, даже залётными из опустившейся в безверие и мерзость Европы, но Елизавете не повезло, потому что сделалась она разменной монетой в игре политиков. Они, эти политики, стали смотреть на неё как на наследницу престола российского.

Почему же её прочили в наследницы престола? Ведь был же вполне законный наследник – старший сын Петра, царевич Алексей. Да вот одно не нравилось «преобразователю» – он был сыном изгнанной им и заточённой в монастырь царицы Евдокии.

А о причине этого лучше всего сказал историк Николай Иванович Костомаров. Послушаем его:

«Преобразовательные намерения Петра I возбуждали множество недовольных, готовых противодействовать царю всеми мерами внутри России; но из всех противников его духа первое место, по достоинству породы, занимал его родной сын, цесаревич Алексей. Он был рождён от первой супруги Петра, Евдокии Лопухиной, 18 февраля 1690 года».

Далее историк рассказал, что Пётр не любил свою жену Евдокию и изменял ей с Анной Монс из Немецкой слободы. Он с отвращением глядел на супругу. Любовь к иноземщине, ко всему западному привела к тому, что он возненавидел всё русское – русские традиции, русскую культуру, старинные обряды.

Евдокия не желала и не собиралась потворствовать ему в этом. Она назло демонстрировала свою любовь к национальным традициям, причём при поддержке всей семьи Лопухиных. Она могла назло станцевать русский народный танец или сплясать народную пляску.

Пётр избавился от законной жены. Избавился спешно. По пути из заграничной поездки, как уже говорилось, отдал распоряжение отправить её в монастырь. К чему такая спешка? Некоторые историки вполне обоснованно полагают, что уж кто-кто, а жена не признала бы в возвратившемся из путешествия

царе, точнее якобы царе, своего мужа. Так или не так, в документах ответа мы не найдём. Да ведь и очень, очень многое невозможно найти в архивах, поскольку и писались архивные документы людьми, людьми и подчищались, а то и вовсе уничтожались. Недаром же британский писатель, журналист и публицист Джордж Оруэлл (1903–1950), противник тоталитаризма и убеждённый сторонник социализма, отметил:

«Тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, а тот, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».

А что это означает? Да то, что те, кто захватывает власть, немедленно спешат переписать историю, переписать под себя, чтобы узурпировать будущее.

Петровское царствование извращено невероятно, извращено и подстроено под нужны различных властей, в различные эпохи. И долгое время было крайне сложно сказать хоть какую-то правду.

До сих пор идут споры о старшем сыне Петра Первого, Алексее Петровиче, законном наследнике престола. Иные историки пытаются убедить, что он связался с иноземцами и как бы предал царя. И забывают, что ведь Екатерина Первая – Марта Скавронская – и вовсе была иноземкой, что императрица Анна Иоанновна и вовсе натащила в Россию кучу иноземцев во главе с Бироном и служила Западу, а Анна Леопольдова тем паче.

Упрёки в адрес царевича Алексея звучат на этом фоне более чем странно.

Вот в какое время родилась Елизавета Петровна. Это было сложное, жестокое, противоречивое время. И ей пришлось в этом времени жить, а порой просто-напросто выживать.

Это были годы, когда жизнь человеческая не стоила ломаного гроша. Да и не только простолюдина, но и вельможи, и человека царских кровей.

Царя не устраивал наследник престола, а потому были сочинены необходимые мотивы для его ликвидации. Царь был западником, если и не вовсе не инородцем, а царевич Алексей – сыном Евдокии Лопухиной, сосланной за русскость.

Избавиться от старшего сына нужно было, чтобы открыть дорогу к престолу дочерям от обозной девки Марты Скавронской, наречённой Екатериной. Не будем вдаваться в подробности провокации против царевича. О них много споров, но нас в данном случае интересует итог.

Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе. Художник Н. Н. Ге

В 1718 году Пётр Первый казнил царевича Алексея в Петропавловской крепости. Причём изобрёл жестокую и изощрённую казнь. А ведь это был сын. Или, может быть, всё-таки как бы сын? Вот тут мы видим ещё одно косвенное доказательство того, что Пётр Алексеевич, сын Тишайшего, был подменён во время зарубежной поездки. Мог ли русский человек, рождённый от русского отца и русской матери – в ту пору цари очень редко мешали кровь с инородцами, – мог ли с бесчеловечной жестокостью пилить головы русским людям и мог ли садистски издеваться над сыном? А ведь многие историки высказывали сомнения, что со стороны царевича была измена. Она не доказана. Уж гораздо большей изменой можно считать деятельность Анны Иоанновны, развязавшей бироновщину, или Петра Третьего, открыто низвергнувшего в угоду врагу победу русской армии в Семилетней войне.

Просто царь хотел устранить русского наследника престола за то, что он был русским – рождён настоящей русской женщиной. И уж точно русским отцом, коим тот, кто скрывался под именем Петра, не был судя по многим фактам.

Обратим внимание на такой парадокс. Одно время было довольно много публикаций, в которых говорилось, что, мол,

Иван Грозный – это не один царь, что под его именем скрывалось по меньшей мере два человека. Один – хороший, в начале царствования, второй – плохой. Это когда государь ввёл опричнину, чтобы бороться с предателями. Охотно рассуждают таковые историки и о Смутном времени. Самозванец на самозванце. Это всё реально, это всё возможно, и в это охотно верят. Взяли да забросили с Запада Лжедмитрия. Так и было на самом деле. А что здесь такого? Запросто. Но вот стоит кому-то заикнуться о подмене Петра в период путешествия в тогда уже погрязшую в преступлениях Европу, сразу протест. Нет, не может такого быть! То же самое можно сказать и о старшем, внебрачном сыне Павла Первого – Симеоне Афанасьевиче Великом, который правил Россией под именем Александра Первого. Тоже официальные историки не хотят принимать вопиющие факты. Подробно я рассказал об этом в ряде книг, в том числе и в серии «Любовные драмы»: «Александр I в любви и супружестве. Судьба победителя Наполеона» (издательство «Вече», 2020 год) и «Павел I. Драмы любви и трагедия царствования» (издательство «Вече», 2022 год).

И ещё. Выдумали мерзкую ложь об убийстве царём Иваном Грозным своего сына, ложь, ничем не подтверждённую, а запущенную в обиход папским легатом Антонио Поссевино. И вот почём зря обвиняют невиновного государя. Что же касается реального, документально подтверждённого убийства Петром царевича Алексея, то здесь полное оправдание. Ну а то, что казнь была жестокой до крайности, так то ж царь-западник казнил. И кого казнил! Русского. Это можно.

А то, что народ горько оплакивал цесаревича, не является ли косвенным свидетельством его невиновности?

И какой контраст! Горячая любовь к дочерям – Елизавете и Анне – и патологическая ненависть к сыну. Так ведь сын, повторяю, от русской женщины, если вообще это его сын, а дочери от Марты Самуиловны, точно не установленной принадлежности, но зато точно установленного поведения.

Представители церкви обращались к царю:

– Государь! Помилуй царевича! Помилуй Россию!

Не помиловал. У него были иные планы. А между тем столь грубое нарушение традиций не могло не повлиять на ход исторических событий.

Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения, говорят, что нельзя расписывать, что могло быть, если бы…

Но разве мы не можем с уверенностью сказать о том, что вряд ли бы было хуже для России, если бы не заправляла в ней иноземка Марта Скавронская, с помощью явно продажного

Меншикова, или не бесчинствовал Бирон, а стоял на престоле законный внук Тишайшего царя, принесшего Русской земле только пользу?

Все перечисленные ужасы, о которых сказано выше, не касались дочерей «преобразователя». Дочери пользовались безграничной любовью отцовской, хотя очень трудно представить себе, что такой жестокий человек, как царь Пётр, мог вообще кого-то любить. Отношение к Марте Скавронской – это другое. Просто отнял у своего полководца, кстати единственного, как свидетельствуют историки, талантливого полководца его царствования, Шереметева, ну и забавлялся с нею, не пропуская мимо и многих других женщин не по причине любви – по причине совсем иного чувства. А когда выяснилось, что у его любвеобильной супруги появился любовник, он жестоко расправился с ним. Существует легенда, что Пётр не только казнил Виллима Монса, брата своей любовницы, причём казнил в присутствии неверной жены, но и повелел заспиртовать его голову и поставить на столе в комнате Екатерины-Марты.

И при всём при этом души не чаял в дочерях от Марты Самуиловны, превратившейся в императрицу Екатерину. К примеру, новой двухмачтовой шняве – небольшому парусному судну – дал имя «Лизетка» в честь Елизаветы. Требовал, чтобы, где бы ни находился, Меншиков сообщал ему о том, «как растут детки», ну а уж тот старался писать восторженные известия.

Заботился царь и об образовании дочерей. И учителей хороших дал, и следил за успехами. А однажды, как вспоминала Елизавета впоследствии, зашёл к ней в комнату, посмотрел на учебники, с которыми сидела она за столом, и заявил, как показалось ей, с горечью: «Эх, если б меня так в детстве учили».

Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. Художник Л. Каравакк

Тоже весьма странное замечание. Сын ли царя Алексея Михайловича, получившего прозвание Тишайший, мог сказать такое?

О Тишайшем историк Сергей Платонов писал: «Алексея Михайловича приучили к книге и разбудили в нём умственные запросы. Склонность к чтению и размышлению развила светлые стороны натуры Алексея Михайловича и создала из него чрезвычайно привлекательную личность. Он был один из самых образованных людей московского общества того времени: следы его разносторонней начитанности, библейской, церковной и светской, разбросаны во всех его произведениях. Видно, что он вполне овладел тогдашней литературой и усвоил себе до тонкости книжный язык».

Как-то не вяжется… Отец, Алексей Михайлович, начитан, грамотен, а сын, Пётр Алексеевич, по словам историка Николая Костомарова, «не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе с беспрерывными описками и недописками». Пожалуй, письму-то вполне могли научить даже недолгие занятия, которые устраивал для него старший брат, царь Фёдор Алексеевич, рано покинувший сей мир.

Между тем историк Платонов назвал и многие другие удивительные качества царя Алексея Михайловича Тишайшего:

«Видно, что он вполне овладел тогдашней литературой и усвоил себе до тонкости книжный язык. В серьёзных письмах и сочинениях он любит пускать в ход цветистые книжные обороты, но вместе с тем он не похож на тогдашних книжников-риторов, для красоты формы жертвовавших ясностью и даже смыслом.

У царя Алексея продуман каждый его цветистый афоризм, из каждой книжной фразы смотрит живая и ясная мысль. У него нет пустословия: всё, что он прочёл, он продумал; он, видимо, привык размышлять, привык свободно и легко высказывать то, что надумал, и говорил притом только то, что думал. Поэтому его речь всегда искренна и полна содержания».

И какой же контраст! Пётр издевался над православной верой, издевался изощрённо, преследовал духовенство, своим распоряжением превратил в посмешище и фискальство тайну исповеди. А что же его отец? Если, конечно, отец…

Сергей Платонов отметил: «Чтение образовало в Алексее Михайловиче очень глубокую и сознательную религиозность. Религиозным чувством он был проникнут весь. Он много молился, строго держал посты и прекрасно знал все церковные уставы. Его главным духовным интересом было спасение души. С этой точки зрения он судил и других. Всякому виновному царь при выговоре непременно указывал, что он своим проступком губит свою душу и служит сатане. По представлению, общему в то время, средство ко спасению души царь видел в строгом последовании обрядности и поэтому сам очень строго соблюдал все обряды…»

По-иному, нежели Пётр, относился Алексей Михайлович и к постепенно заполонявшим Русскую землю иноземцам, хотя и терпел их опять-таки в силу своей религиозности:

«Религия для него была не только обрядом, – писал Сергей Платонов, – но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религиозным, царь думал вместе с тем, что не грешит, смотря комедию и лаская немцев. В глазах Алексея Михайловича театральное представление и общение с иностранцами не были грехом и преступлением против религии, но совершенно позволительным новшеством, и приятным, и полезным».

Кстати, именно при Алексее Михайловиче делал первые шаги русский театр. Церковь называет актёров лицедеями. Что ж, сегодня это, пожалуй, относительно многих особей этой профессии можно сказать твёрдо. Но ведь весь вопрос, как относиться к тому или иному искусству и как оценивать его, как направлять. Сергей Платонов отметил, что Тишайший «ревниво

оберегал чистоту религии и, без сомнения, был одним из православнейших москвичей; только его ум и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православие, чем понимало его большинство его современников», поскольку: «Его религиозное сознание шло, несомненно, дальше обряда: он был философ-моралист, и его философское мировоззрение было строго-религиозным. Ко всему окружающему он относился с высоты своей религиозной морали, и эта мораль, исходя из светлой, мягкой и доброй души царя, была не сухим кодексом отвлечённых нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувственным, любящим словом, сказывалась полным ясного житейского смысла тёплым отношением к людям. Склонность к размышлению и наблюдению вместе с добродушием и мягкостью природы выработали в Алексее Михайловиче замечательную для того времени тонкость чувства, поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утешать… Вот с какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совестливости выступает перед нами самодержец XVII в., боящийся греха от Бога и зазора от людей и подчиняющий христианскому чувству свой суеверный страх!»

Пётр совсем не походил на отца. Историки полагают, что всё дело в воспитании, всё дело в том, что воспитание Петра было доверено Артамону Матвееву, которого называют «первым русским западником», то есть человеком, который ставил западную культуру (что уже в ту пору была бескультурьем) выше отечественной, русской.

Да и жена Артамона Матвеева – англичанка Гамильтон – сильно постаралась направить воспитание в нужное для тёмных сил Запада русло.

Не смогла оценить опасность и вторая жена Тишайшего – Наталья Кирилловна, урождённая Нарышкина, которая, по словам Сергея Платонова «вышла из такой среды (Матвеевы), которая, при отсутствии богословского воспитания, впитала в себя всю мерзость западноевропейской культуры. …Нарышкины из дома Матвеева вынесли знакомство с западной культурой. Сын А. С. Матвеева, близкий к Петру, был образован на европейский лад. У него был немец доктор. Словом, не только не было национальной замкнутости, но была некоторая привычка к немцам, знакомство с ними, симпатии к Западу. Эта привычка и симпатии перешли и к Петру и облегчили ему сближение с иноземцами и их наукой».

Наталья Кирилловна заявляла, что не допустит до сына монахов. Допустила же пьяницу Никиту Зотова, который впоследствии стал верным соратником и собутыльником на шутовских сходках, именуемых «всешутейским, всепьянящим и сумасброднейшим собором».

Поработали и некоторые особи из уже упомянутой выше Немецкой слободы. Иван Лукьянович Солоневич по этому поводу писал:

«Первоначальной общественной школой Петра был Кокуй, с его разноплемёнными отбросами Европы, попавшими в Москву на ловлю счастья и чинов. Если Европа в её высших слоях особенной чинностью не блистала, то что уж говорить об этих отбросах. Особенно в присутствии царя, обеспечивавшего эти отбросы от всякого полицейского вмешательства.

Делали – что хотели. Пили целыми сутками – так, что многие и помирали.

И не только пили сами – заставляли пить и других, так что варварские москвичи бежали от царской компании, как от чумы».

Петр I в иноземном наряде перед матерью своей царицей Натальей, патриархом Адрианом и перед учителем Зотовым. Художник Н. В. Неврев

Так что к своей поездке на учёбу в Европу Пётр был уже вполне сложившимся европейцем, подобно коренным европейцам, ненавидевшим Россию. И тем не менее он приехал совсем другим, нежели уехал туда. Прежде не было в нём такой звериной жестокости. Потому и пошли разговоры о его подмене. Разговоры, которые идут до сих пор и по поводу которых можно сказать лишь одно: дыма без огня не бывает.

Конечно, дочерей всё это не очень касалось. Они ведь и не видели иного Петра, поскольку родились уже после его поездки в Европу, напомню, примерно на 10 сантиметров подросшего, говорившего с акцентом и обожавшего испытывать на людях

новейшие западные изобретения по истязанию неугодных.

Но ещё раз хочу сказать, что не берусь вступать в спор по поводу того, сын ли Тишайшего правил Россией по возвращении из Европы или более или менее подобранный по сходству с ним засланец. От Европы, мечтавшей сокрушить Россию уже много веков подряд и предпринимавшей с этой целью постоянные агрессии, можно ожидать любой подлости. Недаром Александр Сергеевич Пушкин писал: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

А между тем дочери подрастали, и царь стал задумываться о том, как выгоднее выдать их замуж. Мы говорили о том, что он любил дочерей. Но любил ли? Ведь отдавать замуж за нелюбимого, да ещё в другую страну, в другой мир, – это несчастье для той, которую обрекают на подобное. К тому же ведь выдавали-то совсем даже не юными, а в возрасте отроческом.

Писательница Ирина Александровна Шлионская в статье «Ранний брак: почему на Руси возраст согласия начинался с 13 лет» пишет:

«В Древней Руси брачный возраст определялся исходя из норм византийского права и соответствовал 15 годам для юношей и 13 – для девушек. Однако эти нормы часто нарушались, особенно если речь шла о людях знатного происхождения. Так, известно, что князь Юрий Долгорукий женился на 11-летней девочке. Новгород-северский князь Игорь Святославич женил своего сына Святослава в 11-летнем возрасте. Владимирский князь Всеволод Юрьевич женил сына Константина в 9 лет. Ещё один владимирский князь Михаил Юрьевич выдал замуж свою дочь Елену в три года. Дочери киевского князя Святополка Изяславича и суздальского князя Всеволода Большое Гнездо были выданы замуж в 8 лет. Черниговский князь Ростислав Михайлович устроил брак своей дочери Аграфены в 9 лет».

И это касалось не только семей сильных мира сего. Вспомним Пушкина, «Евгений Онегин»:

> «Да как же ты венчалась, няня?»
> – Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
> Моложе был меня, мой свет,
> А было мне тринадцать лет.

Ну а что касается семей царских, тут объяснение таково. Вновь обратимся к статье, процитированной выше:

«Столь неестественно ранние браки заключались прежде всего по политическим причинам. Это было связано с необходимостью скрепить отношения с тем или иным знатным

соседом ради получения экономической и политической выгоды. Супружескую жизнь венчанные дети начинали вести только при достижении половой зрелости.

Далеко не всегда при этом муж и жена были ровесниками или муж старше жены. Если этого требовали политические интересы, то на разницу в возрасте смотрели сквозь пальцы. Так, Пётр I был тремя годами моложе своей первой супруги Евдокии Лопухиной. На момент заключения брака ему было 16 лет, а ей 19. Брак устроила мать Петра, царица Наталья Кирилловна, урождённая Нарышкина».

Так что дочерям Петра, если это, конечно, был Пётр, досталась незавидная доля. Известна народная песня того времени:

> Не давай меня, дядюшка, царь-государь Пётр Алексеевич,
> В чужую землю нехристианскую, басурманскую.
> Выдавай меня, царь-государь,
> За своего генерала, князь-боярина.

Которую же из княжон выбрал Карл Фридрих?

Итак, Елизавета Петровна на выданье. Выбор – шведский жених. Не важно каков. Просто нужен мир со Швецией, на который не соглашался шведский король Карл XII.

У Петра расчёт на то, что трон займёт после смерти короля Карл Фридрих. Но вышло иначе – на престол вступила сестра Карла XII Элеонора Ульрика, правда ненадолго.

Обозрев возможных кандидатов на шведский трон в будущем, Пётр упрочился в желании выдать Елизавету за Карла Фридриха Голштинского и отправил к нему гонца с приглашением посетить Петербург. Карл принял приглашение. В июне 1721 года он приехал в Россию.

Приём был оказан самый радушный, торжественный. Встречали как дорогого гостя.

Евгений Анисимов в книге серии «ЖЗЛ» «Елизавета Петровна» отмечает:

«Уже в ранние годы Елизавета, в отличие от сестры Анны, была смелой и не тушевалась в обществе. Голштинский придворный Берхгольц рассказывал в своём дневнике о праздновании Пасхи 1722 года в царской семье, где принимали голштинского герцога Карла Фридриха. Традиционный обряд целования со словами “Христос воскресе!” – “Воистину воскресе!” шёл своим чередом, пока герцог не столкнулся с девицами – дочерьми царя. Екатерина разрешила ему облобызаться с ними. Старшая Анна долго колебалась, а младшая тотчас же подставила свой розовый ротик для поцелуя».

Цесаревна Елизавета Петровна. Художник Л. Каравак

И далее:

«Елизавета очень рано поняла значение своей необыкновенной красоты, её завораживающее действие на мужчин и стала истинной и преданной дочерью своего гедонического века с его культом наслаждений и удовольствий. Нега веселья и праздности поглотила цесаревну с головой. Об уровне интересов Елизаветы и её окружения выразительно говорит письмо ближайшей наперсницы цесаревны, а потом и её статс-дамы Мавры Шепелевой, посланное из Киля, куда та была отправлена в свите молодой герцогини Голштинской Анны Петровны летом 1727 года: “Матушка-царевна, как принц Орьдов хорош! Истинно, я не думала, чтоб он так хорош был, как мы видим: ростом так велик, как Бутурлин, и так тонок, глаза такие, как у вас цветом, и так велики, ресницы черные, брови тёмнорусые…»

О Бутурлине упоминание не случайно… В последующих главах увидим почему.

Так кто ж такой герцог Гольштейна Карл Фридрих? Родился он в 1700 году, 30 апреля, и был постарше дочерей Петра, предложенных ему в невесты. Происходил из рода Готторп и приходился племянником шведскому королю Карлу XII. Отец его, герцог Шлезвига Фридрих IV, погиб в бою в 1702 году, во время Северной войны, когда Карлу было всего два года. Датские войска завоевали земли в Шлезвиге, доставшиеся ему в наследство. Пришлось бежать в Швецию, к брату матери Карлу XII, и обосноваться при дворе бездетного короля. Вот тут-то и возникла возможность стать наследником престола, что не было тайной для царя Петра.

Тогда-то и обратил Карл Фридрих свои взоры на Россию, а точнее на дочерей царя, надеясь, что брак с одной из них поможет вернуть свои земли в Шлезвиге, поскольку мир, заключённый в 1721 году, этот вопрос не решил. Шлезвиг остался за Данией».

И вот приглашение в Россию. Программу для гостя подготовили более чем насыщенную. Как не показать город, построенный, казалось, на пустом месте.

Город Карлу Фридриху показался сказочным и светлым.

Прошла неделя, как гостил Карл Фридрих. Ну кто же? Кто же будет его супругой, Анна или Елизавета? Все ждали решения, а Карл всё никак не мог определиться. Нравились обе сестры.

Камер-юнкер герцога Карла Фридриха Берхгольц в своём «Дневнике» так описал Елизавету: «По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная, лицо у неё, как И у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа».

Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский. Неизвестный художник

Впрочем, возраст, как уже говорилось, совсем не помеха.

Наконец Карл Фридрих сделал выбор, и ожидалось венчание.

А между тем заканчивалась Русско-шведская война (1700–1721), известная в истории как Северная. Она продолжалась 21 год и завершилась мирным договором, заключённым 30 августе 1721 года в городе Ништадте, что на побережье Архипелагового моря на Балтике.

После заключения договора, получившего название Ништадтского, Сенат пожаловал Петру Первому титул императора с прибавлением «Великий», а Россию провозгласил империей.

Историк Сергей Николаевич Шубинский (1834–1913) описал торжества по этому поводу и привёл текст постановления Сената о поднесении Петру императорского титула.

Вот этот текст:

«Всепресветлейший, Державнейший Монарх,

Всемилостивейший наш Самодержец!

Вашего Царского Величества славные и мужественные воинские и политические дела, чрез которые токмо едиными Вашими неусыпными трудами и руковождением мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно: и того ради како мы возможем, по слабости своей, довольно благодарных слов изобрести за то и за настоящее исходатайствование толь славного и полезного Государству Вашему с короною Свейскою (Шведской) вечного мира, яко плода трудов рук Ваших, по достоинству возблагодарити. Но ведая Вашего Величества, неимеюща в таких хвалах благоугождения, не смеем оных здесь распространять; однакож да не явимся тщи (ни с чем) в зазор всему свету, дерзаем мы учрежденный Вашего Величества Сенат, именем всего Всероссийского Государства подданных Вашего Величества всех чинов народа Всеподданнейше молити, да благоволите от нас, во знак малаго нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний, титул Отца Отечествия, Петра Великого, Императора Всероссийского приняти. Из которых, титул Императорский Вашего Величества, достохвальным Антецессорам (предшественникам) от славнейшего Императора Римского Максимилиана, от нескольких сот лет уже приложен, и ныне от многих Потентатов (властителей) дается. А имя Великого по делам Вашим Великим, по достоинству Вам уже многие и в печатных письмах прилагают. Имя же Отца Отечествия мы, хотя и недостойны такого Великого Отца, но по милости Божьей нам дарованного, дерзаем Вам приложить по прикладу древних Греческих и Римских Сигклитов (римских сенаторов), которые своими славными делами и милостью прославившимся, Монархам, оное прилагали. Ваше отцелюбивое снисхождение к нам подаёт нам такое дерзновение, что Вашему Величеству при подданнейшем благодарении нашем: Твоя от Твоих и достойное достойному воздаём, всенижайше прося, по славному в свете великодушию Своему, тоя милости нас удостоити, и сие приношение от нас милостивейше восприяти.

Виват, виват, виват Петр Великий, Отец Отечествия, Император Всероссийский!»

Загремели барабаны, заиграли трубы, поднялась пушечная пальба с крепостных стен Петропавловки, и генерал князь Голицын вывел на невские просторы 125 воинских галер, с которых ударили мушкеты, оглашая всё вокруг грохотом пальбы ружейной.

Конечно, мир – событие всегда величайшее. Даже такой, который завершил столь долгую, кровопролитную и тяжёлую для России войну, начатую личным позором царя под Нарвой, его трусливыми бегствами в Прибалтике и печальным Прутским походом.

Важность же этого события состояла и в том, что Швеция после поражения потеряла своё главенствующее положение и уже неспособна была более сильно вредить России, хотя и продолжались после этого столкновения с нею при преемниках царя-плотника – и ближайших, и отдалённых.

Окно в Европу было окончательно прорублено, но, увы, по меткому замечанию историков, в это окно стала проваливаться с тех пор Россия, утопая в вине и никотинном дыму.

А ведь в Московской Руси пьянство и курение были под запретом. При Иоанне Грозном за эти мерзости и головы лишиться было можно. Ну а тех, кто завозил спиртное через морской путь, топили нещадно. Запад пытался споить Русь. Особенно жёстко боролся с тайными поставщиками алкоголя Иоанн Грозный. Сурово наказывали пьяниц. Пьянство считается великим грехом, особенно для мусульман, которых в России было немало.

Но это, увы, необходимая ложка дёгтя к бочке мёда, коей можно посчитать создание Российской империи.

Вновь, в который раз, Запад просчитался, пытаясь ещё при Дмитрии Донском и при Иоанне Грозном заковать едва ли не всё население Руси в кандалы. Уже доказано, что генуэзские купцы, следовавшие за ханом Мамаем в обозе в 1380 году, везли с собой 3 миллиона пар кандалов, не меньше взял и Девлет-Гирей Крымский, совершая поход на Москву в 1572 году.

Петр I с Миневрой. Художник Я. Амигони

Биты были и те и другие. Биты были и западные вороги, стремившиеся полонить, по образному выражению Александра Невского, не только тело, но и душу русичей, биты и ордынцы всех мастей, со всеми их многочисленными ханами, биты и крымцы, дольше других совершавшие набеги на русские окраинные земли.

А Русь крепла и сосредоточивалась, прибавляя население, прирастая территориями. Да вот только Смутное время унесло половину этого населения, а петровское царствование, по разным оценкам, от трети до сорока процентов русских жизней. То есть не только естественной прибыли жителей не было, но и убыль

оказалась убийственной.

И вот в такой обстановке росла будущая императрица Елизавета, любимая и холенная отцом, столь жестоким к своим подданным.

Но и относительно её отца – царя-плотника – Провидение имело свои планы.

Царь, ставший императором, занимался выдачей замуж дочерей, даже не предполагая, что не гулять ему самому на свадьбе дочери Анны, которой предстояло выйти замуж первой. Карл Фридрих после долгих колебаний выбрал именно её, чем обрёк на горести и беды, окончившиеся ранней смертью старшей дочери царя-плотника.

Схватка у гроба «преобразователя»

Елизавета Петровна ничуть не огорчилась тем, что выбор пал на старшую сестру, тем более на Руси существовал порядок, правда негласный, что жениться первым должен старший сын в семье, а замуж выходить старшая дочь.

Цесаревна осталась в семье, а в семье, пока здравствовали и мать, и отец, ей было совсем неплохо. Она впоследствии с особой теплотой вспоминала те детские и юношеские годы, подарившие ей подлинное счастье.

Но счастье это продолжалось недолго. В начале 1725 года, когда Елизавете только-только пошёл шестнадцатый год, её отец, император Пётр Первый, заболел. Много версий существует по этому поводу. Самая распространённая такова. На Неве перевернулось какое-то небольшое судёнышко, и матросы стали тонуть. Пётр одним из первых бросился их спасать и сильно простудился в ледяной воде. Эта простуда и привела к смерти. Заметим! Время – конец января. Ну, мы к этому ещё вернёмся…

А вот, к примеру, в «Википедии» ни слова о героическом спасении моряков нет. Там говорится следующее:

«Пётр I умер около 6 часов утра 8 февраля (в то время это было всё-таки 28 января. – *Н.Ш.*) 1725 года. По официальной версии, он умер вследствие воспаления мочевого пузыря, из-за чего прекратилось мочеиспускание, которое порождало сильные боли, из-за чего перед смертью сильно кричал.

Другую версию запустил посол Франции при российском дворе Кампредон на основе информации врача-итальянца, который утверждал, что задержка мочеиспускания связана с “плохо излеченным сифилисом”. Её, в частности, поддерживал советский учёный Н. Покровский: через развратный образ жизни умер от осложнений, вызванных запущенной венерической болезнью, с 1696 по 1707 год её лечили препаратами ртути. По версии Франсуа Вильбоа, который хорошо знал царя, тот болел гонореей, которой заразился от Чернышёвой в 1721 году».

Верна или не верна версия, сказать трудно. Вполне естественно почитатели Петра I в последующие годы создали целый калейдоскоп причин смерти «преобразователя» от героического спасения моряков, в которое весьма трудно верится, поскольку это происходило в январе, когда вряд ли кто-то пользовался небольшими судёнышками. В той же «Википедии» сказано: «Замерзает Нева на всём протяжении. Средние сроки замерзания Невы – первая декада декабря, а вскрытия – первая декада апреля. Толщина льда 0,3–0,4 м в черте Санкт-

Петербурга». Это теперь, когда много факторов воздействует на ледостав, а в ту пору лёд мог быть и потолще.

А вот Авдотья (Евдокия) Ивановна Чернышёва, урождённая Ржевская, согласно сведениям из многих источников, являлась любовницей царя Петра.

Тот же Валишевский, который прославился вопиющей ложью о Екатерине Великой и её эпохе, поскольку его цель была опорочить великую государыню, не имел ничего против Петра, а потому в какой-то степени в данном случае ему можно верить. Так вот, он в своей книге «Пётр Великий» писал:

«Пятнадцатилетней девочкой она (Чернышёва. – *Н.Ш.*) была брошена на ложе царя, а в шестнадцать лет Пётр выдал её замуж за искавшего повышения по службе офицера Чернышёва и не порывал связи с ней. У Евдокии родилось от царя четыре дочери и три сына; по крайней мере, его называли отцом этих детей. Но, принимая во внимание чересчур легкомысленный нрав Евдокии, отцовские права Петра были более чем сомнительны. Это очень уменьшало её шансы как фаворитки. Если верить скандальной хронике, ей удалось добиться только знаменитого приказания: “Пойди и выпори Авдотью”. Такое приказание было дано её мужу её любовником, заболевшим и считавшим Евдокию виновницей своей болезни».

Валишевский в книге постоянно называет царя Петром Великим, а поистине великую государыню в большинстве случаев Екатериной Второй или просто Екатериной. Это, кстати, тоже показатель предпочтений автора. Так что если уж он писал, что царь, почитаемый им великим, заразился этакой вот, как тогда говорили, «срамной болезнью», это весьма похоже на правду. Ну а остальные болячки, диагнозы коих названы, вполне могли вытекать из основного заболевания.

А. И. Чернышева. Неизвестный художник

Некоторые исследователи не исключали и версию отравления. Сразу возникает вопрос: зачем же травить тёмным силам Запада своего ставленника, царя-западника? Между тем запущено в обиход множество версий. То есть калейдоскоп – это в иносказательном плане философия хаоса. В хаосе версий нелегко отыскать правду.

Предположим, царь по имени Пётр вовсе не сын Тишайшего, а подставной иноземец по имени Анатоль. На Западе просто-напросто нашли более или менее похожего двойника, причём, по некоторым данным, выходца из Туретчины. А Петра Алексеевича заточили чуть ли не в Бастилию, запечатав лицо маской.

Так вот, этот инородец вволю поиздевался над русским народом, над русскими традициями, над русской жизнью, не просто переделывая всё на западный лад, но уничтожая животворящие корни державы.

Но Русская земля имеет необыкновенную силу. Она своей глубинной мощью не раз перемалывала тех, кто приходил с

дурными целями, а потом начинал служить ей. Ну а уж те, кто пытался искать в ней спасение, становились порой более русскими, чем сами иные русские. Всем известны имена Михаила Богдановича Барклая де Толли, Владимира Ивановича Даля, причём список этот можно продолжать бесконечно. Речь опять-таки вовсе не о том.

С годами тот, кого мы знаем под именем Пётр Первый, перестал достаточно полно исполнять задачи, поставленные зарубежными хозяевами, и даже создал Российскую империю, вместо того чтобы полностью сокрушить Россию. Для кого создавал империю? Для русских? А может быть, именно для себя? Вошёл во вкус царствования и пожелал править, не покоряясь силам властным, что нависали над ним. Тогда и была решена его судьба. Повторю сказанное выше: существуют доказательные исследования, в которых утверждается, что он умер от отравления. Ну а о том, что на Западе внимательно следили за поведением своего ставленника и готовились ко всякого рода неожиданностям, свидетельствует ещё один любопытный факт, которого коснусь на последующих страницах.

А пока важно другое. Умер царь не скоропостижно, а, следовательно, мог вполне выполнить свои узаконения о престолонаследии, по которым император мог назначать наследника не по традициям, сложившимся в России, а по собственному произволу.

По свидетельству современников, император, будучи на смертном одре, чувствуя, что настаёт последняя минута, взмахнул рукой и произнёс:

– Отдайте всё…

Но не договорил, рука безжизненно упала, и он отправился к неведомым нам праотцам.

К тому времени престолонаследие на Руси прошло свою серьёзную эволюцию от «лествичного восхождения», принёсшего много раздоров и междоусобиц, к наследованию «по отчине и дедине», то есть выработано было кровью и смутами. «По отчине и дедине» власть должна была перейти к старшему сыну императора, но, поскольку старший сын был умерщвлён по приказу самого Петра, наследовать её должен был его сын – внук настоящего Петра Алексеевича Романова, тоже по иронии судьбы Пётр Алексеевич.

Нельзя с уверенностью сказать, что умирающий император лишь взмахнул рукой да сказал: «Отдайте всё…», и умер, не указав кому. Он ведь видел своей преемницей дочь Анну и вряд ли мог указать на внука. Но окружали его в последние минуты жизни сановники, которые имели свои взгляды на то, кто должен

править Россией. Меншикова не устраивали ни теперь уже герцогиня Анна Петровна, ни цесаревна Елизавета Петровна, ни царевич Пётр. Его устраивала именно обозная девка Марта Самуиловна, наречённая Екатериной Алексеевной. Почему? По некоторым данным, он уже успел разделить с ней ложе, поскольку к ней можно применить старый анекдот о француженке, ключевые слова которого – «это не повод для знакомства», то есть постель – сущие пустяки. Недаром муженёк поставил в её комнате заспиртованную голову любовника.

Петр I на смертном ложе. Художник И. Г. Таннауэр

Вполне понятно, что старая русская знать, которую ещё не полностью выкорчевал «преобразователь», поскольку она нужна была для самого существования империи, не могла принять такую императрицу, да и не было до сей поры на русском престоле женщин.

Меншиков не мог не понимать, что предстоит жестокая борьба за престол. Противники же его в этой борьбе, во главе которых стоял действительный тайный советник Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737), тоже обладали достаточной силой влияния на происходящие события. К тому же они уповали на старый русский закон престолонаследия «по отчине и дедине», несмотря на то что Пётр в 1722 году упразднил его «Указом о престолонаследии», согласно которому монарх получал право

назначать наследника престола не по давно устоявшимся на Руси правилам, а, как тогда говорили, «по произволу». Настал момент, когда можно было возвратиться к старым принципам.

Получалось, что, если опираться на традиции, у Марты-Екатерины шансов занять престол оказывалось очень немного, да и правительницей при малолетнем Петре она вряд ли могла стать – не её он чадо.

Когда стало ясно, что дни императора сочтены, Меншиков развернул бурную деятельность по составлению заговора, прежде всего привлекая тех, кому было выгодно вступление на престол Екатерины и крайне опасно восшествие на трон внука императора.

Союзником Меншикова стал граф Пётр Андреевич Толстой (1645–1729), один из руководителей Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Для него воцарение Петра, сына Алексея Петровича, арестованного и истязаемого им самим, а затем и казнённого, было смерти подобно. Он понимал, что те, кто выступает за внука императора, непременно разделаются с ним, причём в скором времени. Поддержал Меншикова и генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский, камергер, обер-шталмейстер, генерал-аншеф.

Обстановка обострялась по мере ухудшения самочувствия императора. Некоторое время чаша весов не склонялась ни в ту, ни в другую сторону.

Меншиков понял, что вопрос нужно решить силовым путём, то есть фактически брать власть с помощью гвардии. Но её надо было ещё привлечь на свою сторону. Начал обработку генерал-аншефа Ивана Ивановича Бутурлина.

Убеждать пришлось довольно долго, указывая на выгоды, которые последуют при возведении на престол Екатерины. Согласие Бутурлина явилось предательством, ну а предательства такого рода, что мы увидим далее, Провидение не прощает.

Заручившись поддержкой Бутурлина, Меншиков стал ожидать развязки.

Когда же стало ясно, что сочтены уже не дни, а часы жизни императора, Бутурлин по сигналу Меншикова привёл ко дворцу гвардейские полки и в момент кончины приказал бить в барабаны.

Присутствовавший при кончине императора генерал-фельдмаршал князь Аникита Иванович Репнин (1668–1726) попытался выяснить, почему гвардейские полки окружили дворец.

Бутурлин признался, что гвардия поднята по тревоге по его приказу.

Репнин, как старший по чину, потребовал объяснений. Бутурлин спокойно заявил, что сделал это по повелению императрицы Екатерины Алексеевны, подданным коей является.

Стало ясно, что чины и звания в данный момент потеряли всякий смысл и всякое значение.

Тем не менее спор о власти возник, едва остановилось сердце императора. О нём уже никто не вспоминал и никто не думал. Театральные представления, связанные со скорбью, на время были отставлены. Сторонники отрока Петра, которые были, по определению, более совестливы и более человечны, поскольку не потеряли русского облика, вовсе не питали особого уважения к антироссийским реформам. Ну а те, кто стоял за возведение на престол иноземки из обоза, вряд ли вообще понимали, что есть совесть и честь.

Им сразу стало ясно, что в случае победы сторонников Петра никакой возможности благоденствовать в России ни для самой овдовевшей императрицы, ни для Меншикова не останется. Тем не менее Меншиков выдержал некоторое время, а потом шепнул Бутурлину, что час настал.

Тут же в помещение вошли гвардейцы, по образному замечанию некоторых историков, гремя шпорами, и объявили свою, разумеется, подсказанную им Меншиковым волю. Так совершился первый из многочисленных дворцовых переворотов XVIII века.

Ну а теперь, забегая вперёд, надо сказать несколько слов о судьбе предателя.

А. Д. Меншиков Неизвестный художник

В «Русском биографическом словаре», изданном Санкт-Петербургским императорским русским историческим обществом под редакцией сначала А. А. Половцова, а затем великого князя Николая Михайловича, ставшего известным историком, сказано:

«У Екатерины I Бутурлин был в милости, но вскоре участие его в заговоре, имевшем целью низложение Меншикова, погубило его. Уцелевший Меншиков ничего не мог сделать заговорщикам при Екатерине, но, сделавшись всесильным при её преемнике, он отомстил им, а следовательно, и Бутурлину: лишённый чинов и знаков отличия, Бутурлин сослан был на безвыездное жительство в свои поместья, а вскоре потом лишился и всех деревень, пожалованных ему Петром, которые были отобраны у него Долгоруковыми, занявшими при Петре II место и роль Меншикова. У Бутурлина осталось только родовое село Крутцы во Владимирской губернии, недалеко от города Александрова; там он и скончался 31 декабря 1738 года и был похоронен в Александрове, в Успенском девичьем монастыре».

Меншиков фактически стал правителем России за спиной

Екатерины Первой.

«И исшед вон, плакася горько»

Те, кто служат зарубежным хозяевам, ни в грош не ставя интересы своего – если, конечно, считать его своим – народа, не понимают, что являются лишь разменной монетой и в любом случае – выполнят они задачу по уничтожению страны или не выполнят – нужда в них отпадёт.

Пётр преуспевал в уничтожении русского народа. Наш знаменитый историк Василий Осипович Ключевский указал, что все реформы Петра привели к колоссальной убыли в людях. Россия за время его правления потеряла треть населения, а по данным других историков, даже 40 процентов. А ведь при Иване Грозном население значительно выросло!

Некоторые историки пытались объяснить это войнами, но и Грозный царь почти непрерывно вёл войны. А тут дело в другом. Один из иностранцев, современников Петра, писал, что содержание русского рабочего «почти не превышало того, во что обходится содержание арестанта».

Историк Борис Башилов привёл ужасающие факты: «Работные люди надрывались над работой от зари и до зари, иногда по 18 часов в сутки. В рудниках работали по пояс в воде, жили впроголодь. Люди гибли тысячами от недоедания, от непосильной работы, от заразных болезней. Тех, кто протестовал против этого каторжного режима, ждало калёное железо, батоги, кандалы. Для того чтобы превратить ненавистную ему Московию в “европейский парадиз” Пётр не жалел людей».

Западу это нравилось. Ведь в петровские времена в Англии значительно сократили вредное производство, к примеру чугуна, поскольку даже дорогостоящая доставка его морем из России оказалась гораздо выгоднее. Можно себе представить, сколь дёшев был труд.

Но на Западе одновременно и побаивались того, что Пётр может вырваться из-под власти. Подобные факты известны в истории.

Я приведу один эпизод, тем более он касается будущих персонажей истории царствования Елизаветы Петровны. Изложены же события на основании изучения ряда воспоминаний современников и других документов эпохи.

Это случилось задолго до рождения будущей императрицы Елизаветы Петровны, но непостижимым образом проявилось именно в годы её царствования. Итак, по порядку.

В сентябре 1700 года русские войска осадили шведскую крепость Нарву. Под началом Петра было 35 тысяч человек (по

другим данным, даже 42 тысячи). Гарнизон Нарвы насчитывал 1 тысячу 900 человек. Превосходство у Петра было неслыханным.

Но каковы его действия? Он пришёл под Нарву и встал перед ней, не зная, что делать далее. Русским генералам он не доверял. На себя брать ответственность боялся, поскольку избрал в жизни удобную позицию. Находясь при войсках или силах флота, в случае победы присваивал себе все плоды и лавры, а в случае неудачи оставался в тени. Неудачи его, даже самые ужасные, именовались уроками. Мол, молодой правитель молодой страны учился!

Под Нарвой Пётр I отдал армию во власть иноземца – герцога де Круа, полководца бездарного, продажного и трусливого. Частными начальниками над полками и дивизиями были 40 иноземных генералов. Русских средь военачальников оказалось раз-два и обчёлся. Да и оставались в строю из природных русских в основном приближённые к Петру генералы.

Осадными работами Пётр поручил руководить саксонскому инженеру Галларту, который и вовсе не собирался служить России – он только материальное вознаграждение за эту видимость службы загребал. А потому умышленно затягивал дело, пока не понял, что вот-вот придёт пора ответить за свои достижения, и перебежал к шведам в крепость, твёрдо зная, что Петру Нарва не по зубам.

Нерешительные, а то и просто предательские действия командования привели к тому, что более месяца сухой погоды было потеряно напрасно. Когда же зарядили дожди, началась, наконец, бомбардировка крепости. Вот тогда-то и выяснилось, что пушки, купленные Петром перед самой войной у шведов, никуда не годились. Нашёл у кого покупать! Так бы ему и продали что-то путное, ведь понимали шведы, что столкновение с Россией неизбежно.

При стрельбе ядра не долетали до стен крепости. Да и маловато заготовили боеприпасов. Они скоро закончились, и даже такую самую ограниченную артиллерийскую подготовку штурма, просто шумовую, чтобы попугать, пришлось прекратить. Подвозить же боеприпасы, продовольствие, снаряжение стало невозможно из-за сильной распутицы и почти полного отсутствия дорог. В войсках начался голод.

Деморализованное иноземными генералами, униженное равнодушным к нему отношением со стороны царя русское войско уже не представляло реальной силы. Солдаты видели, что творится вокруг. Они наблюдали, как ядра шлёпаются в грязь, едва вылетев из стволов пушек, они мучились с отсыревшими зарядами для ружей, они печально смотрели на пустые, потухшие

котлы полевых кухонь.

Русский солдат – самый выносливый и неприхотливый солдат в мире, как, собственно, и весь русский народ – самый стойкий народ в мире. Это доказано историей, это отмечено во многих трудах. Но для стойкости беспримерной нужно совсем немного – нужно, чтобы командиры и начальники дурными не были, нужно, чтобы авторитетом пользовались. Недаром даже криминальный мир выкрал это положение. Авторитет – и всё сказано. И лишних слов не надо.

Основу осаждающих Нарву войск составляли именно те полки, которые создавал лично Пётр после зверского уничтожения настоящих, хорошо подготовленных и отважных воинов – стрельцов. Вот эти новые петровские, необученные полки и показывали себя во всей красе…

17 ноября царь получил сообщение о том, что Карл XII идёт на выручку осаждённого гарнизона с мобильным отрядом всего в 6 или 8 тысяч человек. А у Петра 36 тысяч, если не более того. Что уж тут переживать? Да с таким-то превосходством гениальному полководцу и делать особо нечего.

Но венценосный предводитель, видимо, хорошо осознавал свои «гениальные» способности. Что же делать? Оставаться со своим войском? Но ведь так можно в плен угодить, а то и того хуже – жизни своей драгоценной лишиться. Жестокие люди никогда не отличаются личным мужеством. Ну а жестокость царь доказал, лично рубя головы стрельцам. Вот тогда он был героем!

Какие уж там картинки всплывали перед венценосным взором, неведомо, только выход он нашёл, как ему, видимо, показалось, блестящий. Едва поступило сообщение о движении шведского королевского отряда, сразу вспомнил царь о необходимости срочно доставить в лагерь русской армии продовольствие, дабы солдат голодных накормить. А кто это лучше всех сделать может? Только он лично. Ну и подкрепления ведь нужны. Как же это можно с 36–42 тысячами против 8 тысяч выходить?!

И объявил царь, что срочно выезжает «резервные полки побудить к скорейшему приходу к Нарве, а особливо чтобы иметь свидание с польским королём».

Бегство царя вылилось в трагедию для русской армии.

В промозглую ночь поздней осени, когда всё скрыла темень, хоть глаз коли, когда снег с дождём не переставал ни на минуту бить в лицо, Карл XII дерзко и стремительно атаковал брошенные Петром Первым русские войска, осаждавшие крепости Нарву и Ивангород.

Отряд-то невелик – всего тысяч шесть – да сплочён оказался

лучше русских соединений, измотанных осадой крепостей, был по-боевому сколочен, а многочисленное русское войско, приведённое в эти глухие края, к крепостям, окружённым лесами да болотами, хоть и превосходило его многократно, но было изнурено долгой и бесполезной осадой, голодом, холодом, да к тому же дезорганизовано бегством предводителя.

Даже военного совета Пётр не собрал. Да и что бы он мог сказать на военном совете иноземным залётным генералам, которых было в войсках около сорока, да и командующему – герцогу де Кроа? Им говорить ничего не надобно. Они своё дело крепко знали – служили за деньги, а как жареным запахло, все, во главе с герцогом, бежали из-под крепости вслед за царём. Бежали, конечно, к шведам. И сразу возник хаос, сразу началась паника, ведь слухи, распускаемые лазутчиками шведского короля, в создавшейся обстановке мгновенно достигали цели.

В Европе быстро отреагировали на это событие. Непобедимая Россия потерпела поражение! И неважно, что потерпел его европеизированный царь. Битва стала подлинной трагедией не для него, а для русского воинства, набранного царём взамен истреблённых стрельцов жестоким, чисто европейским образом.

Была выбита памятная медаль, где Пётр I изображён на коне с выпадающей из рук шпагой, в сваливающейся с головы шапке и утирающим градом текущие слёзы. Надпись гласила: «И исшед вон, плакася горько».

Вслед за иноземными генералами солдаты стали разбегаться целыми полками. Но дивизия русского генерала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, подобно очень немногим возглавляемым русскими командирами частей и соединений, не оставила своих позиций. Трубецкой лишь развернул часть сил, чтобы прикрыть направление вероятного удара войск Карла XII.

Шведская медаль в честь победы под Нарвой

Историк Пётр Михайлович Майков (1833–1916) так описывал действия дивизии Ивана Трубецкого:

«После отъезда Петра I Карл XII подошёл к Нарве и 19 ноября, несмотря на страшную метель, напал на осаждавших. Шведы кинулись на дивизию князя Трубецкого, и менее чем в 4 часа вал и 10 орудий главной батареи были уже в их руках. Сражение окончилось поражением русских, причём шведы взяли в плен всю русскую артиллерию, большую часть войска, около 780 офицеров, а также генералов: Ив. Ив. Бутурлина, князя Якова Долгорукова, Артамона Михайловича Головина, Имеретинского царевича Александра и князя Ивана Юрьевича Трубецкого».

Как видим, иноземцев даже не оказалось среди пленных – все удрали ещё до сражения. Ну а дивизия Трубецкого всё-таки стояла, хоть недолго, но стояла, отбивая натиск врага.

И грянул жестокий бой. Полки дивизии стояли твёрдо, несмотря на численное превосходство врага, действовавшего против них, поскольку остальные сбежали, унеся с собой и численное превосходство русских войск. Солдаты Трубецкого стояли твёрдо, насмерть, но на вооружении у них были негодные пушки, приобретённые царём перед самой войной у шведов, да и ружья не лучше.

Не помогла и круговая оборона. Враг использовал артиллерию.

Замысел новой смуты?

Генерал князь Трубецкой управлял боем до последней возможности. Близкий разрыв опрокинул его на землю и погрузил в небытие. Очнулся князь уже в плену. Его заставили встать и толкнули к уже выстроенным в шеренгу пленным офицерам и генералам. На некоторых белели повязки – на руках, на головах…

Пленных погнали в сторону тракта, который вёл от крепости вглубь владений Швеции.

Начался тяжёлый изнурительный марш под конвоем.

Трубецкой ощупал себя, насколько это можно было сделать в движении. Ран не было. Только контузия. Сразу возникла мысль – бежать. Но как? В такую-то погоду? Как найти дорогу на незнакомой местности, в чужом краю, где ни у кого не спросишь подсказки?

Он не оставил эту мысль полностью, просто решил осмотреться, оценить обстановку. На первых переходах пленных особо не трогали. Кормили сухарями с водой, запирали в каких-то амбарах или сараях, а то и просто оставляли в открытом поле, окружая солдатами с угрожающе направленными ружьями.

И вот, когда загнали офицеров и генералов в какой-то сарай, шведы затребовали почему-то именно его, князя Трубецкого. Видно, выяснили, кто он, узнали, что генерал, командир дивизии.

Привели в небольшой, довольно приличный дом. Велели остановиться в прихожей. Офицер скрылся за дверью, но тут же появился снова, указав Трубецкому жестом, чтобы вошёл.

Трубецкой переступил порог. В просторной, освещённой свечами комнате было несколько шведских генералов. Один из них, видимо старший, указал на стул возле обычного тесового стола. Явно здесь располагался не штаб и не пункт управления. Скорее дом зажиточного шведа на маршруте движения, в который и прибыл важный шведский вельможа с какой-то, пока непонятной Трубецкому целью.

Генералы сидели на широкой лавке, вытянутой вдоль стены.

– Вы Трубецкой? – спросил один из них, видимо главный.

Переводчик перевёл вопрос.

– Да, я генерал, князь Трубецкой, – ответил Иван Юрьевич, смело глядя в глаза спрашивавшему.

– Его величество король поручил мне говорить с вами. Он знает, что с победоносными шведскими войсками сражалась только ваша дивизия…

– Не одна моя дивизия, – возразил Трубецкой.

– Ваша дивизия сражалась лучше других оказавших нам сопротивление, – уточнил шведский вельможа.

– Я выполнял свой долг, – сказал Трубецкой, ещё пока не понимая, к чему клонит шведский генерал, который не посчитал нужным представиться, а просто заявил, что прибыл по поручению самого короля.

Мелькнула даже мысль, что за это самое сопротивление его казнят. Но шведский генерал в следующую минуту буквально ошарашил князя своим заявлением:

– Его величество король поручил мне предложить вам, генерал, поступить к нему на службу. Вы хороший командир, вы настоящий командир. Если вы дадите согласие, мы немедленно выезжаем в ставку для встречи с его величеством. Король, как только вернётся из похода, примет вас лично.

Трубецкой с удивлением посмотрел на говорившего. Не шутит ли швед. Но тот спрашивал серьёзно. И столь же серьёзно повторил свой вопрос. Но русский князь, потомок Ольгердовичей, сражавшихся вместе с Дмитрием Донским на поле Куликовом, происходивший из славного рода воинов – рода, который восходил к Рюриковичам, мог ответить только отказом. Впрочем, ведь это слишком просто. Не лучше ли поиграть с врагом и, Бог даст, использовать для побега пустую для князя, но обнадёживающую для шведов говорильню.

Нельзя сразу давать надежды, но нельзя и отказываться наотрез. Время! Нужно выиграть время. Пусть уговаривают.

Одно удивляло: почему выбрали именно его? Какие дальние цели в этой игре? Князь ответил, что предложение слишком неожиданно. И не по адресу, ведь он – русский князь, род которого знаменит в России. Его род мог вполне оказаться на троне в 1613 году, поскольку предок его, князь Дмитрий Трубецкой, был кандидатом на выборах во время Московского Земско-поместного собора.

Офицер что-то сказал переводчику, и тот заговорил в более уважительном тоне, нежели прежде, причём назвав Трубецкого князем, а не только генералом:

– Его величеству королю Карлу Двенадцатому известна родословная князя Ивана Юрьевича Трубецкого. Известно, что его пращур – князь Дмитрий Трубецкой отличился при освобождении Москвы от поляков. – Он сделал паузу и сказал с нажимом: – От поляков – врагов России, с которыми Швеция ныне ведёт войну. Но известно, что на том же соборе среди кандидатов был и королевич Карл Филипп, сын шведского короля.

– Да, я знаю, – кивнул Трубецкой. – Но это не меняет дела. Я присягал русскому царю!

И. Ю. Трубецкой. Неизвестный художник

Князь Иван Юрьевич выбрал в своих ответах такой тон, который мог дать надежду шведскому генералу. Пусть думает, что он не совсем уверен, надо ли стойко стоять на своём. В каждую фразу – побольше сомнений. Главное – ничего не обещать твёрдо, не давать никаких обязательств и ничего не подписывать.

Постепенно он начинал догадываться, к чему клонит шведский генерал. Видимо, призвать в свою пользу того, чей предок мог стать царём в тринадцатом году, было для него важно. Не ради ли очередной смуты в России? А смута – залог успеха любой агрессии.

– Скажите, князь, – неожиданно заговорил на довольно чистом русском языке один из шведских генералов, – разве вы не догадываетесь, что на русском престоле находится не сын Алексея Михайловича, которого вы прозвали Тишайшим, а совершенно другой, подставной человек? Не догадываетесь, что из Европы вернулся в Россию вовсе не Пётр Алексеевич? Разве не удивили вас некоторые моменты? Разве не удивило поведение

царя после возвращения из поездки?

Трубецкой пристально посмотрел на говорившего. Кто он? Почему так хорошо знает русский язык? Войсковой генерал? Вряд ли. Дипломат? Вот так… Плен оборачивался изощрённой дипломатической игрой. Князь не торопился с ответом. Поспешишь – проиграешь. Пока он ощущал некоторое своё превосходство в споре. Конечно, не допускал и мысли о предательстве. А вот его противники, видимо, допускали такую мысль, надеялись, что князь, попавший в безвыходное положение, дрогнет. Ну а для того, чтобы он дрогнул, были припасены убийственные факты. Правда, шведы не спешили выкладывать эти факты. Если бы князь сразу и с радостью согласился перейти на службу шведскому королю, это было бы победой над ним, но победой весьма сомнительной. Можно было узреть какую-то хитрость, какие-то далекоидущие планы. Понятно, что разбежались четыре десятка петровских генералов, нанятых за рубежом. Их задача – деньги заработать и при этом остаться целыми и невредимыми. Для них Россия – источник доходов. Для русского князя Трубецкого она – родной дом.

Но ведь его Отечество в большой опасности, ибо управляет им правитель кровавый и жестокий. Шведская разведка приносила известия о том, в какой ужас привёл Россию этот самый царь своей изуверской казнью стрельцов. Швеция – сосед России. Сосед неспокойный. Сколько войн уже было в истории! А сколько ещё будет! Впрочем, о том, сколько их будет, никто не мог знать.

Отношения России и Швеции вовсе не дело только русских и шведов. Сколько интересов европейских стран завязано на этих отношениях!

Пауза затянулась, и шведский генерал, вступивший в разговор, прямо спросил:

– Вы не заметили, что царь ваш подрос во время поездки по Европе больше чем на два вершка?

И поскольку Трубецкой продолжал молчать, генерал продолжил:

– Вы, князь, не обратили внимание на то, что вместо планируемых нескольких недель царь пробыл в Европе почти полтора года, что ещё из Европы он отправил распоряжение постричь в монастырь свою супругу – царицу Евдокию? А вас не удивило то, что из всего посольства остался при царе лишь один Меншиков? Неужели это не навело вас на мысли о том, кто вернулся из Европы? И отчего вдруг восстали против царя стрельцы? Почему не приняла царя родная сестра – царевна Софья Алексеевна?

Вслушиваясь в этот длинный монолог, Трубецкой поражался осведомлённости шведов о делах в России. У князя и без этого монолога возникали некоторые сомнения. Возникать возникали, да только он гнал их от себя, потому что не мог найти ответа, а искать этот ответ было опасно, очень опасно. Стрельцы уже испытали на себе царский гнев, да какой! Нет, не русским, далеко не русским был тот страшный гнев. Этого Трубецкой не заметить не мог. Такой жестокости, которую продемонстрировал царь во время истребления стрельцов, Россия ещё не знала. Разумеется, и в России приходилось казнить приговорённых к смерти, но чтоб казнь доставляла наслаждение царю – такого никогда не случалось прежде.

Во время разговора Трубецкой думал не только о том, что слышал от шведского генерала, но и о том, какова должна быть его личная реакция на все эти слова. Нужно было переиграть. И он, всем видом показывая интерес к услышанному, воскликнул:

– Я многое замечал! И мне многое до сих пор не ясно.

Кажется, шведы клюнули на эти слова. Старший среди шведских генералов спросил через переводчика, готов ли Трубецкой послужить России под знамёнами шведского короля. Хитро задан вопрос – не предать Россию, а послужить ей!

Действительно, некоторые историки – из тех, что утверждали, что царь подменён во время поездки в Европу, – высказывали предположения, совершенно, на первый взгляд, фантастические. Мол, шведский король рвался в Россию, чтобы сбросить Самозванца, а затем и вызволить из европейского плена настоящего царя. Впрочем, ни доказать эту версию, ни полностью отвергнуть её невозможно. Слишком много накрутили вокруг царствования Петра те, кто создавали науку, которая, по меткому определению Льва Толстого, была ложью, «о которой договорились историки».

Что касается царя, то и сам Трубецкой заметил большие в нём перемены. Он относил это ко времени взросления, когда порой внешность человека слегка меняется, но это было в общем-то нелепым объяснением. А ведь род Трубецких близок к трону, и сам князь Иван Юрьевич лично известен Петру Алексеевичу, ещё в младые лета царя.

Иван Юрьевич Трубецкой – сын боярина Юрия Петровича Трубецкого и княжны Ирины Васильевны Голицыной, сестры знаменитого фаворита царевны Софьи Алексеевны, Василия Васильевича Голицына. Он часто бывал при дворе, поскольку состоял на царской службе.

Род Трубецких знатен, известен на всю Россию. Восходил он к

воинам храбрым, сложившим головы за Русскую землю. Внук Гедимина Дмитрий Ольгердович, князь брянский, стародубский и трубчевский, дрался с врагом на Куликовом поле, отстаивал Отечество на других рубежах и погиб в битве на Ворскле в 1399 году вместе с сыном Иваном. Князь Михаил Дмитриевич, второй по старшинству сын Дмитрия Ольгердовича, правил княжеством отца, а затем, когда настал его час уйти в мир иной, разделил княжество между сыновьями Семёном и Юрием. Род Юрия Михайловича пресёкся в 1565 году. А сыновья Семёна Михайловича продолжили династию Трубецких. Один из его потомков, Никита Романович Трубецкой, по прозвищу Косой, и являлся прапрадедом пленённого шведами Ивана Юрьевича Трубецкого. А племянник Никиты Романовича – Дмитрий Тимофеевич Трубецкой участвовал кандидатом в выборах государя на знаменитом Московском соборе 1613 года. Причём у него, как И у князя Дмитрия Пожарского, шансов занять престол было никак не меньше, чем у Михаила Романова. А потому в день выборов князей Трубецкого и Пожарского «взяли в осаду» в их собственных домах и не пустили на собор. Это сделали представители тех сил, которые были заинтересованы в избрании Романовых. Впоследствии Дмитрий Тимофеевич Трубецкой был отправлен воеводой в Сибирь, где скоропостижно умер при загадочных обстоятельствах. Истинных руководителей ополчения, организаторов освобождения Москвы в 1612 году, быстренько отодвинули от престола и предали забвению.

Шведы учли все нюансы. Ведь для того, чтобы в трудные для страны времена замутить смуту, нужно к капельке правды прибавить бочку лжи, которую вылить на хорошо подготовленную почву.

Учли и родословную князя, и его нынешнюю близость к престолу.

Князь Иван Юрьевич женился рано, выбрав в жёны княжну Анастасию Степановну Татеву, известного старинного и уважаемого русского рода, который на ней и оборвался. Женился рано – рано и овдовел. Умерла молодая жена в 1690 году.

К числу любителей холостых забав князь Иван Юрьевич не относился, он мечтал о хорошей, доброй семье, а потому уже в следующем, 1691 году венчался с новой избранницей – двадцатидвухлетней Ириной Григорьевной Нарышкиной, троюродной сестрой матери царя Петра, царицы Натальи Кирилловны. Тоже ведь брак, который ещё более приблизил к царскому трону.

Шведы, несомненно, были осведомлены о положении князя

при дворе. Известно им было, что, возвратившись из европейской поездки, царь вспомнил – наверное, правильнее заметить, что царю подсказали, что есть такой князь Трубецкой, верный трону. Трубецкого сразу привлекли к делам ответственным, связанным с разгромом Стрелецкого восстания.

И это, как выяснилось из бесед со шведскими вельможами, было хорошо им известно…

Тёмные силы Запада всегда играют на несколько пасов, то есть закладывают разные варианты разрушительных действий против земли Русской. Трубецкой понял, что интерес к нему не случаен – врагу нужно заложить бомбу под государственное управление. Но он не спешил с выводами, а стремился более точно определить планы шведов.

Всё дальше и дальше от родной Русской земли уводили пленных. Всё меньше оставалось надежд вырваться на волю и добраться до России. А тут ещё постоянные предложения врага.

Казалось бы, для царствующей династии князь не представлял опасности. Но так ли это? Конечно, живя в России и находясь на службе царской, он бы так и оставался военачальником. Но… В руках врагов он мог представлять серьёзную силу для сокрушения существующего строя, причём не только Петра, но и его преемников.

Да, он не прямой потомок, но ведь он – представитель рода Трубецких, а значит, при известных стараниях заинтересованных сил мог превратиться в то знамя, которое «по свистку из-за бугра» могли поднять силы, недовольные правлением Романовых или просто заточенные на смуту в стране.

Побег представлялся единственной возможностью избежать гибели, ведь отказ от сотрудничества мог стоить жизни. Но охрана была надёжной, да и запирали пленных, выбившихся из сил во время перехода, в добротных сараях или амбарах, из которых просто так, без каких-либо подручных средств, не выбраться.

Первое время его держали вместе со всеми пленными. Затем отделили генералов и офицеров от солдат, так что он оказался в одной группе вместе со своими подчинёнными. С ними легче было договориться о побеге, наметить план, выбрать удобное время.

Князь Андрей Хилков писал Петру: «Нас развезли по разным городам и держат в суровой неволе, никуда не пускают и ни с кем видеться не дают. Царевичу дозволено гулять только с караулом; Вейде держат в погребу…»

Иван Трубецкой подговорил двух своих товарищей по несчастью – генералов Бутурлина и Вейде, единственного

иноземца, не сбежавшего с поля боя и потому испытавшего ужасы плена, и они совершили побег.

Вот командир дивизии тридцатитрёхлетний генерал Вейде Адам Адамович – сын немецкого офицера. Вырос в печально знаменитой Немецкой слободе, там и сдружился с юным Петром Алексеевичем. Тот определил его в свои потешные войска. Быстро стал майором Преображенского полка, отметил его царь за участие в Кожуховских манёврах, что прошли в 1694 году. А затем были Азовские походы. В них отличился уже в боевых делах. А вскоре после походов Пётр Алексеевич, которого Лефорт уговорил поехать в Западную Европу посмотреть, как там люди живут, направил Вейде в Прибалтику, Пруссию, Австрию, Голландию и Англию, чтобы подготовить почву для Великого посольства. Многое, видно, известно генералу Вейде о том посольстве. Впрочем, сам он в нём не участвовал. Но зато в 1698 году составил и подал царю «Воинский устав», который во многом списал с уставов европейских.

В 1699 году Вейде был назначен командиром Лефортовского полка и получил чин бригадир-генерала. А в канун войны царь поручил сформировать дивизию в составе Лефортовского полка, драгунского и восьми новонабранных пехотных полков. Вот, командуя этой дивизией, Вейде и попал в плен под Нарвой.

А вот генерал Иван Иванович Бутурлин вызывал большее доверие. Он постарше, сороковой год шёл. Внук окольничего при царе Алексее Михайловиче и сын стольника. При формировании Преображенского полка стал премьер-майором, а уже спустя три года произведён в генерал-майоры. Под Нарву он привёл Преображенский, Семёновский и 4 пехотных полка. Царь находился в его соединении. Значит, доверие особое. Командовал отражением шведского удара храбро. На следующий день после битвы шведский король направил ему предложение о почётной сдаче в плен, обещая, что в случае сдачи «на капитуляцию» получит свободный пропуск в Россию. Выдержавшие удар шведов полки по приказу Бутурлина сложили оружие. Шведский король обманул. Все подчинённые Бутурлина во главе с ним оказались в плену.

И. И. Бутурлин. Художник В. Н. Бовин

У Бутурлина были все основания ненавидеть шведов и более уже не верить их лживым посулам. Не в бою вследствие ранения попал в плен, а понадеявшись, что может вернуться в Россию вместе со своими солдатами и офицерами.

Тревожило Трубецкого то, что шведы словно забыли о своих пленниках. Ни с Вейде, ни с Бутурлиным и вовсе не разговаривали ни разу, да и его перестали вызывать на беседы. Впрочем, так ведь и предупредили: ответ он должен дать, когда прибудут в конечный пункт.

И всё-таки решились на побег, хотя это было и невероятным решением.

В ненастный день, когда морозы, было наступившие, снова сменили снег с дождём, изобразил Трубецкой, что плохо ему, а видно, часовых предупредили, которого из пленников не только стеречь, но и беречь надобно. На то и расчёт. Прибежал один часовой. Руками развёл, напарника своего крикнул и велел ему поспешать куда-то и кому-то сообщить о том, что случилось с пленным. А через минуту оставшийся с пленниками швед уже лежал с кляпом во рту и связанными накрепко руками. Причём

связан был его же собственными ремнями.

Пленные бросились к лесу. Лес, что начинался неподалёку, был достаточно густым и мог стать первоначальным убежищем. Погода же была такой, что следов не оставалось на земле. Важно только было выбрать какое-то неожиданное для преследователей направление, чтобы не вышли на след и не догнали.

Трубецкой понимал, что второй часовой наверняка уже сообщил о случившемся, да только ведь никто особенно не будет поспешать, чтобы взглянуть на пленного. Подумаешь… отлежится да оклемается.

Так оно и было. Прибежал часовой, постучал в дверь, где располагалось ближайшее его начальство. Погода ненастная, вечер длинный. В доме все спали. Пока соображал проснувшийся офицер, что там случилось, пока одевался не спеша, пока собирался, времени прошло вполне достаточно, чтобы беглецы могли добраться до леса и углубиться в него.

Когда скрыла спасительная чаща, у Трубецкого мороз пробежал по коже – он вдруг понял, что осенний, промокший от дождей со снегом лес для них столь же спасителен, сколь губителен. Прятались в лесу, подальше от тракта, хотя казалось, что можно было бы идти спокойно. Безлюдно. Ни кареты, ни повозки, ни всадника, ни тем более пеших путников. Дождь со снегом, слякоть. Какие уж там путешествия?! Очень редко кто-то и проезжал. Да ведь верно говорят: бережёного Бог бережёт.

Отсиживались в балках, даже костры разводили, хотя с каждым разом делать это было всё сложнее, да и спички-серники берегли, потому что много приходилось тратить на разведение огня. Заканчивались сухари. Воды же без костра, на котором снег растапливали, не получить. Разве что в водоёмах пока удавалось взять, но не вечно же будет плюсовая температура. Зима наступала неотвратимо.

Конечно, лучше бы по весне было бежать – там и в лесу укрыться легче, зелёнка спасёт от посторонних глаз, да и не замёрзнешь. А тут…

В любом случае путь займёт месяцы, может, и год. Нужно добраться до тех мест, где не будут искать, поскольку никто не поверит, что можно преодолеть большое расстояние зимой без пищи да по морозу. Верный способ стать добычей волчьих стай.

Поиски не прекращались с самого момента побега. Было ясно, что нелегко скрыться беглецам в стране, где всё чужое и где не найдёшь ни союзников, ни сочувствующих. Как-то должны рано или поздно о себе заявить. Шведские власти уже на следующий день разослали приметы беглецов во все кирки, во все населённые пункты. Ездили по округе гонцы, объявлявшие о том,

что за помощь в поимке русских пленных будет дано крупное вознаграждение.

Ну а надежда на то, что сгинули беглецы, погибли, была слабой. Шведы знали стойкость русских людей, знали их выносливость, знали отвагу. Победу под Нарвой они приписывали скорее безумной политике царя, поставившего во главе своего войска предателей и трусов да закупившего у них же, у шведов, негодное вооружение, а вовсе не тому, что русские солдаты плохо удар держали.

По всей округе было объявлено, что ушли трое русских и что забрали они у часового ружьё с боевыми зарядами. Предлагали остерегаться, не спешить самим задерживать беглецов, а немедленно сообщить властям. Не устраивала власти любая потасовка, поскольку в ней мог погибнуть наиболее важный для них русский – князь Трубецкой. Остальные особой ценности не представляли, но всё же решили их держать на всякий случай. Вдруг да понадобится менять на своих, попавших в плен. Хотя война и началась для шведов лихо и бодро, хотя царь, правивший Россией, сам по себе никакой угрозы как военачальник не представлял, тем не менее надо было проигрывать всякие варианты.

Шведский король и его окружение знали многое такое, о чём мыслящие русские могли только догадываться, ну а не слишком мыслящие и не подозревали вовсе.

И беглецов взяли. Видно, кто-то из местных жителей заметил их и сообщали властям.

Теперь их разделили, и Трубецкой не знал, куда отправили Вейде и Бутурлина. Лишь значительно позже стало известно, что Вейде посадили в тесную коморку, морили там голодом и он чудом остался жив. Нелегкой была и участь Бутурлина.

Самого же Трубецкого заперли в доме, где, как он узнал, держали осуждённых на смертную казнь перед исполнением приговора. Этакое помещение для покаяния. На ночь в комнату сажали двух караульных, которые отвечали за его содержание под стражей, хотя ясно было, что больше на побег он вряд ли решится.

Историк Пётр Майков привёл строки из письма Хилкова:

«Генерал Вейде посажен в зело тесной каморке; Трубецкого заперли в доме, где сидят осуждённые к смерти для покаяния; ночью с ним замкнуты двое караульных… лучше быть в плену у Турок, чем у Шведов; здесь русских ставят ни во что, ругаются бесчестно и осмеивают». Это же Головин писал Андрею Артамоновичу Матвееву:

«Извествую милости твоей, что содержат оных генералов и полоняников наших в Стокгольме как зверей, заперши и морят голодом, так что и своего что присылают получить они свободно не могут, и истинно многие из среды их померли и которого утеснения, и такого тяжкого мучительства ни в самых барбаризах обретается…»

Князь Андрей Яковлевич Хилков владел информацией. Он был направлен в Швецию незадолго до войны «с целью подтверждения Кардисского мирного договора» и «обстоятельных разведок, с какими делами и для чего живут в Стокгольме посланники иностранных государств».

13 августа Хилков во время аудиенции у короля сумел убедить в миролюбии России, а 30 августа, по иронии судьбы в тот день, когда Пётр принял решение объявить войну Швеции, вручил верительные грамоты королю как посол России в Швеции.

Когда война была объявлена, Хилков был отправлен под домашний арест, но впоследствии ему было дозволено посещать русских военнопленных.

Ведь кроме Трубецкого, Вейде и Бутурлина в плен попали под Нарвой Я. Ф. Долгорукий, командующий артиллерией русской армии грузинский царевич Александр Имеретинский, Головин и другие генералы, в всего в стокгольмской тюрьме Грипсхольм находилось около 160 русских пленных высокого ранга.

А. Я. Хилков. Неизвестный художник

Далее Пётр Майков сообщил:

«По словам Голикова в “Деяниях Петра Великого”, один Трубецкой был оставлен в Стокгольме, а прочие генералы и офицеры развезены по разным городам врознь и все содержатся зело жестоко».

Трубецкого кормили несносно, поговорить было не с кем. Солдаты угрюмо молчали и внимательно следили за ним. На ночь связывали. А он ждал вызова на беседу. Понимал, что всё ещё нужен шведским властям, планы в отношении него пока не отменены.

Наконец однажды утром пришёл тот самый вельможа, который забирал его из сарая.

Усиленная стража сопровождала его. Трубецкого это даже немного развеселило. До побега его водили под конвоем двух солдат. Теперь прибыли за ним аж пять человек. Все с ружьями.

Завязали руки за спиной, повели. Вельможа не проронил ни слова. Может, потому что не было переводчика?!

В добротном доме какого-то важного чиновника руки развязали, втолкнули в комнату, где были уже знакомые лица.

– Ну что, помог вам ваш царь Питер? – с издёвкой спросил вельможа, с которым прежде уже не раз беседовал Трубецкой. – Ему сообщено о том, сколько русских генералов у нас в плену. Предложено выкупить. Он не дал никакого ответа…

Трубецкой молчал, понимая, что не это главное в предстоящем разговоре, что это только прелюдия.

– Вы должны перейти на нашу сторону. Русскому царю вы не нужны. Вы должны стать правителем России и работать в союзе со шведским королём на благо двух стран, – начал вельможа.

Трубецкой прекрасно понимал, что о благе двух стран – пустые слова. Сказали бы уж сразу: во благо Швеции.

Россия всем нужна лишь как сырьевой придаток да источник дешёвой рабочей силы.

Вельможа пристально посмотрел на Трубецкого и снова заговорил:

– Россией управляет не Пётр Алексеевич. Пётр в Бастилии, в железной маске. Никто не знает, кто спрятан под маской, никто не знает, что это царь Пётр Алексеевич. Если будет попытка освободить, его убьют. Настоящий Пётр написал шведскому королю. Просил помощи. Шведский король хочет помочь, но вытащить Петра Алексеевича живым невозможно. Надо что-то делать. Его величество король выбрал вас, князь Трубецкой, потому что вы имеете право на престол русских царей.

Вот и окончательно проявились планы шведов. Чем-то, видимо, Пётр или тот, кто занимал русский престол, не угодил западным хозяевам. Трубецкой понял, что надо поглубже вникнуть в планы врага, а потом, используя единственную возможность – встречи с князем Хилковым, – передать информацию в Россию. Он и верил, и не верил в то, что царь подменён, но в любом случае известно: лошадей на переправе не меняют. Смута в России может обернуться большой бедой. Понимая это, Трубецкой принял игру, причём игру, которая, безусловно, отразилась на событиях царствования Петра Первого, его преемников, а в том числе и Елизаветы Петровны. Впрочем, будущее, конечно, было покрыто глубокой тайной. Трубецкой не мог знать и того, какое влияние окажет на судьбу России даже его нахождение в плену, точнее результат этого нахождения.

– И когда надо сесть на престол русский? – спросил князь Иван Юрьевич, едва скрывая сарказм. – Завтра? Я готов завтра стать царём.

– Для того надо разбить войска самозваного Питера, – недовольно возразил вельможа и сделал паузу.

Трубецкой никак не мог понять, к чему клонит этот его оппонент. Посадить на трон? Если это даже и было возможно, то безо всяких гарантий для самих шведов. Тогда что же?

Вельможа и не скрывал планов…

– Вы готовы быть царём? Хорошо. Тогда будем делать это вместе. Вы напишете письмо русской знати, которой вы хорошо известны. Расскажете, что на троне самозванец, назначенный в Европе для погибели России. Вы напишете, что придёте с нами и сбросите самозванца. И тогда вы будете править Россией в союзе с королём Швеции.

Кому-кому, а уж Трубецкому хорошо была известна история Лжедмитриев. Его пращур вытаскивал Россию из трясины Смутного времени.

– Письмо я такое писать не буду, – твёрдо сказал он. – У меня одна голова… И у меня в России жена и две дочери. Пётр, или, как вы говорили, Питер, казнит их.

На беседы вызывали часто. Настаивали на том, чтобы написал письмо русским вельможам, но Трубецкой ссылался на то, что боится за жену и дочерей. И вот однажды вельможа сказал:

– Вот бумага! Пишите письмо!

– Нет, не буду писать. Можете казнить, но под погибель детей своих подставлять не буду…

– Пишите жене своей, чтобы приехала к вам сюда, – сказал вельможа. – Его величество король позволил вам вызвать в Стокгольм свою семью.

Было над чем подумать генералу Трубецкому. Получалось, что он делал заложниками своего пленения жену и дочерей? С другой стороны, он не мог ручаться, что в России им будет лучше, чем здесь. Он и верил, и не верил тому, что говорили о царе. Но было И у него время убедиться и до Нарвы, и под Нарвой, что жизнь русского человека для того, кто был на троне, не стоит ни гроша…

А шведский вельможа торопил Трубецкого с принятием решения. Трубецкой же пытался понять, для чего ему делаются такие поблажки и с какой целью предлагают вызвать в Стокгольм семью. Просто как перешедший на их сторону русский генерал он им вряд ли нужен. Какая польза? Из разговоров он убедился не без изумления, что положение в России и силы русской армии шведам очень хорошо известны. Не верилось, что царь Пётр вовсе не Пётр и, как говорится, вовсе не наш, не русский. Но ведь только при нерусском правителе, отстаивающем далеко не

русские интересы, возможно такое варварское, бесчеловечное отношение к русским людям и попрание православной веры.

Наконец настало время, когда Трубецкому нужно было сказать «да» или «нет» по поводу приглашения семьи. И он согласился написать письмо. Правда, оставлял окончательное решение за своей женой.

Размышляя, он пришёл к выводу, что всё не случайно. Ведь его жена – Ирина Григорьевна, урождённая Нарышкина, была не только племянницей матери царя Петра, но и считалась её воспитанницей.

«Вот куда метят шведы! – понял князь Иван Юрьевич. – Со всех сторон обложить хотят. Да. Я для них лакомый кусок. А вместе с супругой – вдвойне лакомый. Что же делать? Просто сгинуть бесследно в плену? Кому от того польза? А что, если всё-таки затеять с ними игру? Хотят, чтобы писал письма подмётные? Нет, не бывать этому. А вот дать согласие бороться за престол и на шведских штыках в Москву на трон въехать?! Отчего ж не обещать – осторожно этак обещать несбыточное. Размечтался король, ох размечтался. Не шведам в Москву въезжать. И посильнее враги были, не получилось. А тут уж тем более».

Но вот мы и подошли к следующему этапу повествования.

Судя по некоторым воспоминаниям современников, со временем жёсткость содержания в плену Ивана Юрьевича Трубецкого была несколько ослаблена. Возможно, сыграли роль личные качества пленника.

К примеру, Трубецкой, по отзыву жены британского консула Томаса Варда – леди Рондо, был «человек со здравым смыслом… нрава мягкого и миролюбивого, учтив и обаятелен…»

А генерал-поручик, мемуарист Василий Александрович Нащокин (1707–1760) в своих записках, упоминая о И. Ю. Трубецком, говорит, что, будучи «отвезён в Стокгольм со многими генералами, прижил побочного сына, который и слывёт Иван Иванов сын Бецкой; он воспитан с преизрядным учением».

Настало время назвать имя ещё одного героя повествования – Ивана Ивановича Бецкого, рождением своим обязанного именно шведскому плену его отца, в то время генерал-майора, а в будущем генерал-фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого.

Сам факт рождения волновал многих исследователей. Как, каким образом это могло случиться в плену? Высказывались разные предположения относительно того, кто была мать ребёнка.

А ребёнок оказался впоследствии важным вельможей, и не просто вельможей. Он стал отцом русской императрицы! Удивительное заявление? Безусловно! Но если бы не этот факт, к

чему нам столько внимания уделять судьбе Трубецких и повествованию о перипетиях в плену?

В ряде биографических заметок называли матерью ребёнка, «прижитого в плену», баронессу Вреде, но Пётр Майков предлагал всё-таки не заострять внимания на матери, поскольку особого значения это не имело ни для истории, ни, как мы увидим дальше, для самого ребёнка.

Итак, в шведском плену у русского генерала Трубецкого, представителя знаменитого рода, восходящего на дальних своих коленах к Рюриковичам, появился сын, которого отец назвал Иваном. Ну а фамилию дал, как в ту пору было принято, свою, только в усечённом виде. Отец – Трубецкой. Сын – Бецкой, поскольку сын незаконнорождённый.

Пётр Майков замечал, что трудности в определении матери усложняются деликатностью вопроса. Он писал по этому поводу:

«Конечно, до крайности трудно доказывать в настоящее время, по прошествии почти двух столетий (написано в начале XX века. – *Н.Ш.*), рождение лица именно от известной особы, вне законного брака, а потому, казалось бы, гораздо благовиднее, не бросая бездоказательного укора на то или другое семейство и не отрицая безусловно, что Иван Иванович Бецкой действительно был сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого, признать, что мать первого в точности нам неизвестна, как это и делали, впрочем, лица, стоявшие гораздо ближе нас к Бецкому и Трубецкому и имевшие поэтому возможность получить более точные сведения о его рождении.

Оставив нам свои записки, в которых упоминается о рождении Бецкого, эти лица, вероятно, не упустили бы сообщить, кто была его мать, если бы это было им известно. Но они этого не сделали, а следовательно, можно предполагать, что они этого обстоятельства в точности не знали, что весьма естественно».

Пётр Майков был мировым судьёй, чиновником II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. Но именно история явилась главным делом всей его жизни. Его труды своеобразны, но предельно точны с точки зрения историографии. Он не просто приводил тот или иной факт, он размышлял над правдоподобием его, искал доказательства, подтверждающие его выводы.

И. И. Бецкой. Художник А. Рослин

Нельзя не согласиться с такими вот размышлениями:

«Подобные, незаконные рождения, являясь, по общепринятому воззрению, позором не только для отдельного лица, но и всего семейства, обыкновенно тщательно скрываются и ни в каком случае не разглашаются. Помимо этого роман в данном случае происходил, можно сказать, за тридевять земель; вспомнив состояние сообщений и сношений одного государства с другим в то время, можно допустить, что о нём могли даже и совсем не знать в другом государстве… Так… современник Бецкого, знаменитый князь Щербатов, в своём известном рассуждении “О повреждении нравов” указывает, что князь И. Ю. Трубецкой, быв пленён шведами, имел любовницу, сказывают, благородную женщину (выражение, прибавим мы от себя, собственно говоря, ничего не означающее в точности), его высшее дворянство, которое, по моему мнению, так прекрасно и

так образовано, как ни при каком другом европейском дворе. Всего боле нас изумило то, что в стране столь неприятной, столь каменистой, являющейся отброском природы, можно было встретить двор столь приятный и вежливый».

Это было в Стокгольме, где Трубецкой встретил такую женщину и «уверил, что он вдов, и от неё имел сына, которого именовал Бецким, и сей ещё при Петре Великом, почтён был благородным и в офицерских чинах…»

В словаре Бантыш-Каменского сказано, что Бецкой родился 3 февраля 1704 года в Стокгольме (причём ни один из его родителей вовсе не назван), продолжал учение в доме отца своего, поступил в Коллегию иностранных дел и т. д. И только из дальнейшего изложения можно заключить (Бантыш-Каменский сам и этого не говорит прямо), что отцом Бецкого был князь Ив. Ю. Трубецкой».

А вот размышления об этих всех фактах, принадлежащие перу Петра Майкова:

«Бецкой был рождён в стране иноземной, в которой и провёл, вместе со своим отцом, первые годы детства. Каких-либо сведений об этом времени жизни Бецкого нам не удалось найти; да едва ли возможно предполагать их существование. О ребёнке, ничем не отличавшемся от множества других, ему подобных, нечего и говорить, тем более нечего записывать. Упомянем только, что после его рождения прибыла в Стокгольм к своему супругу княгиня Трубецкая, урождённая Нарышкина, вместе с двумя её дочерями, которая… не только не оскорбилась связью своего мужа с иноземною особою, но усыновила мальчика и не делала никакого различия между ним и собственными детьми.

Откинув из этих слов всё излишнее, напоминающее французские романы и совсем не соответствующее ни духу того времени, ни положению русской женщины той эпохи, только что освобождённой из терема, ни характеру самого князя Трубецкого…», можно «принять, что Бецкой остался в семействе своего отца (что вполне естественно) и получил первоначальное воспитание в его доме, наравне с прочими его детьми. Дети же князя Трубецкого – его дочери – получили воспитание хорошее».

В то время вельможи «не щадили ничего для образования своих детей».

Неудивительно поэтому, что и сам Бецкой, по словам Нащокина, был «воспитан с преизрядным учением».

Это замечание очень важно, ибо образованность Ивана Ивановича и его воспитание, которое он постоянно демонстрировал впоследствии, привлекли к нему внимание одной особы, о которой пока лишь вскользь упомянуто в начале

повествования.

Конечно, нам очень сложно представить себе, каким образом Ивану Юрьевичу Трубецкому удалось, находясь в шведском плену, воспитать сына и дать ему хорошее образование.

А между тем по какой-то причине шведы изменили своё решение. Возможно, повлияло их поражение в Полтавской битве.

В сражении 27 июля 1809 года, вошедшем в историю как Полтавская битва, у русских было 42 тысячи человек при 102 орудиях. У шведов было 30 тысяч человек и 39 орудий. Но все шведские орудия, кроме одного, Карлу XII пришлось оставить в обозе, поскольку снарядов едва хватило лишь для одного орудия.

В. О. Ключевский писал об этом сражении:

«Пётр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой обеденный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как за своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнёс ему в Киевском Софийском соборе префект Духовной академии Феофан Прокопович (разрушитель Православной церкви). Но победа 27 июля не достигла своей цели, не ускорила мира, напротив, осложнила положение Петра и косвенно затянула войну».

Всё это случилось опять же из-за политической и дипломатической недальновидности царя…

Полтавская победа. Художник А. Е. Коцебу

Иван Лукьянович Солоневич рассказал о заигрывании Петра с пленными шведскими генералами и об издевательстве над полководцем, подарившим ему победу:

«Шлиппенбах (по Пушкину – “пылкий Шлиппенбах”) переходит в русское подданство, получает генеральский чин и баронский титул и исполняет ответственные поручения Петра. А Шереметев умирает в забвении и немилости и время от времени молит Петра о выполнении его незамысловатых просьб».

Увы, Пётр относится к этим просьбам без всякого внимание. Шереметев ему не нужен. Он – русский.

Точно так же не нужны были ему и томящиеся в шведских застенках русские генералы, брошенные в лапы врагу под Нарвой.

Виват Елизавете!

После Полтавской битвы произошло два события, которые имели непосредственное отношение к данной книге.

По заснеженной лесной дороге мимо сказочного, запорошенного зимнего леса мчалась карета, запряжённая в тройку лошадей. В карете – царь Пётр, возвращавшийся в Петербург из очередного похода. На одном из переходов встретился курьер, который в спешке едва не загнал вороного скакуна. Осадив его возле остановившейся кареты, вручил царю депешу с радостной вестью.

Пётр вскрыл пакет, прочитал и вскричал:

– Виват Елизавете!

Весть о рождении у царя дочери быстро облетела сопровождавшие царя конные части.

– У царя родилась дочка. Ура!

Конечно, очень хотелось царю, чтоб родился сын, наследник престола, поскольку старший – от Евдокии Лопухиной – его не устраивал.

Но что же, дочь так дочь. Так ведь и дочери могли наследовать престол, ведь не раз случалось в русской истории, когда женщины правили страной.

Итак, дочь, которую Пётр нарёк Елизаветой, появилась на свет 18 декабря 1709 года в Коломенском. От второго брака была уже старшая дочь Анна Петровна, родившаяся 24 января 1708 года. И теперь вот вторая дочь, родилась в год Полтавской победы, одержанной полгода назад.

Пётр остановился там, где застало его радостное известие, и устроил знатный пир для всей своей свиты и сопровождавших его в этом походе войск.

Пили беспробудно, по-петровски, ведь именно он завёз на Русскую землю эту западную заразу, завёз вместе с другой омерзительной гадостью – куревом. В пьянстве Пётр был несдержанным и буйным. Если что не так, не сносить головы и ближайшим соратникам. Даже своего верного раба Меншикова однажды избил чуть не до полусмерти.

Так что не по-доброму было отмечено рождение будущей императрицы, и кто мог представить себе, что она, Елизавета Петровна, сможет преодолеть всё это ужасное наследие, доставшееся ей, и станет далеко не самой худшей правительницей России.

А второе событие таково. Пётр Майков сообщил:

«Князь Трубецкой… был разменён на фельдмаршала

Реншельда, взятого в плен в Полтавском сражении, и возвратился в Россию».

В плену он находился восемнадцать лет.

Уже было упомянуто, что с разрешения шведского короля к Трубецкому приезжали в Стокгольм супруга с дочерями. Нет данных, на какое они приезжали время, но Пётр Майков, приведя «упоминания об отъезде» Трубецкого в Россию, указал, что «сознание справедливого долга одержало верх; князь покинул молодую иноземку, вернулся в Россию с сыном», причём… Бецкой увезён в Россию и усыновлён княгиней…

Портрет царевны Елизаветы Петровны в детстве. Художник Л. Каравакк

Значит, роман, плодом которого явился Иван Иванович Бецкой, не был кратковременным, значит, князь всё-таки колебался, с кем ему быть – с любимой женщиной или с женой.

Словом, кипели страсти, пылали сердца, хоть и происходило всё это, по словам Щербатова, «в стране столь неприятной, столь

каменистой, являющейся отбросом природы».

Размен состоялся не сразу, а лишь в 1719 году. Несмотря на долгое пребывание в плену, царь оказал Трубецкому полное доверие. В день прибытия в столицу пожаловал ему чин генерал-лейтенанта, а вскоре назначил «командующим всеми кавалерийскими полками на Украине».

Мало того, в день празднования Ништадтского мира со Швецией 28 января 1722 года произвёл в очередной чин генерал-аншефа и назначил членом Военной коллегии. Побывал он в последующие годы на посту киевского генерал-губернатора, занимал и другие должности, а при восшествии на престол Петра II 25 февраля 1728 года был пожалован чином генерал-фельдмаршала.

Удивительно? Да… А между тем есть данные о том, что Трубецкой, находясь в плену, не только обзавёлся сыном. Он сумел настолько войти в доверие к шведским властям, что регулярно передавал через князя Хилкова важные разведданные, конечно, не о войсках противника. Нет… То, чем он занимался, было разведкой особого рода – разведкой политического характера. И конечно, не могло не заинтересовать русское правительство, что шведы сами или по поручению более тайных европейских сил стараются замутить в России новое Смутное время. И как увидим далее, такие попытки были налицо, причём действовал враг очень аккуратно, завуалированно, и порой могло показаться, что ток событий не спланирован заранее, а происходит сам собой, по воле или безволию тех, кто должен заботиться о государстве, но заботится порой прежде всего о собственных интересах.

Ну а теперь возвратимся к тому, что происходило в Петербурге после смерти императора.

Странные ранние смерти наследников престола, нежданные заговоры, в том числе и те, что сотрясали царствование Елизаветы Петровны, лишь внешне казались объяснимы борьбой группировок возле престола, но на самом деле затевались на Западе, равно как именно Запад организовал и Пугачёвское восстание, и попытку нашествия на Русь под предлогом завоевания престола якобы дочерью императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского – некоей авантюристкой, позже названной княжной Таракановой. Но об этом в заключительных главах, посвящённых «послецарствию» главной героини книги.

Принуждение к «тестаменту»

Когда покинул сей мир тот, кто известен нам под именем Петра Первого, Елизавете шёл шестнадцатый год, а её сестре Анне едва исполнилось семнадцать. Обе по тем временам невесты на выданье. По своему рождению считались они внебрачными детьми, поскольку родились до венчания царя с Мартой Скавронской. Царевнами их объявили лишь 6 марта 1711 года, после того как отец с матерью сочетались в браке.

И вот мать Анны и Елизаветы на престоле. Ещё в мае 1724 года её теперь покойный супруг дал согласие на бракосочетание Анны Петровны с Карлом Фридрихом, а в ноябре подписан брачный контракт. Оговорены и вопросы вероисповедания. Анна Петровна оставалась в своей православной вере, а вот что касается детей, сторона жениха настояла на том, чтобы сыновья принимали веру отца, ну а за дочерями сохранялось право оставаться в своей родной вере, в православии.

Уже говорилось, что Пётр собирался сделать наследницей престола именно Анну Петровну, но в связи с выходом её замуж за католика и ей, и её супругу пришлось отказаться от права наследования российского престола. Однако Пётр оставил лазейку. Был внесён секретный пункт, согласно которому император сам, лично мог провозгласить наследником внука, появившегося от брака Анны и Карла Фридриха. Это, кстати, позволило впоследствии Елизавете Петровне вызвать в Петербург Карла Петра Ульриха – сына Анны, рождённого от Карла Фридриха.

Цесаревна Анна Петровна. Художник И. Г. Адольский

Но в ту пору об этом никто ещё не думал, поскольку супруга «преобразователя» только что вступила на престол, к тому же в здравии были две дочери и внук усопшего императора. Казалось, престол подкреплён наследниками, хотя прежде, как уже говорилось, женщины правили страной только в роли регентш при своих малолетних сыновьях, как, к примеру, было после смерти государя Василия Третьего, оставившего своего сына Ивана в трёхлетнем возрасте. Тогда появилась правительница Елена Глинская, которая, кстати, принесла Московскому государству много пользы, за что и была отравлена слугами тёмных сил.

Была и ещё одна претендентка на престол – дочь царя Ивана Алексеевича Анна Ивановна, которую чаще всего называют в литературе Анной Иоанновной, возможно потому, что Иван – более русский вариант имени, нежели Иоанн, хотя существует и несколько иная трактовка, что как раз Иван – имя древнееврейское, а вот корнями своими уходит оно в

старорусское имя Иоанн, что означает «благодать Божия», ангелом же хранителем и покровителем является апостол Спасителя Иоанн Богослов.

Анна Иоанновна была выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма ещё 31 октября 1710 года.

Личность она сложная и противоречивая. Родители – русские. Отец был сыном царя Алексея Михайловича и Марии Милославской. Да и женат он на русской – на Прасковье Фёдоровне Салтыковой. Царь Иван сам выбрал её на смотре, который проводился уже по традиции, выбрал, несмотря на то, что она принадлежала к роду изменников.

О нём в «Википедии» говорится: «Её прямой предок боярин Михаил Глебович “Кривой”, принимая видное участие в смутах, служил Лжедмитрию I и Лжедмитрию II, а в 1612 году выехал с сыновьями в Польшу в составе русского посольства, да там и остался, щедро одаренный королём Сигизмундом III. Там и вырос его внук Александр Петрович, который при царе Алексее Михайловиче (с возвращением Смоленска) принял русское подданство. На основании некоторых известий, он был в Енисейске комендантом, откуда вызван царевной Софьей. Тем не менее род Салтыковых весьма знатен, поставил немало бояр, и по крови и свойству Прасковья была связана с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими и др., что оказало большое влияние на её дальнейшее положение».

Конечно, дети, а тем паче внуки и правнуки, за преступления своих родителей и пращуров не отвечают. Да и поведение вдовствующей царицы Прасковьи Фёдоровны говорит о её приверженности русским традициям и идеалам.

Русский историк Михаил Иванович Семевский писал о ней:

«Прасковья Фёдоровна, вступив в царскую семью, сразу подчинилась всем требованиям нового положения; зоркий глаз народа, следивший за каждым шагом царской семьи, не подметил за новой царицей ни малейшего отступления от принятых обычаев, что не раз случалось с Натальей Кирилловной, матерью Петра, и с царевной Софьей. Весьма ловко держала себя Прасковья Фёдоровна среди дворцовых интриг, разыгравшихся страстей, ничем не раздражала сестёр и тёток своего супруга, умела неизменно ладить с ними. Но переменились обстоятельства; перевес оказался на стороне Петра – и царица перешла на его сторону, прервала всякие сношения с заключёнными им его сестрами, не входила ни в какие козни. Будучи женщиной старых понятий, старого образа жизни, привычек, религиозная по-старинному, она постоянно умудрялась угождать Петру путём целого ряда уступок, быстрым

исполнением его воли, заискиванием у людей, пользующихся его расположением. Пётр любил и уважал невестку, по-своему заботился о ней и её дочерях. Однако хорошие отношения к Петру и Екатерине не мешали Прасковье Фёдоровне искать дружбы и в другом лагере: она на всякий случай обходилась ласково с загнанным царевичем Алексеем, так что тот считал её в числе своих сторонников. Прасковья Фёдоровна не думала, однако, переходить на его сторону, потому что, в смысле убеждений, для неё была безразлична та или другая сторона, лишь бы ей хорошо жилось, была бы польза ей или для её дочерей. Само собою разумеется, что для характеристик и биографий всего любопытнее яркие, резко очерченные личности, и они всего чаще избираются историками; но рядом с этим нельзя упускать из виду и типы более обыденных людей вроде царицы Прасковьи Фёдоровны. Их жизнь как представителей наибольшей массы общества имеет несомненный интерес и значение и, конечно, лучше всего может служить для наглядного изображения общественной жизни в известный пережитый обществом момент».

После смерти мужа, царя Ивана Алексеевича, она была переведена из Кремля в Измайловскую резиденцию, где и воспитывала дочерей – пятилетнюю Екатерину, трёхлетнюю Анну и двухлетнюю Прасковью.

По словам историка: «В период пребывания вдовствующей царицы Прасковьи Фёдоровны Измайлово оставалось островком старой России, которого не затронули бурные преобразования царя Петра I. Двор вдовствующей царицы составляли две с половиной сотни стольников, штат царицыной и царевниных комнат, десятки слуг, мамок, нянек и приживалок. Со времён царя Алексея Михайловича в Измайлове было разбито опытное дворцовое хозяйство. Яблоневые, грушевые и вишнёвые сады окружали берега двадцати прудов – Просяного, Лебедевского, Серебрянского, Пиявочного и других».

Царица Прасковья Федоровна. Литография XIX в.

Историк Семевский отметил также:

«В прудах водились стерляди с золотыми кольцами в жабрах, которые были надеты ещё при царе Иване IV Васильевиче. В оранжереях усадьбы росли тропические растения и заморские тюльпаны. Царь Алексей Михайлович разбил в усадьбе тутовый сад и плодоносящий виноградник. Во дворце был придворный театр, в котором ставили пьесы. Посетивший усадьбу в конце XVII века немецкий путешественник И. Г. Корб оставил такое описание своего посещения усадьбы:

“…следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царица и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт;

они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть ещё приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов”».

Дочерям покойного царя Ивана Алексеевича дали прекрасное по тому времени образование: им, по словам историка, «преподавали азбуку, арифметику, географию, танцы, французский и немецкий языки».

То есть Анна Иоанновна была достаточно хорошо образована и, конечно, превосходила в образовании своего супруга, за которого её выдали, особенно не интересуясь её желаниями. Да вот только брак был недолгим.

Безудержное пьянство в дни бракосочетания подорвало здоровье жениха, и он умер, так и не доехав до Курляндии. Казалось бы, на том и окончилась эпопея с выдачей за границу Анны, но Пётр запретил ей оставаться в России и отправил в Курляндию. Ну а о жизни её там поговорим в соответствующей главе, поскольку она наложила отпечаток на характер будущей императрицы, да и на её отношения к своей двоюродной сестре Елизавете Петровне.

Несчастная судьба ожидала и дочь самого Петра Анну Петровну.

Несмотря на то что инициатор её брака с Карлом Фридрихом покинул сей мир, мать Анны, ставшая императрицей, не расторгла брачный контракт, а, напротив, торопила с венчанием, причём не стали ожидать даже года после смерти отца.

Бракосочетание с герцогом состоялось уже 21 мая 1725 года, в Троицкой церкви на Петербургской стороне.

Участь царевен или великих княжон не слишком отличалась в этом плане от невест как из знатных родов, так и из простого народа.

Согласно «Домострою», отец семейства решал, кто станет женихом, да и невест для сыновей тоже выбирали отцы. То есть всё по «Домострою», книге, полное название которой звучало так: «Книга, называемая “Домострой”, содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину – мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам».

Вот такая обстановка складывалась вокруг Елизаветы Петровны.

Уехала в дальние края сестра Анна, а тут ещё скрутила болезнь императрицу-мать. Болезнь привела в действие враждующие силы.

Меншиков воспользовался моментом и решил ещё более

упрочить свои позиции во власти с помощью завещания Екатерины, наименованного «Тестаментом».

Мнение императрицы его уже особенно не интересовало. Меншиков приехал во дворец. А там охрана с заявлением о том, что не велено никого пускать. Государыня больна.

– Это кого ж не велено?

– Всех! – был ответ.

Меншиков грубо отодвинул часового, преградившего путь. Что тут делать? Стрелять? Но так ведь это сам Меншиков! Уж конечно, охрана знала всё то, что никто не знал, потому как знать не положено. Знала, в каких отношениях Меншиков с императрицей.

– Мне нужно к императрице! – грубо сказал всесильный временщик и беспрепятственно прошёл во дворец, хотя начальник караула, прибежавший на шум, попытался пояснить:

– Императрица в тяжёлом состоянии. Ей нужен покой.

Меншиков и слушать не стал. Прошёл во дворец, и никто не решился противиться, зная, что это потом им прощено не будет.

Вот и опочивальня, в которой прежде не раз бывал по совершенно иному поводу. Сел на кровать, достал пакет и раскрыл его. В пакете находилось завещание – «Тестамент». Сказал:

– Вы должны это подписать.

Что оставалось делать Екатерине? Она слабеющей рукой подписала завещание, тем более всё там было по закону, поскольку Пётр Второй имел право на российский престол, правда, только после достижения совершеннолетия. Ну а пока власть переходила к Меншикову.

Вот основные пункты «Тестамента»:

«1. Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором (наследником. – *Ред.*).

2. И именно со всеми правами и прерогативами, как Мы оным владели.

3. До совершеннолетия не имеет за юностию в правительство вступать.

4. Во время малолетства имеют администрацию вести Наши обе цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета, которой обще из 9 персон состоять имеет…»

И далее положения, уже касающиеся Елизаветы Петровны и её сестры Анны:

«… 8. Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нём цесаревна Анна со своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и ея десценденты, а потом великая княжна и её десценденты наследовать, однако ж мужескому полу

наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж никто никогда Российским престолом владеть не может, которой не греческого закона или кто уже другую корону имеет…»

Завещание для больной уже в то время императрицы было написано Елизаветой Петровной. Составлялось оно инородцем графом Геннингом Фридрихом Бассевичем, или Бассевицем, президентом тайного совета герцога Шлезвиг-Голштинского Карла Фридриха, фактическим главой его правительства до 1728 года. То есть официально никаких должностей в русском правительстве не занимавшим. Увы, этакие фокусы нередки, ведь и Конституцию 1993 года писали нам американцы и прочие нелюди. А теперь, когда делаются попытки убрать из неё самые безобразные пункты, и враги, и просто люди неразумные вопят с чужих голосов о том, что это неправильно.

Итак, согласно этому документу, престол доставался внуку Петра Первого, сыну царевича Алексея Петровича 11-летнему Петру. Регентами были назначены девять человек, среди которых семь членов Верховного тайного совета, в числе которых Карл Фридрих, всё более внедрявшийся во власть. Кроме членов Верховного тайного совета, регентшами стали цесаревны Анна и Елизавета, которые и сами становились наследницами престола в случае бездетности своего племянника. Причём на первом месте была Анна Петровна и её потомство, а потом уже Елизавета Петровна.

Но Меншикову пункт, касающийся дочерей, был невыгоден, потому что он уже наметил в императрицы свою дочь Екатерину. Он в первую очередь добился исключения герцога Карла Фридриха из Верховного тайного совета. Сумел лишить регентства и Анну с Елизаветой, а уже 5 августа 1727 года ему удалось и вовсе отправить Анну Петровну с супругом-герцогом в Гольштейн, в земли германские, расположенные в южной части земли Шлезвиг-Гольштейн.

Портрет Петра II. Художник И. Ведекинд

В завещании также определялось, что, в случае, если ставший императором внук царя-плотника Пётр Алексеевич покинет сей мир бездетным, то преемницами его станут последовательно Анна Петровна, а затем Елизавета Петровна. Было заявлено, что исключаются из наследования трона те претенденты, которые либо переменили вероисповедание, живя за границей, либо царствовали в зарубежных странах. Этот пункт, кстати, впоследствии, в 1741 году, был использован Елизаветой Петровной при захвате власти путём дворцового переворота.

Очень беспокоило Меншикова и то, что довольно влиятельные силы при дворе посчитали разумным выходом брак юного Петра и Елизаветы, тем более они симпатизировали друг другу.

Императрица Екатерина Первая ещё не покинула сей мир, а борьба уже разгорелась нешуточным образом.

Меншиков из кожи лез вон, чтобы помешать свершиться такому браку. Он прекрасно понимал, чем обернётся для него восшествие на престол Петра Второго, если супругой его станет

Елизавета Петровна. Там круг придворных иной.

И тогда он снова сделал ход конём…

Пользуясь тем, что умирающая императрица была в полной его власти, сумел внести в «Тестамент» статью о том, что вельможам предписывается «содействовать к обручению Петра Алексеевича с одной из дочерей» князя Александра Даниловича Меншикова и «по достижению совершеннолетия» содействие их браку.

Сказано было так: «Тако же имеют наши цесаревны и правительство администрации стараться между его любовью (великим князем Петром) и одною княжною князя Меншикова супружество учинить».

Конечно, это требование совершенно не устраивало многих, а вот что касается внука императора, то здесь как раз многие вельможи выступали за то, чтобы именно он наследовал престол, поскольку это в традициях русской государственной власти.

Забегая вперёд, нужно отметить, что этот пункт более всего беспокоил Анну Иоанновну по её вступлении на престол. Она немедля приказала канцлеру Головину сжечь документ. Но Головин, который вынужден был распоряжение исполнить, сохранил копию этого документа для будущей борьбы за власть.

Замуж за иноземца

Настала очередь устроить свою личную жизнь и Елизавете, любимой дочери покойного царя. Да вот только личная жизнь русской принцессы не могла быть личной.

К тому времени Елизавету пытались выдать замуж уже не единожды.

К. Валишевский отметил в своей книге, что императрица Екатерина «желала, чтобы младшая дочь её умела говорить по-французски и хорошо танцевала менуэт. “Соображения” эти известны. Менуэт должен был произвести впечатление в Версале: императрица думала, что большего и нельзя было требовать от благовоспитанной принцессы».

Действительно, ещё царь Пётр вынашивал планы выдать дочь Елизавету за дофина – наследника французского престола, который со временем должен стать королём Франции.

Главным и скрупулёзным стало в её занятиях именно изучение французского языка, в котором она преуспела. Разумеется, знакомили её и с французской литературой и культурой. Не знаю, учили ли её давить вшей в пиалах на званых обедах и отправлять естественные надобности за шторой прямо во дворце, что было принято в то время во Франции. Это, конечно, вряд ли. Её отец, царь Пётр, если он, конечно, был Петром Алексеевичем, хоть и набрался в Европе садизма, этакие вот «ценности» оттуда не вывез, поскольку они были свойственны именно чистокровным европейцам. Не ел царь, вернувшись в Россию, лягушек и всяких червяков и никого не заставлял этого делать. Как-то, видимо, на Западе ему это не очень понравилось в отличие от спиртного и курева, которые он внедрял огнём и мечом.

Именно с Елизаветы, как отмечал один из историков, началась при дворе царя так называемая галломания, подражание всему французскому, почитание всего французского – образа жизни, порядков и правил. Галлы – французы, ну а слово «мания» и без уточнения понятно. Галломаны пропагандировали французскую литературу, образование, театр, причём всё в ущерб русских традиций.

Впрочем, попытки выдать замуж Елизавету за представителя французской королевской династии Бурбон оказалась безуспешной. В результате язык цесаревна выучила в совершенстве, а вот в остальных науках сильно хромала. Как-то на них не очень обращали внимания, полагая, что французской королеве нужно уметь танцевать, блистать в обществе, а быть

образованной совершенно не обязательно.

Возможно, Бурбоны отвергли предложение России, поскольку Елизавета Петровна по большому-то счёту появилась на свет незаконнорождённой.

После такой обидной неудачи мать Елизаветы, едва вступив на престол, начала переговоры о выдаче замуж дочери за графа Морица Саксонского (1696–1750), незаконнорождённого сына короля польского и курфюрста саксонского Августа II Сильного, много позже, в 1744 году, ставшего маршалом Франции, но уже в ту пору слывшего талантливым военачальником. Он успел принять участие в Войне за испанское наследство, в походах против французов во Фландрии, в частности в битве при Мальплаке. Затем, в 1710 году, уже служа в русской армии, участвовал в осаде Риги. Когда же в 1711 году Август Сильный признал его своим сыном, Мориц получил титул графа Саксонского. Не обеспокоило императрицу даже то, что Мориц прослыл мошенником и авантюристом. Женившись в 1714 году на богатой невесте, он быстро промотал всё приданое, в связи с чем брак был расторгнут.

Мориц Саксонский тут же решил пойти в поход за новой невестой. Он посватался к овдовевшей Анне Иоанновне, но тут на пути его встал Бирон, у которого были свои виды на постель дочери царя Иоанна Алексеевича.

Мориц Саксонский. Неизвестный художник

Когда же императрица Екатерина I предложила ему в невесты Елизавету, тот не сумел оценить обстановку. Памятую о том, каково было ему слыть незаконнорождённым, он, видимо, решил, что и за Елизаветой это клеймо будет тянуться постоянно. Предложение было им отвергнуто. Мы ещё вернёмся к реакции этого несостоявшегося жениха на вступление Елизаветы Петровны на престол.

Неудачи не особенно беспокоили цесаревну. Она расцветала как прекрасный цветок в богатой царской оранжерее, и казалось, благодать будет продолжаться бесконечно.

Особенно безмятежно жилось при жизни отца. Бесконечные балы, рауты, праздники. Когда умер отец, пробежала первая тень. Чувствовалось, что мать имеет власть только по оглашению, а по умолчанию правят другие, прежде всего, конечно, всесильный Меншиков.

И тут сторонники Елизаветы нашли выход. Они предложили поженить Елизавету Петровну и Петра Алексеевича, то есть тётку

с племянником. Такие планы родились не случайно. Все заметили, что между ними установились довольно добрые отношения. И на прогулках верхом, и выездах на охоту их часто видели вместе. Конечно, разница в шесть лет в юном возрасте – Пётр родился в октябре 1715-го, а Елизавета – в декабре 1709 года. Если старше девушка, разница очень велика. Но ведь и случай необычный – как-никак речь шла о державных особах.

Мнение самих возможных супругов особо не спрашивали, поскольку такой брак нужен в интересах державы или, по крайней мере, знати, которая выискивала для себя более выгодные позиции.

Но подобный вариант не устраивал всесильного Меншикова. Ему до интересов России вообще дела не было. Ему бы самому усидеть на вершине власти.

Петр II и цесаревна Елизавета на псовой охоте. Художник В. А. Серов

Кстати, считается, что Меншиков был первым в России вельможей, проложившим путь в зарубежные банки. Он поместил за границей гигантскую сумму, равную нескольким годовым бюджетам страны.

И всё-то таким, как он, мало… А ведь конец – один. Но об этом дальше.

Именно Меншиков стал противником брака Елизаветы и Петра. Его поддержала церковь, к тому времени уже подмятая петровской властью и следовавшая в русле свершений «преобразователя» и его сатрапов.

Меншиков стал срочно подыскивать жениха Елизавете Петровне. Только так можно было наверняка предотвратить опасный для него брак.

Когда от Морица Саксонского поступил отказ, Меншиков обратил свой взор на Карла Августа Гольштейн-Готторпского, принца Гольштейн-Готторпского дома.

Принц Карл заинтересовался предложением и был приглашён в Петербург. При первой же встрече стало заметно, что жених приглянулся Елизавете. Меншиков уже потирал руки от удовольствия. Он спешил, тем более весной 1727 года императрица стала испытывать недомогания, а 10 апреля окончательно слегла. Одни врачи предполагали какую-то лёгочную болезнь, другие – развитие ревматизма.

Меншиков распорядился о подготовке бракосочетания Елизаветы. Ему сейчас было очень важно пресечь всякие попытки её брака с юным Петром, которому сами они не противились.

Сразу после того как Екатерина подписала «Тестамент», Меншиков нанёс удар по своим противникам. Теперь нужно было выдать замуж Елизавету и женить Петра на своей дочери, тем самым полностью и окончательно захватить власть в Российской империи.

Впрочем, нельзя сказать, что брак был бесполезным для российской политики.

В 1726 году девятнадцатилетний Карл Август стал после смерти отца князем-епископом Любека.

На решение принять предложение русского правительства повлияло то, что он был в добрых отношениях с сестрой Елизаветы Анной Петровной, ставшей супругой его двоюродного брата герцога Голштинского. К тому же произвёл впечатление и портрет цесаревны, на котором она была изображена настоящей красавицей.

Меншиков создал все условия для сближения Елизаветы и Карла Августа, он дал возможность чаще бывать вместе, чтобы лучше познакомиться и даже привязаться друг к другу. Он

устраивал путешествия по всему Петербургу. И время выдалось весьма удачное. Лето. Город весь утопал в сочной зелени. В солнечных лучах сверкали купола церквей, искрилась вода в Неве, зеленела листва в прекрасно обустроенных парках.

Когда все вопросы бракосочетания были решены, Карл Август ненадолго покинул Россию. Теперь его ждали уже на венчание, которое было назначено на декабрь 1762 года.

Карл Август Гольштейн-Готторпский. Художник Б. Деннер

На бракосочетание Карл Август приехал не только со свитой, но и с родственниками, среди которых оказалась его сестра Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская (1712–1760). Была она на три года моложе невесты, а потому они сразу нашли общий язык и подружились. Эта дружба оказала огромное влияние на судьбу России, о чём мы поговорим в последующих главах. А пока, пока о приготовлениях к большому празднику, который был, правда, сильно омрачён недавней кончиной матери Елизаветы.

Трагедия в церкви

Подготовка к венчанию шла полным ходом. Венчаться молодым предстояло в православном храме и по православному обряду.

Утром в назначенный день Елизавету Петровну разбудили пушечные выстрелы. Свадебный кортеж стоял у дворца. Великолепная свита сопровождала жениха и невесту.

Священник уже ждал молодых. Отворились двери, и Карл Август с Елизаветой ступили в храм.

Всё шло по порядку. Жених с невестой замерли перед алтарём. Священник уже направился к молодым. Ещё немного – и должен был начаться обряд венчания двадцатилетнего Карла и восемнадцатилетней Елизаветы. Оба молодые, красивые, на лицах – радость, они светились счастьем.

Шаг, ещё один… И вдруг Елизавета ощутила, как стала слабеть рука жениха, которой он поддерживал её. Он сделал ещё пару шагов, лицо побледнело.

Что с ним? Елизавета в волнении посмотрела на Карла. Он ещё держался на ногах, но что-то было не так. Она уже готова была поддержать его…

Лейб-медик Иоганн Лесток, личный врач Елизаветы Петровны, сопровождавший кортеж, подбежал к замершей посреди церкви паре. Карл бессильно опустился на руки медика. Лесток едва удержал его от падения на пол.

– Уведите невесту, – крикнул Лесток. – Скорее уведите.

Склонился над Карлом, взяв холодеющую руку, чтобы нащупать пульс, но биение сердца не ощущалось. Жених был мёртв.

Замешательство в свите сменилось ужасом. Кто-то усмотрел в этом что-то мистическое, кто-то – руку Провидения.

Но что же случилось на самом деле? Подействовал на европейца суровый петербургский климат? Но ведь он не заболел, он был весел и охотно участвовал в празднествах, которые начались ещё до венчания. Кто-то сразу сделал вывод, что принца погубило безудержное российское пьянство. Но позвольте, российское пьянство было слишком молодо по сравнению с европейским. Русских людей ещё пока только-только приобщали к этому поганому пойлу, являвшемуся на самом деле второй ступенькой в иерархии наркотиков, поскольку самым первым, начальным было, конечно, курево, равно как и хмельное зелье, внедрённое в Россию величайшим живодёром и «преобразователем».

Лишь недавно наконец стали опровергаться бредни о том, что Русь веками пила и курила. В. Мединский в книге «Мифы о России», в томе первом, в главе «Вино и ритуал» указал: «На Руси нет ритуалов, связанных с вином. Не нужно было пить, принимая клятву верности феодалу или получая надел. Выполняя религиозные обряды, язычники в невероятных масштабах поедали мясо жертвенного вепря. Само слово “жрец”, предполагают, прямо происходит от слова “жрать”. Но пить мёд или пиво при совершении ритуалов было не нужно. Никакой опьяняющий напиток не становился для славянина священным. А для греков и римлян вино было священным. В дохристианской, а позднее и в христианской европейской и других культурах обрядовые и религиозные ритуалы неразрывно связаны с вином и виноделием. Так что, господа западноевропейцы, извольте на себя обратить обвинения в пьянстве».

Тело несостоявшегося жениха было отправлено морем в Любекский собор и погребено в епископской капелле (рядом с отцом).

Горе сблизило Елизавету Петровну и Иоганну Елизавету. В траурные дни они были постоянно вместе. А когда сестра ушедшего в мир иной жениха уехала в Любек, Елизавете стало совсем одиноко.

Любила ли она? Можно смело ответить: да. В её сердце сохранились самые добрые чувства ко столь внезапно покинувшему этот мир жениху. Но о том в соответствующей главе.

Здесь же можно сказать только одно: трагедия, а смерть жениха перед венчанием была, конечно, для невесты трагедией, стала как бы своеобразным знаком. Елизавета Петровна решила, что ей суждено остаться незамужней, хотя обета она никакого не давала, и это позволило в своё время совершить некие тайные действа, о которых речь тоже пойдёт далее.

Но как же быть по-настоящему красивой девице, да ещё царских кровей, когда вокруг столько знатных мужчин – и красавцев, и отважных воинов, и политиков для выбора?

Об этом будет рассказано в последующих главах.

Ошибка всесильного временщика

На царскую семью действительно обрушивались беды, одна за другой. Дочь царя Ивана Анна Иоанновна овдовела вскоре после свадьбы, но царь Пётр тем не менее, несмотря на её робкие протесты, выпроводил её в Курляндию против воли. Царевича Алексея Петровича ликвидировал сам царственный папаша-живодёр. У Елизаветы Петровны и вовсе жених умер во время венчания. Не сложилась жизнь И у сестры Анны Петровны. Она писала Елизавете, что Карл Фридрих запил. Повлиял, видимо, отъезд из России, где он надеялся прочно обосноваться.

Смерть отца, смерть матери, горькая доля сестры – всё это лишало душевного равновесия. В этот период Елизавета особенно сблизилась со своим племянником. Отрок-император Пётр Второй старался утешить тётку, относился к ней с особым трепетом. Это заметили царедворцы.

После некоторого перерыва, связанного с неудачным сватовством, а затем и смертью жениха, сильные мира сего снова стали поговаривать – особенно, конечно, враги Меншикова, – что неплохо бы устроить брак тётки с племянником. Это, мол, значительно упрочит российский престол.

Меншиков вновь оказался в сложном положении. Над его планами нависла угроза. Надо было действовать решительно и твёрдо, а главное – быстро.

Прежде всего он объявил себя генералиссимусом и встал во главе русской армии. Теперь против него выступать кому бы ни было стало сложно. А он продолжал исполнение замысла. Как бы желая лучше опекать юного Петра, увёз его в свой дворец, где и поселил, оказывая на людях все необходимые почести, но тайно ограничив свободу, а особенно встречи с тёткой Елизаветой. Кроме того, спешно обручил Петра со своей дочерью.

Пётр некоторое время терпел. Но Меншиков не учёл, что отрок-император обладал сильным характером. Некоторое время удавалось занимать его охотой, которую тот очень любил. Выросший в сиротстве, Пётр был очень привязан к своей родной сестре Наталье. Меншиков же и с ней, действуя весьма опрометчиво, ограничил всякие его контакты.

Когда Пётр заговаривал о том, что хотел бы повидать сестру, получал отказы под разными предлогами. Один раз не получилось, второй раз не получилось… И вдруг, к удивлению Меншикова, Пётр подал голос и со всей властностью, даже, как сообщил один из современников, топнув ногой, повелел:

– Немедленно отвезите меня к моей сестре Наталье.

Меншиков не сразу нашёл, что сказать. Решил сослаться на необходимость учебных занятий.

– Государь! Вам некогда разъезжать по гостям. Вам надобно заниматься уроками!

Вот так. На охоту и развлечения есть время, а к сестре поехать – нет. Пётр заявил:

– Никаких учителей, пока не повидаю сестру!

Сказано было твёрдо.

У сестры Натальи, несмотря что ей едва исполнилось двенадцать лет, был свой особняк и свой малый двор.

Помешать встрече Меншиков не смог, ведь Пётр хоть и под опекой, но император. К тому же всё происходило под недремлющим оком его противников, к примеру гофмейстера двора князя Алексея Петровича Долгорукова, члена Верховного тайного совета, сенатора, Рюриковича в XXV колене.

К сестре пришлось отвезти. А тут и Долгоруков постарался использовать то, что Пётр вырвался из заточения. Он тоже был вхож к Наталье Алексеевне. Когда Пётр приехал, напомнил о своём сыне Иване ещё в бытность Петра царевичем, пожалованном гоф-юнкером. Пётр II тут же сделал Ивана сначала камергером, а затем и обер-камергером. Отец и сын Долгоруковы стали потихоньку восстанавливать юного императора против Меншикова. У Долгорукова были свои цели, ведь И у него росла дочь, которая могла стать царицей.

Портрет царевны Натальи Алексеевны. Художник И. Н. Никитин

Схватка у трона достигла наивысшего напряжения.

Самому Меншикову было не до того, чтобы учить Петра Второго. Некоторые биографы полагают, что Алексашка и сам ничему не учился. Во всяком случае, ни одного документа, написанного им лично, не сохранилось, на основании чего и сделан вывод о его полной неграмотности. Но учить-то надо, тем более на учёбу всегда можно свалить необходимость в ограничении свобод.

В учителя выбрал выходца из Вестфалии вице-канцлера Остермана, возвысившегося при Петре Первом. Вот тут и допустил первую ошибку. Остерман взялся за дело со всей ответственностью, хотя главной его целью было не обучение императора, а свержение Меншикова. Тем не менее план обучения отличался продуманностью.

Сам вице-канцлер отметил такие задачи:

«Читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времён, перемены, приращение и умаление разных государств,

причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследовавшею потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти Ассирийскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархии до самых новых времён, и можно к тому пользоваться автором первой части исторических дел Яганом Гибнером, а для приискивания – так называемым Билдерзаалом… Новую историю трактовать и в оной по приводу г. Пуфендорфа новое деяние каждого, и особливо пограничных государств, представлять и в прочем известие о правительствующей фамилии каждого государства, интересе, форме правительства, силе и слабости помалу подавать… Географию отчасти по глобусу, отчасти по ландкартам показывать, и к тому употреблять краткое описание Гибнерово… Математические операции, арифметика, геометрия и прочие математические части и искусств из механики, оптики и проч.».

Учитывая, что император ещё не вышел из отроческих лет, включались в план и развлечения: игра в бильярд, охота, обучение танцам и участие в балах. Устанавливался и строгий распорядок занятий:

«В понедельник пополудни, от 2 до 3-го часа, учиться, а потом солдат учить; пополудни вторник и четверг – с собаки на поле; пополудни в среду – солдат обучать; пополудни в пятницу – с птицами ездить; пополудни в субботу – музыкою и танцованием; пополудни в воскресенье – в летний дом и в тамошние огороды».

Ну и разумеется, предусматривалось участие в мероприятиях государственных, в частности дважды в неделю – по средам и пятницам – предполагалось посещение заседаний Верховного тайного совета.

Но поскольку самому Петру это было совершенно не интересно, он побывал лишь на одном заседании 21 июня 1727 года и больше не пожелал, и никто не настаивал, а бумаги, которые ему представляли, даже не просматривал.

Меншиков же не сразу понял, что, назначив в учителя Петру Остермана, допустил большую ошибку. Остерман вёл двойную игру. Он тут же стал подговаривать Елизавету Петровну свергнуть Меншикова. Наметив цель, он шёл к ней с оглядкой, неторопливо, и всегда добивался своего. Внешне демонстрируя лояльность к Меншикову, он втайне готовил удар в спину. Именно ему пришло в голову возобновить попытки женить Петра Алексеевича на Елизавете Петровне. Это становилось тем более реальным, чем более Меншиков ожесточал контроль за каждым шагом Петра.

Не впрямую, а аккуратно, намёками, Остерман заставлял отрока-императора задумываться над тем, по какому такому

праву временщик командовал им. Да, Пётр совсем юн и под опекой, но он государь! Рассказал Остерман Петру и о том, кто повинен в пытках его отца, царевича Алексея Петровича, кто виновен в его смерти. Конечно, по словам Остермана, это прежде всего Меншиков.

Настрой настроем, но в руках у временщика была сила, и сила большая. Даже армия подчинялась ему. Просто так не возьмёшь, а вот если женить на цесаревне Елизавете, другое дело.

Но на пути снова стала церковь. Известно, что по православным канонам не только браки, но и любые близкие отношения между родственниками почитаются большим грехом. А тут родство слишком близкое. Все попытки поженить тётку с племянником отбивались.

Казалось, ситуация безвыходная. И тут помог случай. Что такое случай, мы уже говорили…

Всё вышло словно по заказу. Серьёзно болел Меншиков и раньше. В 1719 году, как считают биографы, именно болезнь спасла его от виселицы. Дело в том, что Петру Первому представили материалы о воровстве его любимца. Царь готов был казнить Алексашку. И вероятно, казнил бы, да тут болезнь скрутила провинившегося любимца. Царь, узнав о состоянии его, сменил гнев на милость и сделал всё, чтобы его вылечить. А потом как-то и отошёл от гнева.

И вот спустя годы, в критический для него момент борьбы за власть, Меншиков почувствовал сильные недомогания, знакомые по 1719 году. Не помогла русская баня, которой в ту пору лечились многие, причём нередко излечивались.

Лефорт оставил заметки по поводу болезни:

«Кроме харканья кровью, сильно ослаблявшего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставляющая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что уже думали о его смерти».

А Пётр Второй тем временем, освободившись от ненавистной опеки, стал встречаться и с родной сестрой Натальей, за ум и сдержанность прозванной Минервой, и с тёткой Елизаветой, прозванной Венерой. В компании оказался и Иван Долгоруков.

И. А. Долгоруков. Неизвестный художник

Сергей Соловьёв писал о том времени:

«Елизавете Петровне было 17 лет; она останавливала взоры всех своей стройностью, круглым, чрезвычайно миловидным личиком, голубыми глазами, прекрасным цветом лица; весёлая, живая, беззаботная, чем отличалась от своей серьёзной сестры Анны Петровны, Елизавета была душой молодого общества, которому хотелось повеселиться; смеху не было конца, когда Елизавета станет представлять кого-нибудь, на что она была мастерица; доставалось и людям близким… Три тяжёлых удара – смерть матери, смерть жениха и отъезд сестры – надолго ли набросили тень на весёлое существо Елизаветы; по крайней мере, мы видим её спутницей Петра Второго и встречаем данные о сильной привязанности его к ней».

Пётр Второй был влюблён в свою красавицу тётку довольно сильно. Ну что ж, отроки часто влюбляются в девушек постарше себя. А тут ведь к тому и взрослые подталкивали. Да и сестра Наталья была на стороне намечающейся связи. И Остерман

советовал, а Наталья нашёптывала, что Остермана надо слушать, поскольку он хороший и добрый человек.

Болезнь скрутила столь сильно, что Меншиков полностью потерял все нити управления. Многое изменилось за то время, пока он был прикован к постели. Встав на ноги, сразу попытался вернуть утраченные позиции. Но при первом же действии, направленном вразрез с волей императора, получил резкий ответ, причём ответ в присутствии знати:

– Или я император, или он?

Разумеется, все царедворцы чуть не хором заявили:

– Вы и только вы, ваше императорское величество.

У Меншикова мороз по коже. Понял он, что даже соратники некоторые и то переметнулись на сторону его врагов.

Надо было смириться, изменить своё отношение, попробовать постепенно вернуть хотя бы малую толику былой власти, но подвела алчность.

Как раз в то время цех петербургских каменщиков поднёс Петру Второму 9000 рублей. Сумма по тем временам гигантская. Пётр же решил подарить деньги любимой сестре Наталье, которая хоть и была старше всего на год, но в делах хозяйственных весьма преуспела.

Едва курьер отправился к Наталье, об этом даре кто-то из слуг сообщил Меншикову. Тот пришёл в негодование. Такие деньги уплывали! На всё то, что принадлежало императору, он давно уже наложил свои воровские лапы.

Что делать? Решил вернуть деньги. Собрал верных и преданных слуг и бросился в погоню.

Курьера догнал неподалёку от дворца Натальи Алексеевны. Деньги отобрал. Курьер не сопротивлялся. Кто он против всесильного временщика? Правда, поспешил в царский дворец и сообщил императору о нападении и изъятии денег.

Пётр был взбешён до крайности. И действительно, как это можно столь нагло выступать против воли императора?

– Объясните, по какому праву вы отняли у курьера деньги? – сурово спросил Пётр.

Меншиков, почувствовав вкус наживы, потерял разум. Нагло заявил:

– Я найду этим деньгам лучшее применение! А вы слишком молоды, чтобы распоряжаться такими суммами.

Петра особенно взбесило то, что деньги даже не государственные, даже не из казны, а лично ему подаренные. Как же так? Почему ему не дают распорядиться подарком?

Тут уж выражений не выбирал:

– Как ты смел остановить моего курьера? Как смел забрать

деньги, которые я послал своей сестре? Это что, бунт?

Меншиков был удивлён, но ещё не осознал до конца, что нужно немедленно сменить поведение, нужно извиниться, бить челом и так далее. Он так ещё и не понял, что перед ним не мальчишка, а государь великой державы.

Повернулся и вышел вон, надменно вышел, сделав вид, что рассержен и обижен на императора и не считает нужным говорить с ним.

Пётр постепенно успокоился. Он ещё не стремился карать, он, видимо, посчитал, что выговора Меншикову будет достаточно.

Тем не менее Пётр под влиянием и своей тётки Елизаветы и сестры Натальи стал охладевать к Марии Меншиковой, и Меншиков, заметив это, напомнил, что он обручён с его дочерью и она его невеста. На это юный император ответил:

– Ласки излишни. Я не намерен жениться ранее двадцати пяти лет!

А вскоре повелел перевезти из дворца Меншикова все свои вещи и отдал распоряжение без его личной подписи казённые деньги никому не выдавать.

Деньги же, отнятые Меншиковым у курьера, велел у него забрать. Тот вынужден был их отдать. В тот момент присвоить их возможности не было, а потому решил выждать более удобный момент.

Пётр повелел снова послать деньги сестре Наталье Алексеевне, и курьер во второй раз поскакал к ней.

Вот тут Меншиков и совершил следующую, уже роковую ошибку. Он снова ринулся за курьером, снова догнал его и забрал деньги.

Правда, временщик всё же попытался как-то сгладить случившееся и 3 сентября 1727 года пригласил императора на освящение церкви.

Но когда Петру привезли приглашение, тот осведомился, направлено ли подобное его тётке Елизавете Петровне. Оказалось, что её Меншиков не пригласил.

Император велел дать ответ, что на праздник не приедет.

А 8 сентября 1727 года Меншиков по его приказу был арестован, причём Пётр повелел назначить следственную комиссию Верховного тайного совета, выводы работы которой были вполне предсказуемы. Меншикова обвинили в злоупотреблениях и казнокрадстве. Суда не было. Немедля отправили в ссылку, в его имение – крепость Раненбург. В свержении временщика были заинтересованы и Остерман, и весь клан Долгоруковых, которые в данном случае оказались в союзе с ним.

Император, оскорблённый открытым неповиновением и хамством, подписал указ о лишении Меншикова титулов, имущества и наград. Но врагов сброшенного с пьедестала временщика не устраивало то, что находится он пока не так далеко от столицы. Через некоторое время они добились отправки его в Берёзов Сибирской губернии.

Меншиков в Березове. Художник В. И. Суриков

Дорога была дальней и в ту пору долгой. Жена Меншикова, княгиня Дарья Михайловна, не перенесла её и скончалась в 1728 году в 12 верстах от Казани. Ненадолго пережил её и сам Меншиков. Когда эпидемия оспы, разразившаяся в Сибири, добралась до Берёзова, закончился и его жизненный путь. Некогда всесильный временщик умер 12 ноября 1729 года, словно исполнив предречённое им самому себе: «С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу».

Жестокая борьба у трона русских царей набирала обороты.

Краткий век Петра Второго

После падения Меншикова на первые роли вышли Долгоруковы. Но вскоре и им пришлось понервничать. Узнав о ссылке Алексашки, Евдокия Лопухина, первая супруга царя-плотника, бабушка отрока-императора, написала ему:

«Державнейший император, любезнейший внук! Хотя давно желание моё было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но по несчастию моему по сие число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допустя до вашего величества, послал меня за караулом к Москве. А ныне уведомилась, что за свои противности к вашему величеству отлучен от вас; и тако приемлю смелость к вам писать и поздравить. Притом прошу, если ваше величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы мне повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей».

Внук откликнулся и стал собираться в Москву, несмотря на протесты Долгоруковых. Переезд наметил на конец 1727 года.

Что можно было ожидать Долгоруковым? Полной перемены власти? Бабушка-то вполне могла стать правительницей при несовершеннолетнем внуке. Тут было о чём подумать и Елизавете Петровне. Как-то повернётся её судьба? Евдокия Лопухина и весь её род никак не мог быть расположен к её матери и всей родне Марты Скавронской, превратившейся по случаю в русскую императрицу.

Тем не менее Елизавета Петровна в начале января 1728 года отправилась вместе с державным племянником в Москву. Правда, тот по дороге заболел и две недели отлёживался в Твери. Немудрено. Дороги в ту пору были такие, что фактически дорогами их и не назовёшь.

Великая княжна Ольга Николаевна, дочь императора Николая Первого, в своих воспоминаниях так рассказала о дороге, которая была между Санкт-Петербургом и Москвой аж сто лет спустя:

«В августе 1826 года нас отправили в Москву с флигель-адъютантом Василием Перовским. Поездка продолжалась девять дней. Мне было в то время четыре года, и впечатление от неё осталось самое пёстрое. Шоссе не существовало, только одни просёлочные дороги с брусьями с правой стороны, воткнутыми просто в песок. Так мы тогда путешествовали!»

Это, напомню, было сто лет спустя. Ясно, что в 1728 году дороги были не лучше. Собственно, их так же и не было.

4 февраля 1728 года юный император торжественно въехал в

Москву, а 25 февраля венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

Тут уж Долгоруковы проявили себя в полной мере. Князья Василий Лукич и Алексей Григорьевич были назначены членами Верховного тайного совета, сын Алексея Григорьевича Иван стал обер-камергером.

В те дни произошло и ещё одно событие, которое в дальнейшем сильно повлияло на судьбу России. Пришло сообщение, что у тётки императора Анны Петровны, старшей сестры Елизаветы, родился сын, которого назвали замысловато – Карл Пётр Ульрих.

Москву сотрясли праздничные мероприятия по этому поводу. Пётр встретился и со своей бабушкой Евдокией Лопухиной. По поводу взаимоотношений сведения разные. Одни утверждали, что Пётр любил бабушку, другие – то, что он был к ней равнодушен.

В разгар пребывания двора в Москве умерла старшая сестра Петра, Наталья, которой едва исполнилось 14 лет. Император тяжело переживал утрату.

В Москве император делами не занимался, отдав всё на откуп Долгоруковым. Долгоруковы хоть и порицали иногда его за это, но в то же время радовались тому, что не мешает им править страной. А вот другие члены Верховного тайного совета – Апраксин, Головкин и Голицын – были крайне обеспокоены таковым обстоятельством, поскольку видели, что всё это на руку Долгорукову и Остерману.

А Петру Второму в Москве понравилось, и он фактически вернул туда столицу, несмотря на доводы того же Остермана, которому был по душе европеизированный Санкт-Петербург. Каких только аргументов не приводил! Мол, и город специально построен, и учреждения там заведены правительственные, и флот может пострадать, если окажется вдали от столицы. Пётр отвечал: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нём, как дедушка».

В стране всё разваливалось, поскольку власть ослабла. Даже церковь сотрясли раздоры. Оставшееся после петровских репрессий истинно православное духовенство даже попыталось восстановить патриаршество. А в противовес действовал вице-президент Святейшего синода Феофан Прокопович. Он пытался добить православие и свернуть церковь к лютеранству и кальвинизму.

Никому не было дела до страны. Один старатель о выдаче замуж дочери пал, так появился другой. Иван Долгоруков осенью 1729 года представил императору свою сестру княжну Екатерину. И если дочери Меншикова никак не тронули сердце императора,

то Екатерина Долгорукова сразу приглянулась ему. Было ей уже 17 лет. Пора замуж. 19 ноября Пётр уже безо всякого давления объявил о своём намерении жениться на Екатерине. А 30 ноября состоялось обручение. На обряде Долгоруковы сияли. Они оказались в шаге от полной власти в России. И тут произошло событие, признанное современниками мистическим.

Завершился обряд. Московская знать, собравшаяся в церкви, вышла вслед за Петром и Екатериной, чтобы проводить их. Отрока-императора и невесту ждали украшенные дворцовые кареты. Ехать предстояло пока врозь. Таков порядок. Первой тронулась карета Петра, а уже за ней карета Екатерины Долгоруковой.

Что произошло, не сразу все поняли. Видимо кучер резко взял с места и не справился со своей задачей. Кони резво понесли кареты, и она зацепилась за стойку ворот. Удар был настолько сильным, что золочёная корона сорвалась с головы Екатерины Долгоруковой, выпала в раскрывшуюся дверь и оказалась в глубокой луже на обочине. Всплеск воды смешался со вздохом ужаса, вырвавшимся из праздничной толпы, обступившей дворец.

Корону тут же подняли, очистили от грязи, старательно протёрли и подали невесте. Карета двинулась дальше.

Многие посчитали случившееся знаком судьбы. Да вот только что делать, не ведали, да и о чём говорит этот знак, не понимали.

Е. А. Долгорукова. Старинная гравюра

Долгоруковы же намеренно не придали значения случившемуся. До свадьбы, назначенной на 19 января 1730 года, оставалось недолго.

Между тем недавний союзник Долгоруковых Остерман, понимая, что после свадьбы и неминуемого возвышения Долгоруковых станет ненужным, добился тайной встречи с Петром и стал отговаривать его от свадьбы.

Причём на эту встречу предусмотрительно пригласил и Елизавету Петровну. Та пожаловалась на дурное к ней отношение Долгоруковых. Пётр возмутился. Ведь он требовал, чтобы они оказывали внимание его любимой тётке. Удалось ли вызвать колебания у Петра относительно невесты, сказать трудно, потому что у него просто не оставалось времени для каких-либо размышлений.

У Провидения были свои планы на всё происходящее. Незадолго до свадьбы, в праздник Богоявления, 6 января 1730 года, в Москве был сильный мороз. Тем не менее Остерман и Миних, устроившие парад на Москве-реке в честь водосвятия,

привлекли на него и Петра. Московское духовенство с крестами и хоругвями явилось на берег реки. Пётр живо принимал участие в празднестве.

Трудно сказать, что произошло. И действительно ли была простуда. Но вечером Пётр метался в бреду, сражённый болезнью. Врачи сразу не смогли определить диагноз. Некоторые современники полагали, что они приняли оспу за горячку. А болезнь скрутила не на шутку. Император пал в забытьё.

Когда стало ясно, что дела плохи и свадьба не состоится, Иван Долгоруков, который, как всем было известно, прекрасно умел копировать почерк своего царственного друга, написал завещание от имени умирающего, по которому престол передавался Екатерине Долгоруковой. Это была последняя попытка завладеть властью.

Но, во-первых, все знали о способности Ивана подделывать почерк, а во-вторых, наследником престола всё-таки должен быть представитель династии Романовых. Верховный тайный совет фальшивку не принял. Иван Долгоруков был наказан…

У Долгоруковых осталась лишь слабая надежда на то, что император справится с болезнью. Впрочем, не много могли в ту пору лекари, которые к тому же были сплошь иноземцами. Отсюда и такой разброс в диагнозах, когда речь шла о смерти русских самодержцев.

Генерал-майор Пруссии Христофор Герман Манштейн, который находился на русской службе с 1736 по 1744 год, в своих «Записках о России…» отметил: «17-го января император заболел оспою. Невежество врачей, принявших оспу за горячку, и излишняя живость самого государя были причиной его смерти. Он открыл у себя окно в то время, когда оспа стала высыпать; она скрылась, и затем последовала смерть 29-го января по старому стилю, похитив государя в цвете лет».

А случилось, по преданию, это так…

В час ночи на 19 января 1730 года император, долго пребывавший в забытьи, неожиданно пришёл в себя.

Долгоруковы были обрадованы, да преждевременно. Пётр тут же распорядился: «Закладывайте лошадей. Я поеду к сестре Наталье».

Все замерли в оцепенении. Ведь Натальи уже не было в живых, и Пётр давно оплакал её. Он уже жил как бы в потустороннем мире.

Ещё несколько минут, и лекари объявили о том, что остановилось сердце.

Что же это был за император? Тот же прусский генерал Манштейн писал: «По причине нежного возраста покойного

государя трудно определить, каков был его характер. Впрочем, общий голос говорил, что сердце у него было доброе, ум живой и проницательный и отличная память».

И далее отметил: «Царствование Петра Второго продолжалось только два года и девять месяцев; и несмотря на то что государь этот умер в очень молодых летах, весь народ много жалел о нём. Русские старого времени находили в нём государя по душе, оттого что он, выехав из Петербурга, перевёл их в Москву. Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со всеми соседями; служить в войсках никого не принуждали, так что каждый мог спокойно наслаждаться своим добром и даже умножать его. За исключением некоторых вельмож, завистливо смотревших на могущество Долгоруких, вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах; государственная казна обогащалась, и Москва начинала поправляться от разорения, причинённого ей пристрастием Петра Первого к Петербургу. Только армия да флот приходили в упадок и погибли бы, вероятно, вконец, если бы царствование это продолжалось в этом виде ещё несколько лет».

Никто не ожидал столь быстрой кончины 14-летнего императора. Царедворцы пришли в оцепенение, на какое-то время забыв вражду. Мужской род Романовых пресёкся. Настало время жестокой борьбы за власть, которая сулила много крови.

Первый галант Елизаветы

В те сумбурные, можно даже сказать, весьма смутные дни Елизавете Петровне пришлось пережить много личных драм и трагедий. Всё началось со смерти отца, при котором она жила как у Христа за пазухой, затем матери, затем родной сестры Анны Петровны, которая ушла из жизни в далёком Киле 15 марта 1728 года в 20 лет. В ноябре того же года покинула сей мир четырнадцатилетняя племянница, а в январе 1730-го ушёл из жизни племянник Пётр Второй.

Слишком много смертей, и все они близки по времени. Кто же мог утешить цесаревну? Утешитель появился, первый так называемый галант, как звали любовников в восемнадцатом веке, красавец-денщик Бутурлин. Пусть не смущает чин – денщик. В те времена это примерно генерал-адъютант или порученец позднейших лет.

По свидетельствам современников, это был «высокий статный красавец», любимец дамского общества. Существуют самые различные данные о том, до каких пределов доходили его взаимоотношения с Елизаветой Петровной. Известно лишь, что продолжались они не один год, и Александр Борисович благодаря этой связи сделал неплохую карьеру. Впрочем, судя по всему, вовсе не карьерные соображения были причиной его отношения к прекрасной Елизавете.

Красоту же дочери царя-плотника отмечали многие современники. Так, испанский посланник герцог де Лирия в 1728 году писал о цесаревне: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У неё удивительный цвет лица, прекрасные глаза, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива».

Бутурлин был выходцем из старинного и знатного боярского рода. Его отец, капитан гвардии, погиб в одном из сражений, когда Александр был совсем маленьким. Воспитанием занялся старший брат Пётр, сумевший попасть в самое близкое окружение царя Петра. Он участвовал в бесовских всешутейских соборах и вёл весёлый образ жизни.

Однако Александр, поступив в Морскую академию, оказался среди лучших воспитанников и по выпуске стал денщиком самого царя, причём зачастую выполнял самые секретные поручения. А Екатерина Первая, симпатизировавшая молодому офицеру, после смерти царственного супруга сделала его камергером своей

дочери Елизаветы. Тогда-то и зародился роман, который продолжался даже несмотря на сватовство цесаревны.

При Петре Втором Бутурлин был произведён в генерал-майоры. Добрые отношения Бутурлина с государем, к тому же его близость с государевой тёткой Елизаветой, обеспокоили царедворцев, и они начали интриги против него. Герцог де Лириа писал: «Остерман сказал мне, что фаворит (Иван Долгоруков) уведомил его обо всём, что он говорил со мной с глазу на глаз и что они условились погубить Бутурлина, потому что очень опасно было оставлять его на таком месте, на котором он мог давать дурные советы государю».

Иван Долгоруков, который был дружен с государем, опасался сближения его с Бутурлиным. Наговоры на Бутурлина легли на сдобренную почву.

А. Б. Бутурлин. Неизвестный художник

Пётр Второй, хоть и относился к Бутурлину неплохо, как помним, был не просто дружен с тёткой, он был в неё влюблён, и,

вполне возможно, сыграла роль ревность к её возлюбленному, тем более он не слишком противился браку с Елизаветой.

Забегая вперёд, нужно сказать, что удаление от двора дало возможность Бутурлину показать себя в деле. Он воевал на Кавказе, отличился не раз в походах Миниха против турок, в 1735 году стал смоленским губернатором, а впоследствии пожалован чином генерал-кригс-комиссара и стал генерал-поручиком. Ну а о судьбе его после восшествия на престол Елизаветы Петровны поговорим в соответствующей главе. Важно, что он из столичного царедворца превратился в боевого генерала.

Когда Пётр Второй покинул сей мир, тут же всё было перевёрнуто вверх дном. О Елизавете Петровне намеренно забыли. Верховники, члены Верховного тайного совета, почему-то решили, что дочь царя Иоанна Алексеевича, единокровного брата Петра Первого, Анна Иоанновна, будет более послушной игрушкой в их руках, нежели Елизавета, тем более помнили, с какой неохотой она покидала Россию.

Анне Иоанновне предложили трон, но с оговоркой, что она должна будет подписать так называемые кондиции, ограничивающие её права и предполагающие разделение власти с верховниками.

Русское самодержавие оказалось под угрозой. И тут уж нужно в оценке событий выбирать из равных зол зло меньшее. История царствования Анны Иоанновны осталась чёрным пятном в русской истории. Время бироновщины – страшное время. Время разрушения русского национального самосознания. Время извращения русской истории. Время жестокостей и казней.

И тем не менее нельзя не признать правоту слов Екатерины Великой. В 1788 году государыня писала своему постоянному корреспонденту принцу де Линю:

«Я была воспитана в любви и уважении к республикам; но опыт убедил меня, что чем более собирается народу для рассуждения, тем более слышно безрассудных речей». А в своей небольшой заметке «О России» указала: «Если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар, и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности.

Безрассудное намерение Долгоруких, при восшествии на престол императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабление – следственно и распадение государства, но, к счастью, намерение это было разрушено простым здравым смыслом большинства».

Как видим, даже грубое правление бироновщины было, по её

мнению, лучше, нежели беспредел либеральной и разрушительной демократии, ибо известна истина, что там, где всяк правит, никто не правит.

Государыня императрица Екатерина Великая завершает свою мысль ярким фактом, известным всем, но всеми ли осмысленным?

«Не привожу примера (деления на уделы) Владимира (Владимиро-Суздальского княжества. – *Н.Ш.*) и последствий (ордынское нашествие и долгое тяжкое иго. – *Н.Ш.*), которые оно повлекло за собою: он слишком глубоко врезан в память каждого мало-мальски образованного человека».

О государственной власти в России Екатерина Великая говорила прямо:

«Российская Империя столь обширна, что, кроме Самодержавной Монархии, всякая другая форма правления вредна ей и разорительна, ибо все прочие медлительны в исполнении и множество страстей разных имеют, которые к раздроблению власти и силы влекут. Единый государь имеет все способы к пресечению всякого вреда и почитает общее благо своим собственным. Цель Монархического Самодержавного правления есть благо граждан, слава государства и самого Государя».

Словом, с одной стороны, разорванные кондиции спасли сам принцип самодержавия, но с другой, опираясь на самодержавие, враги, обсевшие престол, стали глумиться над Россией.

Начало было положено не Анной Иоанновной.

Последствия царствования царя-плотника ужасающи. Да и престол после ближайших преемников «великого преобразователя Руси» заняла его племянница, насквозь пропитанная тогдашними, ну, может, лишь чуточку менее погаными, чем ныне, «европейскими ценностями». Она притащила с собой очередного садиста, способного помериться этим своим качеством с самим преобразователем.

Началось избиение всего русского, начиная от народа, заканчивая обычаями и даже историей земли Русской.

Вот как об этом говорится в Интернете, с чем нельзя не согласиться, поскольку о том же писали и честные русские исследователи:

«Начиная с 1725 года, когда была создана Российская академия, и до 1841 года фундамент русской истории переделывали прибывшие из Европы плохо говорящие по-русски, но быстро становившиеся знатоками русской истории следующие “благодетели” русского народа, заполонившие историческое отделение Российской академии:

Коль Петер (1725), Фишер Иоганн Эбергард (1732), Крамер Адольф Бернгард (1732), Лоттер Иоганн Георг (1733), Леруа Пьер-Луи (1735), Мерлинг Георг (1736), Брем Иоганн Фридрих (1737), Таубер Иоганн Гаспар (1738), Крузиус Христиан Готфрид (1740), Модерах Карл Фридрих (1749), Стриттер Иоганн Готгильф (1779), Гакман Иоганн Фридрих (1782), Буссе Иоганн Генрих (1795), Вовилье Жан-Франсуа (1798), Клапрот Генрих Юлиус (1804), Герман Карл Готлоб Мельхиор (1805), Круг Иоганн Филипп (1805), Лерберг Август Христиан (1807), Келер Генрих Карл Эрнст (1817), Френ Христиан Мартин (1818), Грефе Христиан Фридрих (1820), Шмидт Иссак Якоб (1829), Шенгрен Иоганн Андреас (1829), Шармуа Франс-Бернар (1832), Флейшер Генрих Леберехт (1835), Ленц Роберт Христианович (1835), Броссе Мари-Фелисите (1837), Дорн Иоганн Альбрехт Бернгард (1839). В скобках указан год вступления названного иностранца в Российскую академию».

Интересно, что даже при императоре, известном нам под именем Александра Первого, «фальшивом, как пена морская» и открыто ориентированном на услужение Англии, и то иноземцев было поменьше. Правда, к этому привели направленные на возрождение России царствования Екатерины Великой и её сына Павла Петровича. Почистили они негодяев, хотя именно негодяи-инородцы и стали руководителями жестокого убийства Павла Петровича, совершённого целиком и полностью в духе садизма преобразователя. Ведь по указанию Петра I его сына – царевича Алексея – долго истязали, а затем задушили, как и Павла Петровича.

Из этой жестокой и страшной «песни» слова не выкинешь. Всё достаточно хорошо и неопровержимо подтверждено документами и честными мемуарами, которых известно в достаточном количестве.

Но чем же всё обернулось для Елизаветы Петровны?

В ожидании двоюродной сестрицы

Елизавета Петровна ждала приезда своей двоюродной сестры Анны с большими надеждами. Конечно, Анна была значительно старше её, но ведь сестра же, хоть и двоюродная.

В 1731-м Анне было 38 лет, а Елизавете – 22 года.

Анна была выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма и овдовела. Существуют разные мнение историков по поводу этого брака. Известна народная песня с горькими словами:

> Не давай меня, дядюшка, царь-государь Пётр Алексеевич,
> В чужую землю нехристианскую, басурманскую.

То есть мы уже видим, что брак свершился по воле царя-плотника. Известно, что Пётр Первый стремился повязать всю свою родню с иноземцами. Такова уж была установка его хозяев.

После победы над шведами под Полтавой царь-плотник встретился в Мариенвердере с королём Фридрихом Вильгельмом I. Это случилось в октябре 1709 года. Тогда же наряду с другими вопросами был решён и вопрос о браке герцога с одной из дочерей царя Ивана V. Которую из дочерей выбрать решила царица Прасковья, вдова брата? Она выбрала Анну.

По словам историка Е. В. Анисимова, «судьба семнадцатилетнего юноши, который после оккупации герцогства шведами в 1701 году (а потом – саксонцами и русскими) жил в изгнании в Гданьске со своим дядей-опекуном герцогом Фердинандом, была решена без его ведома. Впрочем, иного способа вернуть себе когда-то потерянное в огне Северной войны владение молодому Фридриху Вильгельму и не представлялось… Герцог не произвёл благоприятного впечатления на формирующийся петербургский свет: хилый и жалкий юный властитель разорённого войной небольшого владения, он вряд ли казался завидным женихом».

Портрет императрицы Анны Иоанновны. Художник И. Ведекинд

Почему же вдовствующая царица Прасковья решила выдать за герцога именно Анну? Анисимов указал:

«Узнав от Петра, что в жёны герцогу предназначена одна из её дочерей, Прасковья Фёдоровна пожертвовала не старшей и обожаемой ею дочерью Катериной, которую звала в письмах “Катюшка-свет”, а второй, нелюбимой, семнадцатилетней Анной. Думаю, что никто в семье, в том числе и невеста, не испытывал радости от невиданного со времён Киевской Руси династического эксперимента – выдания замуж в чужую, да ещё “захудалую” землю царской дочери».

Противиться воле жестокого царя-плотника было невозможно, даже опасно. А Пётр действовал в своём духе. Не исключались даже подлоги. Так, по мнению Анисимова, даже письма жениху Анна не только не писала сама, но даже о них ничего не знала. Вот как рассказал об этом историк:

«До нас дошёл весьма выразительный документ –

составленное, вероятно, в Посольской канцелярии в 1709 году письмо Анны Иоанновны к своему далёкому и незнакомому жениху: “Из любезнейшего письма Вашего высочества, отправленного 11-го июля, я с особенным удовольствием узнала об имеющемся быть, по воле Всевышняго и их царских величеств моих милостивейших родственников, браке нашем. При сём не могу не удостоверить Ваше высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать Ваше объяснение в любви ко мне. Со своей стороны, уверяю Ваше высочество совершенно в тех же чувствах: что при первом сердечно желаемом, с Божией помощью, счастливом личном свидании представляю себе повторить лично, оставаясь, между тем, светлейший герцог, Вашего высочества покорнейшею услужницею”. В этом послании, полном галантности и вежливости, совсем нет искренних чувств. Да и откуда им взяться? Как не вспомнить “Путешествие из Москвы в Петербург” А. С. Пушкина: “Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? “По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь”. Таковые страсти обыкновенные. Неволя браков давнее зло”. “По страсти” в XVIII веке выходили замуж и русские царевны, только старостою у них был сам царь-государь. У знающих Анну нет сомнений в том, что она не сама писала это письмо. Интересно другое – читала ли она его вообще? Как бы то ни было, свадьба намечалась на осень 1710 года».

Венчание герцога с Анной состоялось 31 октября 1710 года в Петербурге.

Пьянствовали на славу, если это можно славой назвать. Дворец Меншикова едва вместил гостей. Два месяца продолжался пир, и лишь 8 января 1711 года молодая чета выехала в Курляндию.

Отъехать далеко не успели. 10 января 1711 года герцог Фридрих Вильгельм умер на Дудергофской мызе, как было установлено, «от невоздержанности в употреблении спиртного». Дело в том, что в канун смерти он «позволил себе состязаться в искусстве пития с самим царём Петром». Ну а царь-плотник оказался в этом вопросе непобедимым.

Большой ли бедой или малой стала смерть супруга для семнадцатилетней Анны, не желавшей покидать Россию, только она поспешила вернуться в Петербург, в родной дом, и некоторое время спокойно прожила у матери. Но в 1712 году царь решил отослать её в Курляндию, причём направил строгую именную грамоту курляндскому дворянству. Он напомнил пункты брачного договора и повелел подготовить резиденцию для вдовы герцога Фридриха Вильгельма и обеспечить её всем необходимым

для жизни.

Фридрих Вильгельм Курляндский. Художник А. Пэн

Пётр отправил с Анной в Митаву гофмейстера П. М. Бестужева-Рюмина, поручив ему «обеспечить доходы для содержания двора герцогини, а если будет нужно, то даже просить вооружённой помощи у рижского коменданта».

В герцогстве всё было в полном разорении. Анна горько рыдала и рвалась в Россию, но царь запретил даже заикаться об этом.

Пришлось остаться там. Бестужев же времени зря не терял. Он сумел сделаться любовником Анны. Сведения о том достигли России. Мать Анны, вдовствующая царица Прасковья, была разгневана, узнав об этой «срамной связи». Она тут отправилась к царю Петру, а, как известно, он относился к вдове брата со вниманием. Жалоба была услышана. Правда, в просьбе царицы разрешить ей самой поехать и разобраться на месте отказал и решил направить в Курляндию её брата – графа Василия Фёдоровича Салтыкова.

Бестужев встретил посланца царя в штыки. Салтыков тут же написал царю обстоятельный доклад про положение дел в герцогстве, обвинив в полном развале именно Бестужева. Под удар вместе со своим любовником могла попасть и сама Анна. Спасло её от гнева только то, что к ней милостиво относилась супруга царя Екатерина. Сохранилось письмо, в котором Анна благодарила её за участие в своей судьбе: «Государыня моя тётушка, матушка-царица Екатерина Алексеевна, здравствуй, государыня моя, на многие лета в купе с государем нашим батюшкой, дядюшком и с государынями нашими сестрицами! Благодарствую, матушка моя, за милость Вашу, что пожаловала изволила вспомнить меня. Не знаю, матушка моя, как мне благодарить за высокую Вашу милость, как я обрадовалась, Бог Вас, свет мой, самое так не порадует… ей-ей, у меня, кроме Тебя, свет мой, нет никакой надежды. И вручаю я себя в милость Твою материнскую…»

Кстати, именно Екатерина в конце концов примирила Анну с её матерью.

Прасковья Фёдоровна даже перед смертью написала дочери: «Слышала я от моей вселюбезнейшей невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, что ты в великом сумнении якобы под запрещением или, тако реши, – проклятием от меня пребываешь, и в том нынче не сумневайся: всё для вышеупомянутой Ея величества моей вселюбезнейшей государыни невестушки отпущаю вам и прощаю вас во всем, хотя в чём вы предо мною и погрешили».

Но тут возникли новые обстоятельства. В 1726 году внебрачный сын польского короля и саксонского курфюрста Августа Сильного граф Мориц Саксонский решил добиваться титула герцога Курляндского. Как это сделать? Ну, конечно, самый верный путь с помощью брака. Он приехал в Митаву, разыграл необыкновенную влюблённость и предложил руку и сердце Анне Иоанновне.

Анна растаяла. К тому же герцог приглянулся ей, и она согласилась стать его супругой. Сумел граф Мориц обратить в своих союзников и курляндских дворян. 18 июня 1826 года его избрали новым герцогом, тем более что занимавший этот трон герцог Фердинанд давно уехал в Данциг и требовал из Курляндии лишь средства для своего безбедного житья. Его едва ли не единогласно лишили трона.

Окружение императрицы Екатерины Первой было обеспокоено манёврами хитрого поляка. Князь Александр Меншиков немедленно выехал в Митаву, где здраво оценил обстановку, поскольку знал, что не только Россия, но также

Пруссия и Австрия настроены категорически против усиления влияния Саксонского дома в Речи Посполитой.

Он объяснил Анне, что ожидает герцогство, если она не изменит своего решения. И она тут же заявила, что хочет видеть герцогом самого Меншикова. Правда, с её стороны это было хитрым манёвром. Обманув Меншикова, она тут же выехала в Петербург, чтобы просить императрицу Екатерину оказать ей содействие в данном случае против Меншикова.

Но Екатерина Первая была вовсе не всесильна. Она во многом зависела именно от князя Меншикова, содействовавшего её восшествию на престол.

Она отказалась помочь Анне, и вскоре граф Мориц был изгнан из Митавы. Курляндским герцогом попытался стать Меншиков. Курляндское дворянство воспротивилось. Было значительно сокращено финансирование Анны Иоанновны. Конфликт Меншикова с Бестужевым закончился тем, что в июне 1727 года Меншиков добился отзыва Бестужева из Митавы. Анна Иоанновна, давно уже сделавшая его своим любовником, засыпала Петербург письмами с просьбой не отзывать своего любовника, моложе которого была на тридцать лет. В архиве сохранились 26 писем герцогини, полных мольбы. Ведь Бестужев был не столько её возлюбленным, сколь надёжной опорой и защитой.

К примеру, историк Е. В. Анисимов прямо говорит о том, что она не была «любострастной», а лишь хотела поддержки в своей государственной деятельности, к которой совсем не была способной. Она терпела даже то, что Бестужев как раз был отъявленным блудником: «фрейлин водит зо двора и им детей поробил».

Бывают действия, которые кажутся благими. Вот забрали блудника и прелюбодея, а вышло-то ещё хуже. Свято место пусто не бывает. Хоть и нельзя отнести к постели герцогини слово «свято», но так уж вышло. Место Бестужева вскоре занял 28-летний курляндский проходимец Эрнст Бирон, обычный безграмотный и косноязычный конюх Анны. Ну а когда Анна горевала по поводу отзыва Бестужева, сумел утешить её и занять место в ложе своей госпожи.

Ну что ж, всё в духе тех ужасных для России лет, когда Пётр возвёл на трон барышню, служившую предметом солдатских похотливых утех, ну а племянница его завела себе негодяя, который впоследствии немало бед и вреда принёс России. Как бы мы ни ругали аристократию на протяжении долгих лет, но русская родовая аристократия оказалась всё же выше девицы для развлечений, конюха да таксистов – уже во времена позднейшие.

У Бирона вскоре, 11 октября 1728 года, появился сын Карл Эрнст. Кто его мать, история умалчивает, но существуют свидетельства, будто Анна питала к нему чувства особые, до десятилетнего возраста даже кроватка ребёнка стояла у неё в опочивальне. Она взяла его в Россию, когда её призвали, в то время как самого Бирона пока оставила в Курляндии.

Словом, племянница царя Петра окончательно скурляндилась и в Россию уже приехала хоть и русская по крови, в отличие, кстати, от Елизаветы, но далеко не русская по нраву женщина.

Э. И. Бирон. Неизвестный художник

Вскоре в Россию заявилась вся брауншвейгская худородная, по определению тех лет, семейка, сразу признавшая – разумеется, сама себя – этакой элитой российского общества.

Вот тогда-то и начались чёрные дни для Елизаветы Петровны, вот тогда-то она, оказавшись в опале, очутилась среди русских, презревших европейские нравы и оставшихся русскими. Вот тогда-то она и пропиталась русским духом, который, как увидим далее, часто перебарывал в её душе и в государственных делах

насаждённые и поддерживаемые многочисленными инородными вельможами при дворе привычки.

Историки и мемуаристы тех лет, указывая на тяжкое положение Елизаветы, обращали внимание на тот факт, что у неё в доме порой даже соли не было. Удивительно, но в то время это было неким показателем достатка.

Анна Иоанновна не только лишила Елизавету престола, захватив его с помощью определённого клана придворных, но исключила её и из его наследников.

Попытка призвавших её вельмож оградить самодержавную власть провалилась. Анна порвала кондиции и стала править самовластно. Самовластно внешне, на самом деле над Россией после царя-плотника нависла власть если и не по имени, то по существу царя-конюха. И тоже инородца.

Но Елизавете Петровне от этого было нисколько не легче. К. Валишевский писал: «Она жила… почти бедно, билась в постоянных денежных затруднениях и находилась под неослабным надзором. В 1736 г. одну из её горничных заключили в тюрьму, обвинив её в непочтительных отзывах о Бироне, затем подвергли допросу, высекли и сослали в монастырь. Возник было вопрос о заточении в обитель самой цесаревны. Она носила простенькие платья из белой тафты, подбитые чёрным гризетом, “дабы не входить в долги, – рассказывала она впоследствии Екатерине II, – и тем не погубить своей души, если бы она умерла в то время, оставив после себя долги, то никто их не заплатил бы и её душа пошла бы в ад, а этого она не хотела”. Но белая тафта и чёрный гризет должны были вместе с тем производить впечатление вечного траура и служили своего рода знаменем. Её семья – несчастная семья литовских крестьян, трое детей, две тётки, получившие аристократические имена и титулы, но бедные и испытывавшие самое презрительное обхождение со стороны Анны Иоанновны, – доставляли ей также немало хлопот и вводили в большие расходы. Она воспитывала на свой счёт двух дочерей Карла Скавронского, старшего брата Екатерины I, и старалась выдать их замуж».

А. Я. Шубин. Неизвестный художник

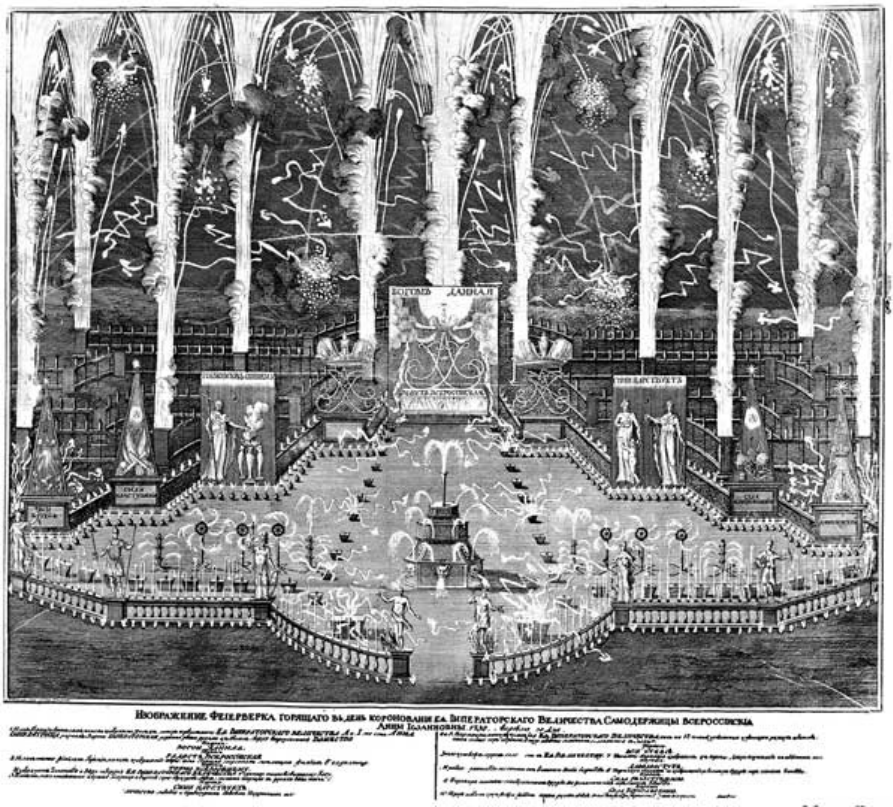
Помимо кузин, ближний круг Елизаветы составляли Алексей Яковлевич Шубин, будущий генерал-поручик, кому Елизавета писала пылкие любовные поэмы, лейб-медик Лесток, камер-юнкеры Михаил Воронцов и Пётр Шувалов и будущая жена его, Мавра Шепелева».

Годы, проведённые в этакой «полуопале», превратили Елизавету Петровну (очень возможно, Анатольевну) из дочери родителей-инородцев в истинно русскую по духу женщину. Ведь давно известно, что судить о людях нужно не по крови, а по делам.

И дождалась сестрички

Итак, Верховным тайным советом была вызвана из Курляндии Анна Иоанновна, дочь Иоанна Пятого и племянница Петра Первого. Весь двор был в ожидании перемен и с волнением готовился к её приезду. Елизавета Петровна тоже очень ждала свою двоюродную сестру, потому что надеялась на доброе к ней расположение. И всё-таки тревожно было на душе.

Анна Иоанновна была встречена торжественно. Среди встречающих присутствовала и Елизавета Петровна. Но встреча показала, что надежды вряд ли оправдаются. Анна Иоанновна посмотрела на неё равнодушно, просто скользнула взглядом и даже не улыбнулась. Возможно, она не могла забыть, как её насильно выдал замуж дядюшка царь-плотник, отец Елизаветы. Вспоминала, как с грустью покидала Россию. Ей стало обидно, что она вернулась через примерно двадцать лет почти нищей, а у цесаревны Елизаветы Петровны было всё. Оценивая владения, доставшиеся Елизавете, она наполнялась завистью. Ей хотелось все отнять у двоюродной сестры.



Изображение фейерверка, горящего в день коронования Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны. 1730, апреля 30 дня. Гравюра XVIII в.

Елизавета почувствовала сразу, что Анна сторонится её, но не могла понять, в чём причина. Двоюродные-то сёстры обычно бывают дружны. Елизавета могла и не знать, что батюшка обидел Анну очень сильно. Она старалась проявить своё доброе отношение, но, увы, Анна не хотела этого замечать.

Напротив, всячески демонстрировала свою неприязнь к двоюродной сестре, а та ведь и без того уже была лишена всех прав, хотя и занимала третий пункт в придворном протоколе после самой императрицы Анны Иоанновны и её племянницы Анны Леопольдовны.

Тем не менее лишить всего того, что полагалось по статусу членам императорской фамилии, Елизавету не могла. Дворец и слуг оставила, денежное содержание определила, но уже далеко не такое, что было при правлении императора Петра II.

Императрица Анна Иоанновна постоянно старалась подчёркивать подлое происхождение своей двоюродной сестры, ведь мать Елизаветы была девкой из солдатского обоза,

служащего для увеселения сначала солдат, затем воеводы Бориса Петровича Шереметева. Ну а мать Анны Иоанновны, царица Прасковья Фёдоровна, урождённая Салтыкова, была дочерью стольника и воеводы Салтыкова, рода знаменитого!

Многие современники полагали, что ненависть была вызвана, кроме того, и «ослепительной красотой» Елизаветы. Саму же Анну Иоанновну называли «старой, рябой и чрезмерно толстой». Нередко у таковых уродливых проявляется лютая зависть к молодым и красивым девицам.

Однажды на балу императрица Анна задала китайскому послу очень неосторожный вопрос, кого из присутствовавших в зале дам он считает самой красивой, рассчитывая, очевидно, на то, что он из дипломатических соображений прилюдно назовёт красавицей именно её. Но он по какой-то причине не смог покривить душой и заявил, что самой красивой является Елизавета.

Впрочем, и Елизавета Петровна проявляла свой норов. Несмотря ни на что, она не собиралась пресмыкаться перед ненавидевшей её Анной Иоанновной.

Незадолго до выезда в Москву на коронацию Анна Иоанновна призвала к себе Елизавету Петровну и пригласила её на торжества, в полной уверенности, что та, конечно же, будет безмерно благодарна за это приглашение. И вдруг услышала в ответ:

– Ваше императорское величество… сестрица дорогая, рада бы, да что-то нездоровится. Дорога-то дальняя, трудная… – а приметив, как налилось кровью лицо императрицы, всё же прибавила, что ещё подумает об этом и решит по тому, как будет себя чувствовать.

И не хотелось Анне, с одной стороны, видеть Елизавету на коронации, и понимала, что у многих вопросы возникнут, что там да как. Почему не приехала княжна?

Решив всё же намекнуть, что надо ехать, послала к Елизавете Петровне придворного узнать о решении, мол, двор к выезду готовится, надо собираться.

Придворного к Елизавете не допустили, заявив, что просит она её не беспокоить, потому как сильно больна.

Больна ли, нет ли, придворный так и не узнал, а потому вынужден был доложить то, что услышал во дворце Елизаветы.

Императрица Анна Иоанновна ещё больше озлобилась, не желая понять, что привело к такому поведению Елизаветы, ведь это был прямой вызов. Опасения же иногда возникали: не готовит ли она заговор? Докладывали императрице, что у Елизаветы немало сторонников, особенно из тех, кто был в силе при её отце,

а потом потерял своё значение.

Кстати, к тайным сторонникам Елизаветы Петровны относился и уже упомянутый в предыдущих главах князь Иван Юрьевич Трубецкой, который, вернувшись из плена, пошёл довольно быстро в гору, но при Екатерине Первой несколько устранился от дел; мало того, сына своего, Ивана Ивановича Бецкого, отправил учиться за границу, в Данию. Дания была в то время союзницей России. За границей – не в Дании, правда, а во Франции – произошли знаковые события, о которых мы ещё поговорим.

Анна Иоанновна не могла не заметить, что в окружение Елизаветы входили люди твёрдые, решительные, до которых она не всегда могла добраться. Правители тоже ведь ограничены в своих возможностях. Не могут везде и во всём вести себя как слон в посудной лавке. Приказала следить за каждый шагом Елизаветы, а слежку трудно не заметить. Это ещё более углубило пропасть между двоюродными сёстрами.

Историк Евгений Анисимов рассказывает:

«Когда в 1731 году цесаревна поселилась в Петербурге, Миних получил секретный указ императрицы днём и ночью смотреть за Елизаветой, “понеже она по ночам ездит и народ к ней кричит”. В том же году был арестован и сослан в Сибирь Алексей Шубин – фаворит цесаревны, к которому она… сильно привязалась. Разлуку с ним Елизавета переносила тяжело. Из дела Тайной канцелярии 1731 года видно, что императрица Анна, ссылая без всякой видимой причины Шубина и его приятелей, преследовала цель разорвать все связи дочери Петра Великого с гвардейцами, которые не раз проявляли к ней, как писал один из шпионов, “свою горячность”. Эта жестокость императрицы нанесла глубокую рану сердцу Елизаветы. В одной из песен, которую цесаревна сочинила в это время, есть трогательное обращение к быстрым струям ручья, на берегу которого сидит нимфа-певица, чтобы они смыли с её сердца тоску.

Судьба Шубина сложилась несчастливо. Он провёл в Сибири десять лет и был освобождён только в 1742 году. Указ о его освобождении императрица подписала сразу же после манифеста о восшествии на престол, но посланный в Сибирь офицер долго не мог по сибирским тюрьмам найти Шубина – имя его не упоминалось в списках узников, а сам Шубин, узнав о том, что его всюду ищут, молчал. Он, как и другие узники, боялся еще худшей судьбы – история князей Долгоруких, которых императрица Анна извлекла из многолетней сибирской ссылки, приказала пытать, а потом отправила на эшафот, была всем памятна и поучительна. Только случайно посланный офицер

нашёл Шубина и вручил ему милостивый указ Елизаветы. Шубин вернулся в Петербург, был ласково принят при дворе, но сердце его возлюбленной уже было занято другим».

Б. К. фон Миних. Художник Г. Бухгольц

Анну Иоанновну душила зависть. Елизавете Петровне принадлежали дворцы Зимний, Летний и другие владения, богатство. Всё досталось по наследству. Мечтала отобрать всё, да как? Сил на это не хватало. Из ненависти держала двоюродную сестру в нищете. Елизавете приходилось влезать в долги, брать кредиты, а затем просить деньги у Анны Иоанновны для их погашения. Хоть какое-то удовлетворение. Вот деньги просит… Иногда можно и подкинуть, как бы свысока.

Анна Иоанновна вынашивала планы либо сослать Елизавету в монастырь, либо выдать замуж куда-то подальше, в такую страну, из которой бы она не возвратилась никогда. Ну и забрать всё себе. Понимала, что замуж просто так не выдать. Решила сначала сослать в монастырь, чтоб потом была покладистее, когда жених

будет предложен.

Перво-наперво ограничила и без того малое денежное содержание. Установила 30 тысяч в год. Сумма немалая – 15 миллионов по сегодняшним меркам. Но нужно учесть, что речь шла о дочери императора. У неё двор, у неё содержание дворцов и прочие расходы.

В ту пору с должниками расправлялись сурово. Вот наберёт кто-то долгов столько, что отдать не сможет. Суд. Закон суров. Лишали имущества, казнили или отправляли на дыбу, что почти казнь, потому как после дыбы этой не все выживали.

На все жестокости, которые имелись в арсенале, Анна Иоанновна всё же пойти не решилась. А вот ограбить племянницу сумела. И для чего? Да для того, чтобы одеть своего голого любовника Бирона и сделать его соправителем.

Что оставалось Елизавете Петровне? Решила удалиться в своё имение, чтобы самим своим присутствием не раздражать державную тётку. А то ведь она постоянно устраивала балы, на которые охотно собиралась вся столичная знать. А там блистала Елизавета.

Лишь одно приятное событие произошло в тот тяжёлый для Елизаветы Петровны период. В хоровую дворцовую капеллу малого двора прислали голосистого тенора Алексея Розума.

Он заслуживает того, чтобы сказать о нём несколько слов.

«Що то за голова, що то за розум!»

Выражение, вынесенное в название главы, принадлежит малороссийскому казаку Григорию Яковлевичу Розуму, ничем не выделявшемуся среди станичников, бывшему, как и все в округе, безграмотным, да ещё и драчливому, причём нередко распускавшему руки и дома. Бывают же невероятные повороты судьбы – сын этого никчёмного Розума стал графом Российской империи, одним из самых богатых людей, и мало того, вошёл в историю как очень близкий к императрице Елизавете Петровне человек, с которым она, по мнению ряда историков и свидетельствам современников, даже тайно венчалась в Москве, в Перовской церкви.

Но начнём по порядку.

Елизавета Петровна, ещё и не мечтавшая об императорской короне, прозябала под неусыпным оком своей жестокосердной сестрицы, а Григорий Розум растил сына Алексея, если так можно сказать, поскольку сын жил сам по себе.

Алексей был пастухом. Выгонял поутру стадо станичное и на широких приднепровских просторах распевал мелодичные и по большей части печальные малороссийские песни, разве что кроме ныне знаменитого гимна некоего странного злокачественного новообразования: «Ще не вмерла Украина».

Вот уж где раздолье было пробовать голос! Никто не мешал, никто, как думалось, и не слушал. Так ведь услышали, услышали и сообщили дьячку близлежащего села Чемер. Дьячок послушал Алексея Розума, привлёк его к церковным песнопениям и стал обучать грамоте. Узнав о том, отец пришёл в бешенство, сильно побил сына, но тот продолжал в свободное от работы время ходить к дьячку, а быстро выучившись грамоте, стал приносить книги домой и с упоением читать их. Однажды вернувшись домой в сильном подпитии, Григорий Розум застал сына за этим занятием, вырвал книгу, а потом схватил топор и едва не зарубил юношу. Алексей бежал к дьячку и больше дома не появлялся. Вот так начинался жизненный путь будущего графа и морганатического супруга будущей русской императрицы.

О том, что случилось дальше, рассказал Пётр Михайлович Майков:

«В начале 1731 года чрез Чемер проезжал полковник Фёдор Степанович Вишневский, возвращаясь из Венгрии, куда ездил за покупкою вина для императрицы Анны Иоанновны, и, пленившись голосом и наружностью мальчика, уговорил дьячка отпустить с ним в Петербург его воспитанника. Приехав в

Петербург, Вишневский представил мальчика обер-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольде, и он поместил молодого малороссиянина в хор при большом дворе. Алексей Розум недолго оставался в этом хоре…»

О том, что произошло далее, рассказал в своих воспоминаниях французский посланник в России в 1739–1742 годах маркиз де ла Шетарди. Он писал:

«Некая Нарышкина, впоследствии вышедшая замуж, доверенная Елизаветы, была поражена (инцидент относится к 1732 году) фигурой Разумовского, которого она случайно увидела. Это в самом деле красавец, брюнет с окладистой чёрной бородой, черты которого, уже сложившиеся, имеют всю привлекательность, какую только может иметь деликатное лицо. Рост его также бросается в глаза. Он высок, широкоплеч… Хотя в его манере держаться остаётся нечто неуклюжее, результат воспитания и происхождения, однако заботы царевны, направленные на то, чтобы вышколить и – хотя ему уже тридцать два года – научить танцевать всегда в её присутствии, под руководством создавшего здешние балеты француза, могут исправить этот недостаток. Нарышкина не знала, что значит делать различие между желанием и его удовлетворением. Она приняла все меры, и Разумовский не ушёл от неё. Упадок духа, в котором она находилась, возвращаясь домой, возбудил нежные расспросы Елизаветы и её любопытство. Та не скрыла от неё ничего. Немедленно было принято решение привлечь к себе этого нечеловечного мужчину, которому сострадание было чуждо».

Ну а далее, по словам Майкова, «Алексей Розум перешёл ко двору Елизаветы Петровны, где первым лицом в то время был сержант, камер-паж Алексей Никифорович Шубин. Но очень скоро Алексей Григорьевич стал пользоваться особым почётом, был отделён от прочего хора певчих, считался наравне с камердинерами цесаревны и получал равное с ними содержание».

Маркиз де ла Шетарди. Гравюра XVIII в.

Они с Елизаветой были почти ровесниками. Алексей постарше всего на полгода. У современников не вызывало сомнение то, что между ними возникли искренние чувства. Для Елизаветы Петровны Разумовский стал тем маяком в бурном море дворцовой свары, который придавал силы в борьбе за выживание. Именно за выживание. Речь о том, чтобы занять русский престол, долгое время вообще не шла. Уже в 1731 году императрица Анна Иоанновна учредила Канцелярию тайных розыскных дел, поставив во главе графа Андрея Ивановича Ушакова. Всякое инакомыслие жестоко пресекалось. Императрица чувствовала, что народ, с радостью принявший её воцарение, отшатнулся, увидев,

что ничего доброго реформы её не несут. Над страной нависла зловещая тень Бирона. Ушаков принимал личное участие в розыске, жестоких пытках и казнях, и императрица, неравнодушная к жестокостям, требовала ежедневных подробных докладов о действиях сыска.

У Анны Иоанновны детей не было. Но она, несмотря на то что была, даже по тогдашним меркам, молода, тем не менее заботилась о престолонаследии, главным образом потому, что опасалась, как бы трон не достался дочери Петра Первого.

Уже вскоре после восшествия на престол, в 1732 году, она издала специальный указ, согласно которому престол должен наследовать потомок по мужской линии её племянницы Елизаветы Екатерины Христины, дочери родной сестры Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской. Екатерина – та самая сестра, вместо которой вдовствующая царица Прасковья Фёдоровна выдала замуж за хилого иноземца свою нелюбимую дочь Анну. Екатерина вернулась в Россию вместе с дочерью в 1722 году. Её дочь при православном крещении получила имя Анны Леопольдовны. Анна Иоанновна относилась к ней как к родной дочери. Правда, замуж выдала всё-таки за иноземца – герцога брауншвейгского Антона Ульриха. В августе 1740 года Анна Леопольдовна родила сына, которого назвали Иоанном.

Впрочем, умирать Анна Иоанновна не собиралась. Вела прежний весёлый образ жизни, не отказывала себе в роскоши, продолжая связь со всесильным Бироном.

Бирон был постоянно рядом с ней. Вот и 5 октября 1740 года обедал с императрицей. Всё шло как обычно, и вдруг императрица побледнела, попыталась встать и тут же рухнула на пол, потеряв сознание. Иноземные медики признали состояние её тяжёлым. Они диагностировали подагру, которой сопутствовала мочекаменная болезнь.

В стране снова нарастала смена власти. Впрочем, на этот раз всё было сделано как бы по закону. На трон претендовал двухмесячный Иоанн Антонович при регентстве… Вот тут и начались разногласия. На роль регента претендовал Бирон. Его и назначила Анна, хотя и далеко не все высшие сановники России приветствовали такой поворот.

А болезнь развивалась и подтачивала остаток жизненных сил. 16 октября, после очередного припадка, врачи объявили, что часы императрицы сочтены. Она и сама чувствовала это. Были тут же призваны к ней Остерман и Бирон.

Анна Леопольдовна с сыном Иоанном. Неизвестный художник

Императрица подтвердила своим указом, что наследует престол Иоанн Антонович при регентстве Бирона. Этим указом Анна Иоанновна лишила прав на престол и Елизавету Петровну, и сына Анны Петровны – Карла Петра Ульриха, сделав безграничным правителем иноземного конюха с грубыми и жестокими повадками почти на два десятка лет, вплоть до совершеннолетия императора Иоанна VI.

В 9 часов вечера 17 октября 1740 года Анна Иоанновна скончалась на 48-м году жизни.

Впрочем, Бирон прекрасно понимал, что сидит на пороховой бочке. И он иноземец, да и император – седьмая вода на киселе. Кому это понравится?

Нужно было принимать какое-то кардинальное решение. Вот тут и вспомнил, что Елизавета Петровна прозябает в долгах, от

которых спасает лишь её царственное происхождение. Тут же задумал комбинацию. Пригласил во дворец Елизавету и этак милостиво заявил ей, что сочувствует, что сам пришёл в ужас от известий о её долгах.

Тут же вернул все деньги, которые незаконно забрала у неё Анна Иоанновна, и осыпал всевозможными милостями. Но на эту странную перемену в отношении к Елизавете Петровне обратил внимание французский посланник Шетарди.

А Елизавета Петровна радовалась неожиданному спасению от кредиторов и ни о чём не подозревала.

На предупреждение Шетарди о том, что Бирон затеял коварный ход, ответила, что всякие опасения напрасны.

Но замысел Бирона разгадала, не исключено, что тоже с помощью Шетарди, и Анна Леопольдовна. Тут же призвала к себе фельдмаршала Миниха и канцлера Остермана, которые в данной ситуации могли стать её союзникам. Полный захват власти Бироном не оставлял и им никаких надежд.

Бирон спешил. Он понимал, что только брак с Елизаветой с последующим возведением её на престол может окончательно упрочить его власть.

Миних и Остерман упредили его. Бирон был арестован и сослан в Сибирь.

Борьба на этом не только не прекратилась, но обострилась ещё более. Анна Леопольдовна понимала, что регентство, которое досталось ей после падения Бирона, будет непрочным, пока существует Елизавета Петровна, поскольку она является дочерью царя. Усилили опасения и сообщения о том, что у Елизаветы были тайные контакты с Бироном. Значит, и она что-то замышляла.

Елизавета Петровна имела значительно больше прав на престол, чем всё брауншвейгское семейство.

Планы были самые решительные. Анна Леопольдовна стала готовить убийство Елизаветы Петровны или, как запасной вариант, ссылку в монастырь.

Но известно, что посеявший ветер – пожнёт бурю. Она не оставила выбора Елизавете Петровне. Если не взять власть, гибель неизбежна.

Но как взять власть? Ведь сохранить тайну подготовки к перевороту крайне сложно. Уже при первых встречах с соратниками произошла утечка информации. Английская разведка узнала о зреющем заговоре и сообщила о нём Анне Леопольдовне.

Та встретилась с Елизаветой Петровной и показала письмо, в котором и содержалось сообщение о заговоре.

– Я уверяю тебя, Аннушка, что против тебя ничего не имею, – пыталась убедить племянницу Елизавета.

Но та едва ли поверила.

Елизавета Петровна была в тревоге. Она прекрасно понимала, что если начнут следствие, то на дыбе наверняка кто-то из заговорщиков признается и выложит всё. А это для неё верная смерть.

Заговор стали готовить в особой тайне. Елизавета Петровна попыталась привлечь на свою сторону французскую и шведскую партии.

И тут же данные о продолжении действий заговорщиков поступили к Анне Леопольдовне.

Вот что пишет о готовящемся перевороте в своей книге «Елизавета Петровна» Евгений Анисимов:

«В марте 1741 года министр иностранных дел Великобритании лорд Гаррингтон через своего посла в России Эдуарда Финча сообщил русскому правительству, что, согласно донесениям английских дипломатов из Стокгольма, цесаревна Елизавета Петровна вступила в сговор со шведским и французским посланниками в Петербурге – Эриком Нолькеном и маркизом де ла Шетарди – и что заговорщики составляют “большую партию”, готовую взяться за оружие и совершить переворот как раз в тот момент, когда Швеция объявит войну России и вторгнется на её территорию на Карельском перешейке. Далее в меморандуме говорилось, что весь план уже в деталях разработан Елизаветой и иностранными дипломатами и что видную роль в заговоре играет личный хирург цесаревны И. Г. Лесток, который выполняет роль связного между цесаревной и иностранцами, замешанными в антиправительственном заговоре».

Таким образом, возникла большая партия заговорщиков. По словам автора книги, эта партия с оружием в руках готовилась совершить переворот. Странно звучит, не правда ли? Елизавета Петровна, которой как дочери императора принадлежал российский престол, не имела права занять его? Не имела права вернуть, то, что у неё отняли? Разве в соответствии с законом она не считалась цесаревной? Брауншвейгская семейка преступным образом отобрала у неё право. Так почему же ей не попытаться вернуть престол? Да пусть это будет переворот. И союзники, Франция и Швеция, поддержат.

Как уже упоминалось в цитате, Швеция должна была объявить войну России и занять территорию на Карельском перешейке. В меморандуме так и говорилось.

Английская разведка пыталась противодействовать

перевороту. Вся информация передавалась английскому резиденту Финчу, который находился в это время в Петербурге. Он передавал данные министру правительства графу Остерману (правительство малолетнего Иоанна Антоновича). Также Финч сообщил Антону Ульриху о том, что готовится.

Евгений Анисимов в своей книге указал: «Последний отвечал английскому дипломату, что власти действительно располагают некоторыми сведениями о недипломатической деятельности аккредитованных при российском дворе».

Как-то Антон Ульрих разговорился о перевороте с графом Остерманом и английским резидентом Финчем.

– Я подозревал, что посланник Шетарди с шведским посланником Эриком Нолькеном затевает заговор против правительства, – заметил Антон Ульрих.

Остерман подтвердил:

– Да, готовится переворот. Они не думают, какую опасную игру они затевают.

– Среди заговорщиков Иоганн Лесток, – сообщил Антон Ульрих. – Я не раз видел, как он отправлялся к Елизавете Петровне вечером. Может, у них серьёзные отношения?

Можно сделать и такой вывод: Антону Ульриху все это привиделось во сне. От выпитого вина может все что угодно привидеться. Западные европейцы любят нажираться до свинячьего визга. Не было и не могло быть серьёзных отношений между Иоганном Лестоком и Елизаветой Петровной. Для Елизаветы Петровны Иоганн Лесток был не только другом, но и духовным наставником, и лечащим врачом.

Евгений Анисимов отметил: «Конечно, демарш Финча не был актом бескорыстия – Англия не хотела, чтобы в результате прихода к власти Елизаветы, которую поддерживала через своего посланника враждебная Британии Франция, позиции французов в России усилились. Этим и объясняется, как понимает читатель, столь необычный и откровенный меморандум лорда Гаррингтона… Наконец к осени 1741 года о готовящемся путче Елизаветы знали уже многие и в Петербурге, и за границей. Положения мартовского меморандума Гаррингтона находили всё новые и новые подтверждения».

Итак, подготовка переворота продолжалась. Как ни пыталась английская разведка сообщить русскому правительству, что законная русская наследница престола готовит переворот, и как бы ни старались помешать всеми силами, ничего не получалось.

Главное, что гвардия была на стороне наследницы престола, на стороне законной наследницы, которая, в представлении офицеров, была русской. Гвардейцы считали её чуть не своей

кумой. Они с особым почтением относились к будущей императрице, ведь она дочь императора Петра Первого. Елизавета была в добрых отношениях с гвардией, крестила офицерских детей и даже помогала воспитывать их.

В гвардии её называли «наша Афродита».

Летом 1741 года Швеция, как и предупреждал Гаррингтон, объявила войну России. Шведские войска заняли некоторые территории на Карельском полуострове и продолжали наращивать усилия.

В своей книге «Елизавета Петровна» Евгений Анисимов приводит такой факт:

«В октябре 1741 года среди трофеев, доставшихся русской армии, оказались отпечатанные манифесты шведского главнокомандующего генерала К. Э. Левенгаупта к русскому народу, в которых говорилось, что шведы начали войну исключительно из самых благородных целей – они якобы хотят освободить русский народ от засилья “чужеземцев, дабы он мог свободно избрать себе законного государя”».

Как видим, шведы не оставили своих попыток организовать смуту в России. Ну а что касается выборов «законного государя», то, помнится, они уже в 1613 году предпринимали некоторые действия, но тогда номер не прошёл. Их ставленник не прошёл.

В той части, в которой их действия способствовали свержению брауншвейгской семейки, они были даже полезны. Но нужно было держать ухо востро. В период, предшествующий перевороту, в ближайшем окружении Елизаветы Петровны появился князь Иван Юрьевич Трубецкой. Ему уже были знакомы методы работы шведов, ведь в плену его старались завербовать и использовать в нужное время и в нужном месте. Заметив, что Елизавета Петровна прислушивается к шведской трескотне по поводу помощи России в избавлении от иноземцев, он сразу предостерёг от легковерия, пояснив истинные цели политики этаких вот помощников. Трубецкой не зря столько лет провёл в плену. Он хорошо понял, что на Западе, да и в Скандинавских странах, друзей у России не может быть по определению. Возможны лишь временные, ситуативные союзники.

И князь Иван Юрьевич, и его сын Иван Бецкой твёрдо встали на сторону государыни, и им, особенно сыну, предстояло ещё сыграть важную роль в судьбе России.

Между тем Анна Леопольдовна, получая постоянные сигналы о подготовке переворота, медлила. Остерман советовал немедленно арестовать Лестока, утверждая, что именно он стоит во главе заговора. Даже высказал предположение, что Лесток согласовывает свои действия со шведами.

И. Г. Лесток. Художник Г. К. Гроот

Остерман просил не просто взять Лестока, но добиться путём пыток раскрытия планов заговорщиков. Советовал он и жёстко поговорить с Елизаветой Петровной, возможно, даже в присутствии членов правительства. Остерман был уверен, что Елизавета Петровна через Лестока поддерживает связь со шведским командованием. Но Анна Леопольдовна на решительные действия не отважилась. Историк Анисимов указывает: «На ближайшем куртаге-приеме при дворе в понедельник 23 ноября 1741 года, прервав карточную игру, правительница встала из-за стола и пригласила тётушку Елизавету для беседы в соседний покой…»

И снова Елизавета Петровна сумела убедить племянницу, что никаких действий против неё предпринимать не собирается.

«Рискнула собственно собой»

Фраза, которая вынесена в название главы, относится к перевороту 28 июня 1762 года, в результате которого на престол взошла императрица Екатерина Вторая. Полностью цитата звучит так: «Она только рискнула собственно собою, когда мужество её оказалось необходимым для окончательной развязки начатого дела». Так писал о государыне в монографии «История Екатерины Второй» её биограф Александр Брикнер.

Но давайте посмотрим, можно ли эти слова отнести к Елизавете Петровне, ведь ей тоже пришлось вырывать власть у негодяев, «посыпавшихся в Россию как сор из дырявого мешка». Так определил события того времени историк Василий Осипович Ключевский.

Подготовка к перевороту шла полным ходом, но тут, как и позднее, в 1762 году, всё было подготовлено русскими патриотами при участии, и даже порой серьёзном, тех иностранцев, правительствам которых была выгодна смена власти. Елизавете же оставалось действительно возглавить удар против иноземной нечисти.

Хоть Анна Леопольдовна и была внучкой царя Ивана V и Прасковьи Фёдоровны, урождённой Салтыковой, да только отцом её стал иноземец, да и замуж выдали её за иноземца. Увы, не всем удавалось сохранить русский дух в нерусском окружении, или, как в случае с Екатериной Второй, стать более русской, чем многие русские. А ведь великая государыня, возвысившая славу России, была рождена пруссачкой, хотя и от сына русского князя Ивана Юрьевича Трубецкого… От того самого Ивана Ивановича Бецкого, который родился в Швеции, где находился в плену его отец. Об этом подробно рассказано в моих книгах, выпущенных издательством «Вече»: в 2016 году «Орлы Екатерины в любви и сражениях», в серии «Любовные драмы», и в 2019 году – «Екатерина Великая», в серии «Лучшие биографии».

Среди тех, кто окружал Елизавету Петровну и готовил переворот, был и упомянутый выше князь Иван Юрьевич Трубецкой, что обусловило впоследствии многие события, связанные с его сыном Иваном Бецким.

Ну а что касается самого князя Ивана Юрьевича Трубецкого, потомка одного из колен Рюриковичей, то судьба его после возвращения из плена сложилась вполне благоприятно. Не у дел он оставался лишь короткое время в период царствования Екатерины Первой, а при Петре II стал генерал-фельдмаршалом. Отметился он и в событиях, связанных с так называемыми

верховниками. Выступил против кондиций, ограничивающих самодержавную власть. С одной стороны, конечно, сыграло роль то, что его племянница, ставшая супругой графа Салтыкова, оказалась близкой родственницей вступившей на престол Анны Иоанновны, но с другой – дело было и в глубоком понимании сущности русского самодержавия. Князь был достаточно грамотным человеком, недаром стремился дать достойное образование и сыну своему Ивану Бецкому. После восшествия на престол Анны Иоанновны князь был осыпан милостями, награждён орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского, стал членом Военной коллегии, а в мае 1739 года получил назначение на должность московского генерал-губернатора, правда уже в декабре подал прошение об отставке.

В этот период сын, Иван Иванович Бецкой, побывавший в минувшие годы за границей и на учёбе, и на дипломатической службе, находился при нём. Судьба же его замечательна.

Отец отдал его в Копенгагенский кадетский корпус, чтобы затем возвратить в Россию. То ли после окончания кадетского корпуса, то ли во время чего-то наподобие стажировки, Бецкой на учениях упал с лошади, был сильно изранен прошедшим над ним эскадроном. Идущей в строю лошади, которая никогда не наступит на лежащего на земле человека, очень трудно соразмерить свою поступь, вот Бецкой и пострадал. Так и остался невыясненным вопрос, случайность ли это или преднамеренный акт, совершённый теми, кто пытался заставить отца его, князя Ивана Бецкого, служить тайным силам. Вспомним вербовку в плену.

После травмы Бецкой отправился в путешествие, намереваясь затем вернуться в Россию.

Пётр Майков, ссылаясь на других авторов, указывал, что «привязанность Бецкого к отцу удерживала его при нём; он не захотел с ним разлучаться, приехал в Россию и записался в Коллегию иностранных дел, чтобы жить дома и продолжать заниматься своим окончательным образованием».

В России Бецкой был записан, по обычаям того времени, в военную службу, правда, записан поздновато. Ведь исчисление выслуги у дворянских детей начиналось порой едва ли не с рождения. Широко известно, сколь сдерживало служебный рост Александра Васильевича Суворова то, что отец долго не считал возможным направить его на стезю военную, полагая, что он для того слаб здоровьем. Суворов благодаря своим удивительным подвигам сумел догнать, а затем и перегнать записанных ранее него. Но Бецкой был направлен отцом на дипломатическое поприще.

Несмотря на то что он состоял при отце, по словам Петра Майкова, «канцлер Остерман обращал особенное внимание на способности Бецкого и неоднократно посылал его курьером к иностранным дворам. Его познания, ловкость, деятельность много способствовали его повышению, чему также сильно содействовало и покровительство Анастасии Гессен-Гамбургской», его родной сестры по отцу.

Затем Бецкой попал в Париж, «где, по близким отношениям И. Ю. Трубецкого к В. Л. Долгорукому, и мог быть определён последним при посольстве, в качестве секретаря».

А в Париже, вполне естественно, не только служба занимала его. В знаменитом словаре Брокгауза и Эфрона о Бецком сообщается:

«Выйдя в отставку, он путешествовал по Европе и, между прочим, в Париже был представлен герцогине Ангальт-Цербстской – Иоганне Елизавете (будущей матери будущей императрицы Екатерины II), которая и в то время, и впоследствии относилась к нему очень милостиво…»

Точнее не скажешь. Издание-то особого рода, энциклопедическое, выражения в нём точны. Лишнего не говорится. Да и не всегда обязательно писать напрямую. Думайте сами… В данном случае не важно, что делал Бецкой в Париже, важно, какие отношения были у него с Иоганной Елизаветой.

Мы не будем спешить с выводами и делать заключения, а лучше попробуем разобраться с теми фактами, которые ни у кого не вызывали сомнений.

Получив новое назначение состоять при отце, Иван Иванович Бецкой через некоторое время выехал в Россию, простившись с Парижем. И почти одновременно с ним столицу Франции покинула и Иоганна Елизавета. Она спешно отправилась к себе на родину, поскольку, как выяснилось впоследствии, к тому были веские причины.

Бецкой вернулся в Россию «с депешами по секретным делам». Служил при отце, генерал-фельдмаршале, в чине генеральс-адъютанта. Тут нужно уточнить. На слуху у нас чин генерал-адъютанта. В чём же разница? Да в том, что у государей в ту пору были генерал-адъютанты, а у крупных генералов – генеральс-адъютанты. Так именовалась, говоря языком нынешним, должность, а звание… Воинское звание, к примеру, у Ивана Ивановича Бецкого при назначении было – майор, а вскоре он стал подполковником.

Ну а что касается парижских приключений, то на них обратили внимание не только авторы упомянутого выше словаря. Знаменитый журналист-историограф Н. И. Греч, по словам

современников, «весьма компетентный вследствие своего тесного взаимодействия с III Отделением Его Императорского Величества канцелярии, где ему были открыты многие документы» (это уже при Николае Первом), писал:

«Немецкая принцесса происходила от русской крови. Принц Ангальт-Цербстский был комендантом в Штеттине и жил с женой в разладе. Она проводила большую часть времени за границею, в забавах и развлечениях всякого рода. Во время пребывания в Париже, в 1728 г., сделался ей известным молодой человек, бывший при прусском посольстве, Иван Иванович Бецкой, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собой, умный, образованный. Вскоре, по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессою Софиею Августою, в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгинею Ангальт-Цербстской была всем известна».

Долгое время этой темы никто не касался ни в литературе, ни в кино. А вот не так давно Борис Алмазов в статье «Екатерина Великая – русская?» об Иоганне Елизавете сообщил следующее:

«Её положение и жизнь были весьма незавидны. Собственно, если можно так выразиться, она принадлежала ко второсортной аристократии. Владение её супруга герцога Христиана Августа Ангальт-Цербст-Беренбургского, расположенное на клочке земли, некогда заселённой лужицкими славянами, нищенствовало. Иоганна Елизавета, происходившая из другого тоже обедневшего немецкого княжеского дома Голштейн-Готторпского (тоже нищего), всегда остро чувствовала свою бедность и своё положение приживалки при европейских дворах. В двусмысленном положении находился и Бецкой, который, однако, в отличие от герцогини, в средствах стеснён не был. Иван Иванович был пригож, статен, блестяще образован, свободно говорил на нескольких европейских языках. Ощущая себя, безусловно, русским, он по воспитанию был совершенный европеец, да и в России к этому времени почти не жил. Но как это свойственно эмигрантам, вообще людям, долго живущим вне Родины, он был горячим патриотом, видя Россию в некотором ореоле собственных мечтаний. Русский без России, незаконнорождённый княжеский сын и безвестная немецкая аристократка, понимавшая свою роль марионетки в большой политике. Не исключено, что “встретились два одиночества…”»

Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская. Художник А. Р. де Гаск

Борис Алмазов сделал и ещё одно удивительное заявление…

«В начале 1729 года Ивана Бецкого срочно отзывают в Россию из Парижа, а 4 марта 1729 года у Иоганны Елизаветы родилась девочка, получившая при крещении имя Софья Фредерика Августа».

Удивительно заявление из-за указанной даты – 4 марта 1729 года!

Почему 4 марта? Ведь всем известно, что София Фредерика Ангальт-Цербстская – будущая императрица Екатерина Великая – родилась не 4 марта, а 21 апреля того же, 1729 года.

Интересная мысль высказана в журнале «Чудеса и приключения»:

«“Золотой век” императрицы Екатерины II таит в себе множество тайн и загадок… Однако, пожалуй, главное – это тайна происхождения самой “Северной Семирамиды”… при каких обстоятельствах появилась на свет София Фредерика Августа,

принцесса Ангальт-Цербстская, ставшая впоследствии российской императрицей. “Как при каких?” – спросит читатель, знающий из курса истории, что Екатерина II родилась 21 апреля 1729 года в семье наследного принца Ангальт-Цербстского герцогства Христиана Августа и его супруги Иоганны Елизаветы. Да, всё так, только малость не так!.. Когда София Фредерика Августа стала российской великой княгиней, немецкие историки перерыли все штеттинские архивы в поисках материалов о жизни её родителей в этом городе и не нашли ничего, даже метрических записей о рождении Ангальт-Цербстской принцессы. При немецком “орднунге” (порядке) такого не может быть, потому что не может быть никогда! Однако все материалы просто-напросто исчезли. Единственной причиной этого исчезновения историки посчитали тайну рождения принцессы и были правы…»

С какой целью изымаются те или иные документы, касающиеся времени рождения младенцев рода не простого? Ответ ясен: скрыть истинную дату рождения. К примеру, дата рождения нашего знаменитого путешественника и, что менее известно, блистательного военного разведчика генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского была изменена указом самого императора Николая Первого. В документах был поставлен вместо 1838-го 1839 год рождения. Это было необходимо для того, чтобы увести день рождения подальше от даты встречи цесаревича Александра Николаевича со смоленской красавицей Еленой Алексеевной Каретниковой, будущей матерью Пржевальского. А встреча эта произошла в Смоленске как раз за девять месяцев до рождения Николая Михайловича.

Интересно также, что к книге, хранящейся в церкви села Лабково, где была первичная запись по поводу рождения Пржевальского, доступ был ограничен специальным распоряжением. Книгу нельзя было взять, чтобы ознакомиться с записями. Музейные работники свидетельствуют, что подлинник этой метрической книги никогда, нигде и никому публично не был представлен. В Музее Пржевальского в Смоленской области была лишь рисованная копия листа метрической книги с упомянутой записью о рождении. Но она, вполне понятно, не может служить документальным свидетельством, так как в ней не указан год заполнения, не читается месяц рождения и не понятно, какое поставлено число рождения. Подобные ограничения просто так не делаются. Следы запутывались умышленно.

Следует ещё добавить, что сам Николай Михайлович Пржевальский в письмах матери, когда это приходилось к слову, указывал годом своего рождения именно 1838-й, а не 1939-й.

Были, видимо, причины скрывать истинную дату рождения

дочери Иоганны Елизаветы. Проскочила даже информация, что будущая императрица родилась семимесячной. Словом, что-то было не то – поздновато, видно, вернулась к мужу Иоганна Елизавета после своего парижского романа с Иваном Бецким, и необходимо было как-то завуалировать то, что родила она дочку значительно раньше срока.

Дочка родилась в 1729 году. Знал о том Иван Бецкой или не знал, история умалчивает. Ответ на этот вопрос, возможно, даст одно решение Елизаветы Петровны, но примет она его позднее.

Тут нужно напомнить, что с Иоганной Елизаветой знакома была Елизавета Петровна с тех самых предсвадебных дней, когда собиралась замуж за её брата Карла Любского. А после смерти жениха переписывалась с ней.

Итак, готовился переворот, во время которого ей предстояло рискнуть собственно собою.

Риск, конечно, был. Власть то находилась в руках брауншвейгского семейства, хотя и на стороне Елизаветы Петровны собрались достаточно внушительные силы. Воронцов, братья Шуваловы, Трубецкие – отец и сын, лейб-медик Лесток… Финансировали переворот французский посол и уже знакомый нам по предыдущим страницам Шетарди.

Елизавета Петровна загодя начала сближение с гвардией, недовольной тем, что на престоле, как заметил историк, «одни немцы сменили других». Она крестила детей гвардейцев, дарила подарки, участвовала в празднествах. Чем дальше уходили времена её отца, тем меньше помнилось что-то ужасное, а вот легенды о величии и благодеяниях императора множились. Вряд ли кто-то из гвардейцев времён переворота знал об изуверской казни стрельцов, вряд ли слышал о «Нарвском позоре», о позоре в Прибалтике и на реке Прут. Зато Полтавская победа превозносилась на все лады.

Что уж тут говорить? Гвардейцы хотели видеть на русском престоле именно свою матушку-благодетельницу, полагая, что уж при ней-то жизнь будет совсем иной.

Наконец решение было принято. Выступление было назначено в ночь на 25 ноября 1741 года.

Карета примчалась к казарме лейб-гвардии Преображенского полка. Часовые с почтением растворили ворота, пропуская Елизавету Петровну, которую каждый знал в лицо.

О том, как всё произошло, гласит легенда…

В 23:00 Елизавета Петровна вошла в Преображенский полк со словами:

– Вы, знаете кто я?

– Конечно, знаем, – хором ответили солдаты.

– Вы за меня готовы умереть?

– Да, матушка, готовы хоть в огонь и в воду.

Елизавета Петровна встала на колени и, поцеловав крест православный, произнесла следующие слова:

– И я готова за вас умереть.

Императрица лично повела гвардейцев во дворец. Охрана его сдалась без боя. Там тоже была проведена работа. Охраняли-то немцев русские! Напрасно думают враги России, что в случае, если поднимется народ за Святую Русь, кто-то спасёт инородцев и предателей, служащих инородцам. Такого не бывало.

Когда Елизавета Петровна, выходя из кареты перед дворцом, оступилась, гвардейцы подняли её на руки и, образно говоря, понесли на престол.

Тут же были арестованы Анна Леопольдовна и Антон Ульрих. Они были в отчаянии. Дрожавшего как осиновый лист Антона Ульриха грубо затолкали в карету, предназначенную для перевозки преступников. Анна Леопольдовна не могла сама идти, и её пришлось тащить на руках, но уже совсем не с тем почётом, с которым несли Елизавету Петровну. А вот перед опочивальней младенца Иоанна Антоновича Елизавета Петровна остановила гвардейцев со словами:

– Тихо, не нужно будить малое дитя безвинное.

Пришлось некоторое время ждать, пока ребёнок проснётся сам. Елизавета Петровна взяла его на руки и вынесла из дворца, где и передала тем, кто теперь должен был с ним заниматься вследствие ареста родителей.

По преданию, она сказала:

– Бедное дитя. Ты ни в чём не повинно. Но родители твои виновны и обеспечили тебе тяжкую судьбу.

В считаные минуты полк был на ногах и построился перед казармой. Вскоре подошли лейб-гвардии Преображенский, Семёновский и Измайловский. И тут же присягнули императрице Елизавете Петровне.

Так в считаные часы свершился самый бескровный дворцовый переворот в истории России.

Преображенцы провозглашают императрицей Елизавету Петровну. Художник Е. Е. Лансере

Генерал-прокурор Сената князь Яков Петрович Шаховской впоследствии рассказал в мемуарах:

«Вы, благосклонный читатель, можете вообразить, в каком смятении дух мой находился! Нимало о таких предприятиях не только сведения, но ниже видов не имея, я сперва подумал, не сошёл ли экзекутор с ума, что так меня встревожил и вмиг удалился, но вскоре увидел я многих по улице мимо окон моих бегущих необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал… Не было мне надобности размышлять, в который дворец ехать».

Елизавета Петровна повелела сжечь все документы, которые подписаны на имя Иоанна Шестого. Паспорта, документы, которые принадлежали Антону Ульриху и Анне.

Члены брауншвейгской семейки и их родственники были объявлены вне закона и первоначально отправлены в Рижский замок. А затем началась череда ссылок, хотя условия были не столь жестокими, о чём говорит рождение у Антона Ульриха и Анны Леопольдовны после Иоанна Антоновича ещё четверых детей: Екатерина (1741–1807), Елизавета (1743–1782), Пётр (1745–1798), Алексей (1746–1787).

И лишь судьба старшего сына, Иоанна Антоновича, объявленного императором Иваном VI, оказалась трагичной.

Коронация

С коронацией Елизавета Петровна затягивать не стала. Торжественный обряд был назначен на 25 апреля 1742 года.

Коронацию, по сути, ввёл на Русской земле царь Иван Васильевич Грозный. 13 декабря 1546 года юный государь объявил митрополиту Макарию, своему наставнику, своему воспитателю, фактически заменившему ему отца:

– Хочу и я на царство венчаться, чтобы обрядом этим утвердить право своё на владение землёй, Богом мне заповеданной, и народом, руцей Божией в управление вручённым, так как пращуры мои по линии бабки моей, Софии Палеолог, что была племянницей последнего императора Византии Константина Одиннадцатого, да и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах венчались на царство…

Дело в том, что после Владимира Мономаха об обряде этом забыли, а он был особенно важен. После коронации Ивана IV стали называть не великим князем, а царём! Царь – производное от «цезарь». И даже после того, как в 1721 году Пётр Первый стал именоваться императором, термин «царь» остался в употреблении.

Коронация же проводилась в Москве, в Успенском соборе Московского Кремля, даже после переноса столицы в Петербург.

Писатель и драматург Н. Э. Гейнце (1852–1913) писал: «В Успенском соборе Новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич) встретил императрицу Елизавету Петровну глубоко прочувствованной патриотической речью, в которой оратор картинно описывал прежнее жестокое могущество немцев в нашем отечестве и открытие вместе с Елизаветой новой, чисто русской национальной эры в России».

Далее Гейнце рассказал:

«После посещения соборов Архангельского и Благовещенского императрица опять села в парадную карету и тем же порядком отправилась к зимнему своему дому, что на Яузе. Когда она подъехала к триумфальным синодальным воротам, то ее здесь встретили сорок воспитанников Славяно-греко-латинской академии. Они были одеты в белые платья, с венцами на головах и с лавровыми ветвями в руках, и пропели императрице кантату, восхвалявшую ее и наступившее с нею благодатное время для России».

25 апреля 1742 года в торжественной обстановке архиепископ Велико-Новгородский и Великолуцкий (Юшкевич) вручил императрице Елизавете Петровне державу (золотой шар с

короной, символизирующий царскую власть на земле) и скипетр – специально изготовленный царский посох. С таким посохом в руках венчался на царство Иван IV Васильевич. Одним из синонимов слова «царь» стало слово «скипетродержатель». Во время посольских приёмов и различных торжественных мероприятий московские цари брали скипетр в правую руку, а во время «больших выходов» скипетр обычно несли перед царем «особые стряпчие».

Коронация началась с вручения императрице печати и меча, после чего было совершено таинство миропомазания.

Елизавета Петровна внесла некоторые изменения в традиции. К примеру, церемониальное коронационное платье заметно отличалось от тех, в которых короновались её мать, Екатерина I, и тётка Анна Иоанновна. Отличие было в том, что юбка у платья была сшита в стиле рококо и отличалась, по свидетельству современников, «декоративностью, хрупкостью, утончённостью, чувственностью и некоторой манерностью». Это было «украшение в форме раковины».

Елизавета Петровна выглядела великолепно. Она была красива от природы, а одетая в царский наряд, смотрелась величественно.

После миропомазания «императрица взошла на алтарь, где и произошло причастие».

Ритуал коронации начинался с прочтения Символа веры.

Архиепископ Амвросий вопросил:

– Веруешь ли?

В ответ императрица проговорила Символ веры.

После этого на неё были возложены регалии, мантия, цепь ордена Андрея Первозванного и корона, которую она сама водрузила себе на голову.

Н. Гейнце указал: «Первенствующий архиерей подносил ей то или другое на подушках, что, собственно, и составляет отличие коронования императрицы Елизаветы от предшествующей коронации. Императрица Елизавета венчалась короной императрицы Анны… После совершения коронования, перед началом литургии, архиепископ Амвросий приветствовал новокоронованную государыню длинной речью. После миропомазания императрица была введена архиереями во святой алтарь и причастилась Святых Тайн от первенствующего архиерея по чину царскому. Во время шествия императрицы из Успенского собора в Архангельский сопровождавший её канцлер, по примеру предшествовавших коронаций, бросал по обе стороны пути золотые и серебряные жетоны. В то же самое время отправлено было несколько чиновников верхом на богато убранных лошадях,

для того чтобы бросать в народ жетоны. Высокопоставленным лицам, собравшимся в Грановитой палате, императрица раздавала выбитые по случаю её коронации медали сама из своих рук; другим, менее знатным, раздавал канцлер. Тут же был объявлен длинный список высочайших наград по случаю коронации. Перед торжественным обедом в Грановитой палате, и особенно после него, императрица несколько раз подходила к окнам палаты и сама бросала в народ золотые и серебряные жетоны».

Елизавета Петровна любила Москву. Вот и после коронации задержалась в древней столице на некоторое время. Здесь она прежде всего подписала указ об освобождении тысяч русских людей, которых загнала в неволю её жестокосердная сестрица вместе со своим конюхом Бироном. Здесь издала и другие указы, отменяющие русофобские злоумышления предшественников.

Постепенно возвращала и в культуре всё то, что утратилось во времена Бироновщины. Стала создавать условия для работы учёным. Вспомним М. Ломоносова, в честь которого назван университет. При Елизавете Петровне открывались новые учебные заведения. Ломоносов делал научные открытия в физике и химии, философии. Поддерживала она и помогала финансово навигацкой морской школе, где учились гардемарины.

Посещение императрицей Елизаветой Петровной мастерской М. В. Ломоносова. Художник А. В. Маковский

Русская императрица взяла власть в свои руки и, насколько это было в ту пору возможно, избавила страну от иноземщины. Но самое главное, она возвратила права русской православной церкви. Она была православной женщиной, соблюдала русские традиции.

Валишевский писал:

«Она охотно уезжала с бала к заутрене. Бросала охоту для богомолья; но во время этих богомолий говенье не мешало ей предаваться мирским и весьма суетным развлечениям. Она умела превращать эти благочестивые путешествия в увеселительные поездки. Совершая путешествия пешком, она употребляла недели, а иногда и месяцы на то, чтобы пройти шестьдесят вёрст, отделяющие знаменитую обитель от Москвы. Случалось, что, утомившись, она не могла дойти пешком за три-четыре версты до остановки, где приказывала строить дома и где отдыхала по нескольку дней. Она доезжала тогда до дома в экипаже, но на следующий день карета отвозила ее к тому месту, где она прервала своё пешее хождение. В 1748 году богомолье заняло всё лето».

Впрочем, всё это было позднее, а в тот первый приезд в Москву уже в качестве императрицы у Елизаветы Петровны спокойной жизни не получилось.

Первая попытка покушения

Елизавета Петровна мечтала после коронации пожить в древней столице, окунуться в хитросплетения московских улиц, послушать сорок сороков. Она любила Москву, любила московский народ, более русский, нежели народ петербургский.

Но однажды, когда собиралась на прогулку по городу, вошёл взволнованный и обеспокоенный придворный лейб-медик Иоганн Лесток.

– Ваше величество! Вам нельзя покидать дворец! Поступили сведения о том, что на вас готовится покушение.

Это казалось невероятным. Возможно, не прошла ещё эйфория, вызванная столь удачным свержением брауншвейгской банды и завоеванием престола, прошедшего бескровно. Она уверилась в том, что любима народом, а потом, не может быть в народе таковых, кто желал бы её смерти.

Но… Слишком глубоко дали корни тёмные силы зла за годы странных царствований Екатерины Первой и Петра Второго и явно русофобского правления Анны Иоанновны.

Не хотелось верить Лестоку, но она не могла не верить ему, поскольку он был организатором дворцового переворота, в результате которого она взошла на престол, а потому связал с ней волей или неволей и жизнь свою, и судьбу. Она понимала, что Лесток действовал не только в её интересах, но и в интересах Франции. Но в данный момент эти интересы совпали, и он преданно служил ей – тут нужно сразу уточнить, что именно ей, а не России. Да и не было и не могло быть вообще при дворе иноземцев, которые бы не служили различным партиям – немецкой, английской, французской и прочим.

И всё-таки обидно было сознавать, что есть в России подданные, которые желают её погибели. А в данном случае её погибель могла стать погибелью России.

– Так ли это? – спросила императрица. – Возможно ли покушение? Кому же не угодила я?

Лесток ответил твёрдо:

– Имена заговорщиков установлены. Это камер-лакей Александр Турчинов, прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Петр Ивашкин и сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов.

Было понятно, что это лишь исполнители. Не могли быть ничего не значащие субъекты организаторами заговора. Но Лесток пока не смог назвать никого более.

– Но какова же цель? И каким образом хотят осуществить её?

– Ваше императорское величество! Планируется захватить вас во время одной из поездок по Москве и сразу убить, чтобы вернуть на престол Иоанна Антоновича. А затем убить наследника престола великого князя Петра Фёдоровича!

Тут нужно вернуться на полгода назад, чтобы сказать несколько слов об этом самом наследнике. Елизавета Петровна ещё до восшествия на престол знала, что её племянника, являвшегося наследником одновременно и русского и шведского престолов, шведы хотели забрать к себе, чтобы во время войны, которую они начали против России в июле 1741 года, использовать для давления на русское правительство. Были планы свергнуть правительство Анны Леопольдовны не только у Елизаветы Петровны. Правда, вынашивали их враги России в собственных интересах.

Едва заняв престол русских царей, Елизавета Петровна уже в декабре 1741 года направила в Киль майора фон Корфа, мужа своей двоюродной сестры графини Марии Карловны Скавронской, с заданием привести Карла Петра Ульриха в Петербург. Задание было тайным. Карла Петра Ульриха везли по именем графа Дюкера, причём в сопровождение были назначены наиболее преданные офицеры.

И вот наследник престола в России.

Елизавета Петровна встретила сына своей любимой сестры, словно своего родного сына, и готова была подарить ему все нерастраченные материнские чувства. Быть может, потому не сразу и разглядела, каков он, её драгоценный племянник. А теперь вот надо было спасать от заговорщиков и себя, и его, а потом уж разбираться, что там выросло в земле чужестранной.

Пётр Фёдорович в бытность Великим князем. Художник Г. Х. Гроот

Положение было очень серьёзным. Вряд ли Лесток смог установить все нити заговора. О беспокойстве за жизнь государыни свидетельствует и то, что 15 июля 1742 года ректор Московской духовной академии Кирилл Флоринский выступил с проповедью в защиту императрицы и её дома и «в осуждение врагов».

Были приняты беспрецедентные меры. Императрице настоятельно рекомендовали не покидать дворца, пока не будут обезврежены заговорщики. Для нападения на дворец у них сил не было, а потому и решили устроить засаду во время следования государыни по городу.

Названных Лестоком заговорщиков взяли. Иоганн сам вызвался пытать их. А ведь императрица Елизавета Петровна в первые дни своего царствования решительно выступила против пыток и жестокостей. Она старалась ограничиваться наказанием кнутом и ссылкой преступников.

Ну что ж, раз необходима дыба – значит, дыба. Скрепя сердце государыня согласилась на весь комплекс пыток, введённый в России Петром Первым. Убедил жестокий Лесток в необходимости такого дознания.

Заговорщики отпирались недолго. Дыба сделала своё дело. Признались они в злоумышлениях, а на вопрос, почему они решились на преступление против государыни, пояснили, что и сама императрица Елизавета Петровна не имеет права на престол, поскольку рождена вне брака, да и великий князь является сыном незаконнорождённой её сестры Анны Петровны.

Потому и решили возвести на престол Иоанна Антоновича, полагая его, несмотря на все перипетии его родословной, законным императором, ведь его мать, царевна Екатерина Ивановна (1691–1733), была законной дочерью царя Ивана V Алексеевича. Она приходилась старшей сестрой императрице Анне Иоанновне, племяннице императора Петра I.

Правда, она хоть и родилась в Москве и была крещена в Чудовом монастыре, да только рано покинула Россию, выйдя замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда. Да и её дочь Елизавета Катарина Кристина (1718–1746), ставшая в православном крещении Анной Леопольдовной, вышла замуж за иноземца, герцога Антона Ульриха Брауншвейгского, России до приезда по вызову Анны Иоанновны не знала, а потому вряд ли бы принесла хотя бы малую пользу и так уже измученной иноземцами стране.

Екатерина Иоанновна. Неизвестный художник

Почему же заговорщики сделали выбор в пользу этой иноземной шайки? Скорее всего, их направляли тёмные силы Запада, которых не устраивала политика Елизаветы Петровны, не устраивало то, что окружили её французские подданные. Но ещё более волновало то, что в окружении Елизаветы Петровны оказались русские патриоты, а она сделала резкий поворот к русскому миру.

Сыск, который проводил Лесток, не углублялся слишком в обстоятельства заговора, возможно потому, что самому Лестоку вскрывать подлость и низость иноземцев было невыгодно. Его устраивало то, что устранялась опасность свержения императрицы, поскольку это свержение ударило бы прежде всего по нему как организатору свержения Иоанна Антоновича и возведения на престол Елизаветы Петровны.

«Лучше вступить в брак, нежели разжигаться»

Лучшим государям и государыням России нередко приходилось сталкиваться с одним из самых суровых испытаний из всех, что выпадает человеку, – с одиночеством. Одиночество довелось испытать после смерти своей любимой жены Анастасии Ивану Грозному, бремя одиночества душило в отдельные периоды жизни и Екатерину Великую, съедало оно и императора Павла Первого… Досталось и Елизавете Петровне, когда она потеряла последовательно и отца, и мать, и старшую сестру, и племянника… К испытаниям одиночеством добавились и испытания травлей во времена бироновщины, и лишь встретив и забрав в свою полную власть малороссийского певца Алексея Розума, ставшего Разумовским, она смогла избавиться от этого чувства.

Алексей Разумовский сделался по-настоящему близким человеком. В подготовке переворота он не участвовал, поскольку занимал в ту пору незначительное положение при дворе, хотя и значительное в сердце Елизаветы. Но после переворота императрица уже не таила от общества свои к нему чувства. Она, казалось, даже наслаждалась тем, как воспринимают это многочисленные завистники, которые, как понимала, лишь демонстрируют свою преданность ей.

Сразу после переворота состоялся указ о производстве Алексея Григорьевича в генерал-поручики и о пожаловании ему чина действительного камергера. В день своей коронации императрица и вовсе осыпала его невероятными милостями, сделав кавалером ордена Андрея Первозванного, обер-егермейстером, подполковником лейб-гвардии Конного полка, капитан-поручиком Лейб-кампании. Кроме того, пожаловала большие землевладения с тысячами крепостных. В частности, достались ему и владения Миниха, поддержавшего брауншвейгское семейство и отправленного после переворота в ссылку.

Общество внимательно наблюдало за отношениями императрицы и взлетевшего к вершинам власти вчерашнего певца. Судачили о том, что будет и как, послы зарубежных стран.

Стремительное возвышение вчерашнего певчего не могло не наводить на мысли о его особой роли в судьбе Елизаветы. Императрица по обстоятельствам государственного свойства не могла стать официальной супругой Алексея Разумовского. Да и

нужды в том для продолжения уже существующих отношений в общем-то не было. При любом повороте дела Разумовский не мог стать отцом наследника престола, а к власти, по своему характеру, не стремился.

Нужда была иная. Православная императрица понимала, что отношения её греховны, и, вполне возможно, стремилась узаконить их перед Богом, тем более что неизмеримо важнее это сделать именно перед Богом, а не перед людьми. Верующим ведомо, что в 1-м Послании к коринфянам есть такие строки: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Елизавета Петровна была нелицемерно верующей, и потому нет ничего невероятного в преданиях о её духовном браке. К примеру, Е. Анисимов в книге «Россия в середине XVIII века» тоже указывает на то, что «Алексея Григорьевича Разумовского традиционно принято считать тайным мужем императрицы, обвенчанным с нею в подмосковном селе Перово в 1742 году».

В 1747 году секретарь саксонского посольства Пецольд докладывал своему правительству: «Все уже давно предполагали, а я теперь знаю достоверно, что императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-егермейстером».

Интересные мысли о политике императрицы Елизаветы Петровны высказал автор книги «Рождение новой России» В. В. Мавродин:

«Вступление на престол Елизаветы, умело ускользнувшей в период подготовки дворцового переворота от пут французской и шведской дипломатии, и первые шаги обескуражили иностранных дипломатов».

Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны гр. А. Г. Разумовским в 1745 г. Художник Л. О. Пастернак

«Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим, – писал о Елизавете Петровне Лафермлер. – По-видимому, она исключительно, почти до фанатизма любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение».

После венчания в Перовской церкви императрица уже совершенно открыто поселила Разумовского во дворце, в комнатах, смежных с её покоями. С тех пор они всегда завтракали вместе, причём поварам даны были указания внести в меню блюда малороссийской пищи. Особенно любил Разумовский наваристые борщи, которые стали подавать и на официальных обедах. Причём Разумовский на таковых сидел обычно рядом с государыней.

Несмотря на свой взлёт, Разумовский вёл себя очень скромно. Валишевский отметил к книге «Дочь Петра Великого»:

«Он был нрава насмешливого, хотя и без тени злобы, и обладал собственными очень широкими философскими воззрениями, полными снисходительной и иронической беспечности. Не любя игру и относясь равнодушно к выигрышу, среди богатства, которым он был засыпан, он держал банк, чтобы доставить удовольствие своим гостям, и позволял грабить себя без стеснения, причём гости мошенничали, играя в карты, либо просто набивали карманы золотом, валявшимся на столах…

Алексей Григорьевич был бы образцовым фаворитом, не будь у него пристрастия к вину. Он предавался этой страсти обыкновенно на охоте, и тогда, забывая свою доброту, шёл по следам отца. Когда, получив приглашение на охоту, граф Петр Шувалов не мог отказаться от участия в ней, то жена его ставила свечи в его отсутствие и по возвращении его служила молебен, если праздник обходился без палочной расправы. Салтыков, будущий победитель Фридриха II, был бит Разумовским и создал себе незаслуженную славу труса за то, что ему не отомстил. Но как ему было мстить? Фаворит неуязвим».

Заговор Лопухиных

Не успели разделаться с одним заговором, как снова тревога. Снова доклад Лестока.

– Получил я данные, что Наталья Лопухина злоумышляет, – сообщил он. – Так что пока не изловим их, не стоит дворец покидать.

Быстро взяли сына Степана Лопухина Ивана. И сразу на дыбу. Там он признался, что заговор действительно существует. И что причастна к нему его мать.

А что же отец? Что же Степан Лопухин? Иван Лопухин сразу заявил, что отец как будто и не в курсе.

Иоганн Лесток доложил императрице о том, что удалось выяснить.

Взяли Наталью Лопухину.

С Лопухиной у государыни давно были натянутые отношения. Валишевский писал:

«Однажды Лопухина, славившаяся своею красотой и потому возбуждавшая ревность государыни, вздумала, по легкомыслию ли или в виде бравады, явиться с розой в волосах, тогда как государыня имела такую же розу в причёске. В разгаре бала Елизавета заставила виновную стать на колени, велела подать ножницы, срезала преступную розу вместе с прядью волос, к которой она была прикреплена, и, закатив виновнице две добрые пощёчины, продолжала танцевать. Когда ей сказали, что несчастная Лопухина лишилась чувств, она пожала плечами: “Ништо ей, дуре!”

Так ли было на самом деле, или Валишевский приврал по-звероподьски, как делал то не раз в своих книгах, но дыма без огня не бывает. И другие историки, а главное современники, свидетельствовали о натянутых отношениях императрицы с этой её приближённой.

Арестовали всю семью по делу о «заговоре Ботта – Лопухиных». Были наказаны и подруги Натальи Фёдоровны Лопухиной – графиня Анна Бестужева и баронесса София Лилиенфельд (Одоевская). И снова пахнуло временем «великого преобразователя». По первоначальному приговору их решено было колесовать и вырвать у них языки. Императрица смягчила приговор, повелев виновниц бить кнутом, конфисковать имущество и выслать в Сибирь. Но, увы, вырывание языков не отменила. Наказаны были и многие другие даже косвенные участники заговора.

Впрочем, хоть фамилия Лопухиных русская, но не русским

был заговор. За кулисами, как всегда, стоял Запад, ну а использован был действительно сильно обиженный род Лопухиных, правда обиженный вовсе не Елизаветой Петровной, а её отцом, Петром Первым.

Жестокость царя по отношению к своей жене Евдокии Лопухиной и ко всей её семье беспрецедентна.

Писатель Лев Бердников в книге «Дерзкая империя. Нравы, одежда и быт Петровской эпохи» пишет:

«Непросто сложились отношения с Петром I и у мужа Натальи, Степана Васильевича Лопухина, приходившегося кузеном первой (и постылой) жене Петра – Евдокии Федоровне Лопухиной, заточённой царём в монастырь под “крепкий караул”. Это Пётр, вопреки декларируемому им указу не принуждать молодых к женитьбе, буквально настоял на браке Натальи со Степаном, хотя те открыто признавали, что не испытывают друг к другу ни малейшего влечения. “Пётр, – говорил впоследствии Степан Лопухин, – принудил нас вступить в брак; я знал, что она ненавидит меня, и был к ней совершенно равнодушен, несмотря на её красоту”».

Лопухины – род непокорный. Лопухины платили той же монетой. Историк Леонид Левин привёл такой эпизод: «В церкви при отпевании сына Петра I от второй жены Петра Петровича, горячо любимого отцом, стоя у гроба ребёнка, Лопухин демонстративно рассмеялся и громко сказал, что “свеча не угасла”, намекая на единственного потомка Петра по мужской линии – Петра Алексеевича – сына казнённого Алексея”. За столь дерзкий поступок Степан был отдан под суд, бит батогами и сослан вместе с молодой женой к Белому морю, в Колу».

Лишь при воцарении Петра Второго опала с Лопухиных была снята, да ведь многих уже нельзя было вернуть. Вот и затаили обиду, да такую, что только поднеси спичку – и полыхнёт. Полыхнуло при Елизавете Петровне, да ведь совсем не вовремя. Если бы мятеж достиг цели, Россия бы рухнула в смуту.

Жестоким был век, но жестокость породил в России именно Пётр Первый, который привёз изуверские казни из Европы. Обычно обвиняют в зверствах Ивана Грозного, не замечая таких грехов за Петром. Да вот только никаких документальных подтверждений того, что по приказу Грозного царя кого-то сажали на кол или творили ещё какие-то жуткие изуверства, нет. Всё выдумки иноземцев, ну а те уж старались приписать царю то, что у них на Западе являлось делом обычным. Примеров того, как всё показывали с точностью до наоборот, много. Приведу один, вполне характерный и точно подтверждённый документами. Он относится к веку XIX, что позволяет ещё более ярко сравнить

нравы в России и нравы на Западе, в данном случае в Англии.

Всем известно, как выли, именно выли и стенали на Западе по поводу пятерых казнённых государственных преступников, вошедших в историю как декабристы и возведённых в ранг радетелей за народ, что вопиющая ложь.

Вот что по этому поводу писал Борис Башилов, автор фундаментального труда «История русского масонства»:

«Вот что сказал бы судья Рылееву, Пестелю и другим декабристам, если бы их судили в свободной, демократической Англии: “Мне остается только тяжёлая обязанность назначить каждому из вас ужасное наказание, которое закон предназначает за подобные преступления. Каждый из вас будет взят из тюрьмы и оттуда на тачках доставлен на место казни, где вас повесят за шею, но не до смерти. Вас живыми вынут из петли, вам вырвут внутренности и сожгут перед вашими глазами. Затем вам отрубят головы, а тела будут четвертованы. С обрубками поступлено будет по воле короля. Да помилует Господь ваши души”.

Но Пестель жил в России, и его просто повесили. А так, как написано выше, был казнен в Лондоне в 1807 году полковник Эдуард Маркус Деспарди и его друзья. Причем небольшая разница. Пестель и декабристы – всего несколько человек из сотен заговорщиков – были казнены за участие в вооружённом восстании, а полковник Деспарди и его друзья – только за либеральные разговоры о желательности изменения строя доброй демократической Англии. Разница основная заключается в том, что Пестель жил в России, а полковник Деспарди в Англии. А это совсем не одно и то же, хотя одна страна считается варварской и деспотической, а вторая просвещённой и демократической».

Автор даже привёл точную ссылку: «Об английских декабристах Эдуарде Деспарди и других в английской книге: J. Ashton. The dawn of the XIX century in England. 1906. Стр. 145–452».

Императрица Елизавета Петровна значительно ослабила жестокости, но всё же она оставалась во многом дочерью своего отца, а потому при ней применялись ещё пытки и казни, которые были отвергнуты Екатериной Великой. Известно ведь, что, когда приговорили к смертной казни четвертованием Пугачёва и ближайших его сподвижников, Екатерина, утвердив приговор, сказала генерал-прокурору, уезжавшему в Москву для проведения публичной казни Пугачёва, что ежели он заставит кого-то мучиться, то путь не попадается ей более на глаза. Сказано было в этакой не приказной форме. При четвертовании положено было поочерёдно отрубать руки, ноги и лишь потом голову. Но палач, проинструктированный генерал-прокурором, начал с головы. Да и

вообще при Екатерине Великой были казнены всего три человека – Пугачёв и два его сподвижника. А вот в Англии при четвертовании руки и ноги осуждённого в те же самые годы привязывали к лошадям и разрывали тело на куски.

Ну а в Елизавете Петровне всё было перепутано. Она словно металась от добра к злу. К преданным Отечеству и престолу подданным относилась самым лучшим образом, что, кстати, в начале своей службы испытал наш великий полководец Александр Васильевич Суворов.

Две встречи с Суворовым

1 января 1748 года Суворов начал службу в 3-й роте лейб-гвардии Семёновского полка.

К этому времени относится известный эпизод из биографии Александра Васильевича, тоже расписанный многими биографами на все лады, причём одно из лучших описаний дано писателем Александром Ивановичем Красницким:

«В один летний день назначен был от Семёновского полка караул в Петергоф, летнюю резиденцию императрицы Елизаветы Петровны. По воле случая в карауле был и Суворов, и ему пришлось стоять “на часах” у Монплезира. Томительно долго тянется в зной скучная смена, но молодой солдат не замечал скуки. По своему обыкновению, отбывая свои “часы”, он припоминал и повторял устав караульной службы; мозг был занят, и время летело незаметно.

Зной начал спадать, день клонился к вечеру, скоро должна была явиться смена.

Вдруг Суворов услыхал женские голоса, и как раз к нему из-за поворота аллеи вышли две дамы…

В одной из них Александр Васильевич узнал императрицу…

Лихо, с полным соблюдением всех предписываемых воинским артикулом того времени правил, он вскинул ружье на караул, и эта лихость вместе с замечательной воинской выправкой обратили на него внимание государыни.

Она подошла к часовому и, глядя на него своими проницательными глазами, по привычке несколько отрывисто спросила:

– Как зовут?

– Вашего императорского величества Семёновского полка рядовой Александр Суворов! – ответил лихой солдат.

Государыня опять пристально взглянула на него.

– Однофамилец или родственник генерала Суворова? – спросила она.

– Родной сын его, ваше императорское величество.

– Вот как? – удивилась Елизавета Петровна. – Мне твой отец ничего о тебе не говорил… Это странно! Давно служишь?

– Четыре года в полку уже, ваше императорское величество.

– Рядовым?

– Так точно, ваше императорское величество!

Елизавета Петровна на мгновение задумалась.

– Твой отец мой верный слуга, – произнесла она, – вижу, что и ты выйдешь в него. Старайся, служи, я же тебя не забуду.

– Рад стараться, ваше императорское величество! – бойко ответил Суворов.

Императрица оглядела его с головы до ног. Бойкие ответы, лихая выправка, знание артикула произвели на неё хорошее впечатление. Ей захотелось чем-нибудь наградить сейчас же этого так понравившегося ей солдата. Она достала серебряный рубль и протянула его словно застывшему в своей позе Суворову.

– Вот тебе от меня! – милостиво сказала она при этом.

Суворов остался неподвижным.

– Бери же! – с раздражением в голосе, несколько нахмурившись, приказала императрица.

– Не имею права, всемилостивейшая государыня, – почтительно, но твердо ответил Александр Васильевич, – караульный устав строжайше воспрещает солдату, стоящему “на часах”, брать деньги.

Лицо императрицы прояснилось, на губах заиграла милостивая улыбка.

– Так! Молодец! Лихой солдат! Твёрдо службу знаешь! Хвалю! – промолвила она и потрепала молодого Суворова по щеке. – Но дабы тебе не быть из-за устава в изъяне, я этот рубль положу на землю. Ты его возьмёшь, когда устав не будет препятствовать тому. Теперь же прощай, служи верою и правдою, старайся, будь достоин отца.

Государыня протянула Суворову для целования руку, положила крестовик на землю около часового, и затем она и сопровождавшая ее придворная дама удалились».

Тут следует уточнить, что по современным уставам, которые, разумеется, впитали многовековой опыт военного дела, часовой не может не только что-либо принимать или передавать посторонним лицам, но и разговаривать ни с кем, кроме разводящего или начальника караула, права не имеет. Разговор с теми, кто приходит на пост, один: «Стой, кто идёт?» И при невыполнении этого требования: «Стой! Стрелять буду!»

Но для часовых, охранявших царствующих особ, очевидно, были сделаны некоторые поправки. К примеру, как не заговорить, если к тебе обращается государыня? В любом случае Суворов поступил точно по уставу. И был вознаграждён за это.

Ну а рубль, который оставила государыня на земле, рядом с постом, он забрал только после смены, причём сохранил его, как самую первую свою в воинской службе награду.

Императрица же проявила интерес к столь бравому солдату и повелела командиру лейб-гвардии Семёновского полка премьер-майору Николаю Ивановичу Стрешневу немедля явиться к ней, тем более сама государыня была лейб-гвардии полковником этого

полка.

Она поинтересовалась, как служит в полку сын генерала Суворова, и услышала в ответ самый лестный отзыв.

– Служит рядовой Александр Суворов исправно. Да вот только не слишком общителен, всё один да один. Сидит каждую минуту свободную с книгами.

Императрица воскликнула:

– А мне жалуются на моих гвардейцев, будто повесы они, пьянствуют, за барышнями влачатся. Так я говорю?

Командир полка предпочёл промолчать, а государыня приняла решение:

– Повелеваю произвести рядового Суворова в капралы не в очередь, а мне докладывать о его успехах дальнейших.

Производство состоялось 25 апреля 1747 года.

А вскоре государыне стало известно, что капрал Александр Суворов просит в порядке исключения отпускать его на лекции по военным наукам в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, поскольку тех знаний, что давали в лейб-гвардии Семёновском полку, ему катастрофически не хватало, да к тому же многое из того, что преподавалось, он уже давным-давно прошёл с отцом, будучи «на домашнем коште».

Вместе с кадетами проходил он не только курс военных наук, вместе с ними занимался литературой, театром.

Рубль Елизаветы Петровны

В книге А. И. Красницкого повествуется и ещё об одной важной для будущего полководца беседе с государыней:

«Встретив Суворова офицером, Елизавета Петровна сейчас же вспомнила его бойкие ответы у Монплезира и сама милостиво заговорила с ним. В памяти государыни, вероятно, сохранились отзывы о нелюдимости и отчужденности от общества этого молодого человека.

– Очень рада вас видеть офицером! – сказала она Александру Васильевичу после того, как тот приветствовал её согласно правилам придворного этикета.

– Но скажи на милость, молодой человек, что такое про тебя говорят? Мне довелось слышать, что ты, несмотря на твои молодые лета, не только не водишь компании с товарищами, но словно бы чуждаешься их, тебя нигде не видят, о тебе ничего не слышно… Правда ли, что у тебя нет друзей? Отвечай, мой друг, откровенно…

– Никак нет, ваше императорское величество, – смело и быстро ответил Суворов, – друзья у меня есть, и их очень много…

– Вот как! Мне говорили про тебя совсем наоборот… Отчего же ты, мой друг, никогда не бываешь с ними…

– Напротив того, ваше величество, я всегда с ними! – последовал новый ответ.

Императрица нахмурилась.

– Стало быть, мне всё налгали про тебя?! – воскликнула она. – Мне верные люди говорили, что ты не дружишь ни с кем из товарищей по полку.

– Совершенно верно, ваше императорское величество, ни с кем из товарищей я не вожу компании…

– Тогда… я ничего не понимаю… Какая тому причина, скажи мне?

В императрице Суворову удалось подстрекнуть любопытство.

Она с нетерпением ждала его ответа.

– Совершенно верно, монархиня, докладывали вам, – заговорил Суворов, смело глядя в глаза Елизаветы Петровны, – что не вожу я компании с товарищами моими по полку, но причиной этому желание мое оставаться верным старым друзьям, которых я знаю с самого своего детства…

– Что же это у тебя за друзья такие, которым ты не хочешь изменить?

– Их много, ваше императорское величество, как я уже имел счастие докладывать…

– Вот как! Но тогда я прошу тебя назвать хотя бы некоторых!

– Слушаю, ваше императорское величество! Старые друзья

мои: Цезарь, Аннибал, Тюрень, Конде, Вобан, Монтекукули, Лейбниц, Вольф, Гюнбер, Роллен… Простите, ваше величество, не осмеливаюсь далее утруждать вашего внимания перечислением старых друзей моих! – закончил Суворов, заметив, что императрица милостиво улыбалась, пока он перечислял имена знаменитых военных писателей, историков, географов и философов.

– Мне очень приятно слышать об этих твоих друзьях, мой друг! – сказала Елизавета Петровна, когда Суворов смолк. – Но, отдавая им часы, удели хотя минуты товарищам!

– Не могу никак этого сделать, ваше императорское величество!

– Почему так?

– Время уже чересчур дорого, всемилостивейшая государыня!

Елизавета Петровна засмеялась.

– Ты ещё так молод… Куда тебе, мой друг, спешить?

– Всё вперёд, без остановки на пути, ваше императорское величество…

Теперь императрица уже с удивлением поглядела на Суворова.

– Вы, сударь мой, странный молодой человек! – произнесла она. – Такого, как вы, я вижу первого. Многие ваши товарищи, уступающие вам, далеко ушли вперёд, а на вас я вижу чин невеликий. Желаю от всей души вам как можно скорее нагнать их.

– Матушка-государыня! – дрожащим от волнения голосом, преклоняя колена, воскликнул Александр Васильевич. – Повели мне найти чины на неприятельских пушках! Там их для всех хватит, и для меня найдётся, а здесь их совсем не осталось. Все давно уже порасхватали…

Императрица поняла намёк.

– Хорошо, хорошо! Я вспомню о вас при случае, сударь! – И, милостиво простившись с Суворовым, она удалилась».

В заботах о престолонаследии

И всё же важнейшим из всех вопросов начала царствования был вопрос о престолонаследии. Причём этот вопрос занимал практически всех государей России. Но если в царских семьях всегда рождалось достаточное количество детей и порой возникали споры за престол между многочисленными братьями, как это было во времена Василия Третьего, отца Грозного царя, то род Романовых по мужской линии в начале семнадцатого века практически прервался. А у императрицы Елизаветы Петровны и вовсе не было детей. Да и у противоборствующего клана Иоанн Антонович тоже ведь не был продолжателем мужской линии. Единственное его преимущество над Карлом Петром Ульрихом то, что он являлся отпрыском законной дочери царя Ивана, а племянник Елизаветы Петровны был сыном дочери Петра, рождённой до брака. Но других-то претендентов и вовсе не было.

После того, как были разоблачены заговоры, преследовавшие цель устранения и самой императрицы, и великого князя, превратившегося из Карла Петра Ульриха (точнее всё-таки Карла Петера Ульриха) в Петра Фёдоровича, Елизавета Петровна задумала поскорей женить племянника, торопя это событие во многом ради получения потомства. Чем больше будет детей у наследника, тем сложнее заговорщикам прервать династическую ветвь.

И ещё одно обстоятельство заставляло торопиться. Призванный в Россию племянник привёл в шок Елизавету Петровну.

Мы привыкли рассуждать о великом князе Петре Фёдоровиче, пользуясь оценками современников, наблюдавших его в России, – но в Россию явилось то (как в известном каламбуре), «что выросло, то выросло». Во всяком случае, о том, как проходило детство этого человека, обычно не упоминается. Тем интереснее сообщение, сделанное одним из авторов книги «Три века», изданной к 300-летию дома Романовых: «Пётр III был от природы слабым, хилым, невзрачным на вид ребёнком, который постоянно болел и выйдя уже из детского возраста. Дурное воспитание, легкомысленно и бестолково ведённое его голштинскими наставниками Брокдорфом и Брюммером, не только не исправило недостатков физической организации принца, но ещё более их усилило. Ребёнок часто должен был дожидаться кушанья до двух часов пополудни и с голоду охотно ел сухой хлеб, а когда приезжал Брюммер и получал от учителей дурные отзывы о принце, то начинал грозить ему строгими наказаниями после

обеда, отчего ребёнок сидел за столом ни жив ни мёртв и после обеда подвергался головной боли и рвоте желчью. Даже в хорошую летнюю погоду принца почти не выпускали на свежий воздух… Принца часто наказывали, причём в числе наказаний были такие, как стояние голыми коленями на горохе, привязывание к столу, к печи, сечение розгами и хлыстом».

Словом, над ним, по сути, просто-напросто издевались, как над сиротой, ибо матери он лишился ещё в младенчестве, а отца в весьма малом возрасте. Известно, что жестокость воспитателей никогда не приводит к благим результатам, переламывает характер воспитуемого, зачастую образуя в нём ещё большее жестокосердие. Казалось бы, переезд в Россию мог стать спасением для четырнадцатилетнего отрока. Но никому и в голову не пришло поменять воспитателей, поскольку садисты, приставленные к Карлу Петеру Ульриху, вполне естественно, на людях свою жестокость не демонстрировали. Да и вопросы воспитания при дворе Елизаветы Петровны не стояли выше тех, что испытал уже на себе высокородный отрок. Историк отметил: «И здесь нисколько не заботились о физическом развитии наследника престола, заставляя его подолгу и чуть не до изнурения проделывать всевозможные балетные па». В результате за три года пребывания в России Пётр перенёс три тяжёлых болезни.

Маленький герцог Карл Петер Ульрих (будущий Петр III). Гравюра XVIII в.

И снова никто не подумал о физической закалке. Жизнь текла по-прежнему. Симпатий ни у кого наследник престола не вызывал. Да, впрочем, и был он далеко не симпатичен. Французский историк Клод Рюльер оставил его словесный портрет: «Его наружность, от природы смешная, сделалась таковою ещё более в искажённом прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принуждён был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое он безобразил

беспрестанным кривлянием для своего удовольствия».

Императрица, оценив это «что выросло, то выросло» стала спешно искать невесту для наследника. Она решила все надежды возложить на то чадо, которое родится от брака дурно воспитанного и малообразованного великого князя с достойной супругой, если удастся подыскать таковую.

Есть что-то мистически загадочное в том, что выбор пал именно на Екатерину Алексеевну, которая до православного крещения звалась Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Посудите сами: предлагались невесты гораздо более именитые. А. Г. Брикнер в «Истории Екатерины Второй» рассказал: «Уже в 1743 году в Петербурге был возбуждён и решён вопрос о женитьбе наследника престола. Ещё до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру. С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако Императрица Елизавета не желала этого брака. Из записок Фридриха II видно, что Императрица Елизавета, при выборе невесты для своего племянника, “всё более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля”. Зато выбор Бестужева пал на Саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал политической системе канцлера, союзу между Россией, Австрией и Саксонией, для сдерживания Франции и Пруссии».

Как видим, рассматривались четыре претендентки, к одной из которых благоволила императрица Елизавета Петровна, к другой – сам великий князь Пётр Фёдорович, а к третьей, уже по политическим мотивам, – канцлер Бестужев.

Но вдруг, казалось бы ни с того ни с сего, императрица Елизавета Петровна, никого не известив, завела переговоры о браке наследника с принцессой Софьей Фредерикой Августой Ангальт-Цербстской, родители которой были крайне бедны, а сама невеста к тому же ещё, приходилась жениху троюродной сестрой.

Впрочем, полезнее ли были бы для России все вышепоименованные невесты, если учесть, каков сам жених по умственному складу и характеру? Могла ли Россия стать для них столь же желанной родиной, как для принцессы Софии, если они у себя дома купались в роскоши, а для принцессы Ангальт-Цербстской на её родине перспектив по существу не было? Одной из причин выбора явилось то, что принцесса София, став великой княгиней, не смогла бы опираться на силу придворных партий, которые неминуемо сгруппировались бы при любой из

перечисленных выше претенденток. Такая опора могла серьёзно осложнить передачу прав на престолонаследие тому, кто появится на свет после бракосочетания великого князя.

Многие историки пытались понять, почему выбор пал именно на Софию Фредерику Августу. А. Г. Брикнер предлагал такое объяснение: «С давних пор между русским двором и родственниками невесты Великого Князя Петра Фёдоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княжны Иоганны Елизаветы (матери будущей Императрицы Екатерины II), епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета Петровна не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Ещё до мысли о браке Петра с принцессой Ангальт-Цербстской они находились в переписке с её матерью…»

Так или иначе, но решение было принято, и Елизавета Петровна тайно призвала в Петербург Иоганну Елизавету с дочерью. Причины приглашения, да и само по себе приглашение держались в тайне.

На этом, впрочем, загадки, как мы увидим далее, не заканчиваются.

Вот одна из них…

«Предвещаю… Пётр будет твоим супругом»

О том, с чего всё начиналось для неё самой, императрица Екатерина Вторая подробно поведала в своих «Записках…»: «1 января 1744 года мы были за столом, когда принесли отцу большой пакет писем; разорвав первый конверт, он передал матери несколько писем, ей адресованных. Я была рядом с ней и узнала руку обер-гофмаршала Голштинского герцога, тогда уже русского Великого Князя. Это был шведский дворянин по имени Брюмер. Мать писала ему иногда с 1739 года, и он ей отвечал. Мать распечатала письмо, и я увидела его слова: "…с принцессой, Вашей старшей дочерью". Я это запомнила, отгадала остальное и, оказалось, отгадала верно. От имени Императрицы Елизаветы он приглашал мать приехать в Россию под предлогом изъявления благодарности Её Величеству за все милости, которые она расточала семье матери».

Когда родители уединились в кабинете, как поняла она, для совещания по поводу загадочного письма, София почувствовала необыкновенное волнение. Она ждала решения, понимая, что речь в письме о ней, о её судьбе. И решение вскоре было вынесено: мать «отклонила отца от мысли о поездке в Россию».

И вот тут будущая императрица Екатерина проявила удивительную, даже весьма дерзкую инициативу: «Я сама заставила их обоих на это решиться, – вспоминала она в "Записках…" – Вот как. Три дня спустя я вошла утром в комнату матери и сказала ей, что письмо, которое она получила на Новый год, волновало всех в доме… Она хотела узнать, что я о нём знала; я ей сказала, что это было приглашение от Русской Императрицы приехать в Россию и что именно я должна участвовать в этом. Она захотела узнать, откуда я это знала; я ей сказала: "через гаданье"… Она засмеялась и сказала: "Ну так если вы, сударыня, такая учёная, вам надо лишь отгадать остальное содержание делового письма в двенадцать страниц». Я ей ответила, что постараюсь; после обеда я снесла ей записку, на которой написала следующие слова (гадалки, популярной в то время в Штеттине. – *Н.Ш.*):

"Предвещаю по всему,
что Пётр III будет твоим супругом".

Мать прочла и казалась несколько удивлённой. Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобные предложения из России, то не

следовало от них отказываться, что это было счастье для меня. Она мне сказала, что придётся также многим рисковать ввиду малой устойчивости в делах этой страны; я ей отвечала, что Бог позаботится об их устойчивости, если есть Его воля на то, чтоб это было; что я чувствовала в себе достаточно мужества, чтобы подвергнуться этой опасности, и что сердце моё мне говорило, что всё пойдёт хорошо…»

Затем предстояло ещё убедить отца, с чем Софья Фредерика Августа вполне справилась, пояснив, что по приезде в Петербург они с матерью увидят, надо ли возвращаться назад. Отец дал письменное наставление в нравственности и велел хранить в тайне предстоящую поездку.

Детские годы на родине отложили определённый отпечаток на характер будущей императрицы. В. В. Каллаш в статье «Императрица Екатерина II. Опыт характеристики», опубликованной в книге «Три века», которая была издана к 300-летию дома Романовых, сделал такой вывод: «Богатые природные силы, высокие требования, пошлая, монотонная, бедная обстановка – вот условия, среди которых слагался характер Екатерины в её юности. Сознание недюжинных сил, постоянные унижения, противоречия между думами и действительностью заставляют рваться из этой тягостной атмосферы, отдаляют от родных, воспитывают самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливают самолюбие и тщеславие; упругость некоторых из этих черт развивается пропорционально давлению среды».

Но что же ожидало в России? Принцесса не могла не думать о том на протяжении всей долгой дороги, но всего того, что предстояло ей испытать, конечно, предположить не могла.

Петербург встретил прусскую принцессу оглушающим пушечным салютом. Праздничное великолепие города поразило её. Можно себе представить, сколько было самых ярких впечатлений от Зимнего дворца, восторгов от величественного вида Петропавловской крепости, гармонирующего с Невой, скрытой белоснежным убранством. Но это только начало – предстоял ещё путь в Москву, где находился двор и где ждали её императрица и великий князь. И этот путь поразил не меньше. И ныне ещё, в век торжества сокрушителей природы, Валдай живёт, борется с жестокосердием двуногих врагов лесов, озёр, полей и всего в них живого, а тогда он сверкал своею нетронутою красотой в необыкновенном торжественном величии. Вышний Волочок, старинная Тверь, Клин представали пред глазами будущей державной повелительницы. А впереди была златоглавая

Москва. Её золотистые сорок сороков окончательно сразили своим певучим серебряным звоном.

И вот первая встреча с Елизаветой Петровной. Императрица слыла едва ли не первой русской красавицей своего времени. В «Записках…» Екатерины это подтверждено в полной мере: «Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приёмную Императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть её в первый раз и не поразиться её красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на Императрице в тот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Её платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у неё было чёрное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а причёска из своих волос со множеством брильянтов…»

А. Г. Брикнер отметил: «Первое впечатление, произведённое принцессою Иоганною Елизаветою и её дочерью на императрицу (Елизавету Петровну. – *Н.Ш.*), было чрезвычайно благоприятно. Однако в то же время они видели себя окружёнными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы приезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию как приданое невесты Марианны».

Историк Сергей Михайлович Соловьёв указал, что Бестужев был приведён в ярость приездом принцессы Ангальт-Цербстской и заявил: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства».

С первых дней пребывания при дворе принцессе Софии приходилось вести себя более чем осмотрительно, тем более она не могла не заметить, что жениху своему не очень пришлась по душе. Впрочем, это не слишком её огорчало, ибо великий князь также не тронул её сердца. Она и прежде знала, что её жених не блещет достоинствами. В своих «Записках…» она сообщила, что увидела его впервые ещё в 1739 году, в Эйтине, когда он был одиннадцатилетним ребёнком, и наслушалась весьма нелицеприятных отзывов: «Тут я услыхала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонён к пьянству, что его приближённые не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих

приближённых и особливо Брюмера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он ещё не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приёмов обращения и в самый характер».

Встреча с будущим женихом – великим князем Петром Фёдоровичем, как видим, не произвела на Софию Фредерику Августу такого впечатления, как встреча с императрицей Елизаветой Петровной. В своих «Записках…» она отметила: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа».

Да, мысли о российской короне занимали её с того самого момента, как узнала о письме-приглашении, причём были столь настойчивы, словно подсказывал их кто-то Высший и Всемогущий. Эти мысли отодвигали на второй план все неудобства и неурядицы, которые стояли на пути к столь, казалось бы, призрачной цели. И не пугало даже то, что великий князь вовсе не был ей интересен. Она вспоминала о тех своих впечатлениях: «Ему было тогда шестнадцать лет; он был довольно красив до оспы, но очень мал и совсем ребёнок; он говорил со мною об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера. Я слушала его из вежливости и в угоду ему; я часто зевала, не отдавая себе в этом отчёта, но я не покидала его, и он тоже думал, что надо говорить со мною; так как он говорил только о том, что любит, то он очень забавлялся, говоря со мною подолгу».

Великая княгиня Екатерина Алексеевна с супругом Петром III Фёдоровичем. Художник А. Р. де Гаск

И вот прибывшая в Россию принцесса София должна была стать супругой того, что выросло на мерзком Западе. Французский историк Клод Рюльер (1735–1791), кстати, судя по его трудам, более расположенный к великому князю, нежели к принцессе, тем не менее оставил портрет её, представляющий явную противоположность вышеописанному портрету: «Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и

осанка, повелительный взгляд – всё возвещало в ней великий характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, чёрные брови и таковые же прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляла отличительную черту её физиономии. Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз не что иное, как действие особенного желания нравиться…»

При малом дворе состоять камергеру Бецкому!

С восшествием на престол Елизаветы Петровны князь Иван Юрьевич Трубецкой, как уже упоминалось, одним из первых принёс ей присягу и поддержал новую императрицу. Вскоре он был указом императрицы вновь назначен сенатором. Сын состоял при нём и в 1742 году стал камергером.

А между тем в 1744 году его «парижская любовь» принцесса Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская привезла в Россию дочь Софию Фредерику Ангальт-Цербстскую.

И тут последовало неожиданное решение императрицы Елизаветы Петровны. Она приставила к малому двору именно камергера Ивана Ивановича Бецкого. О том, как произошла встреча бывших возлюбленных, подробных данных не сохранилось, но впоследствии Екатерина Вторая отметила в своих «Записках…», что её мать Иоганна Елизавета «очень близко привязалась к супругам Гессен-Гомбургским и ещё более – к камергеру Бецкому».

Кто же такие эти Гессен-Гомбургские? Не случайно же уделила им внимание Екатерина Алексеевна, уже ставшая к моменту написания своих «Записок…» не просто Екатериной Второй, а Екатериной Великой.

Мы уже говорили о происхождении Ивана Ивановича Бецкого, о том, что его отец прижил сына, находясь в шведском плену.

Сам факт рождения Ивана Ивановича волновал многих исследователей. Как, каким образом это могло случиться в плену? Ведь известно, что содержались наши генералы в плену сурово.

В ряде биографических заметок называли любовницей князя баронессу Вреде, но Пётр Майков предлагал всё-таки не заострять внимание на матери, поскольку особого значения это не имело ни для истории, ни, как мы увидим дальше, и для самого ребёнка.

Итак, в шведском плену у русского генерала Трубецкого, представителя знаменитого рода, восходящего на дальних своих коленах к Рюриковичам, появился сын, которого отец назвал Иваном. Ну а фамилию дал, как в ту пору было принято, свою, только в усечённом виде. Отец – Трубецкой. Сын – Бецкой, поскольку сын незаконнорождённый.

Пётр Майков замечал, что трудности в определении матери усложняются деликатностью вопроса. Он писал по этому поводу:

«Конечно, до крайности трудно доказывать в настоящее

время, по прошествии почти двух столетий (написано в начале XX века. – *Н.Ш.*), рождение лица именно от известной особы, вне законного брака, а потому, казалось бы, гораздо благовиднее, не бросая бездоказательного укора на то или другое семейство и не отрицая безусловно, что Иван Иванович Бецкой действительно был сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого, признать, что мать первого в точности нам неизвестна, как это и делали, впрочем, лица, стоявшие гораздо ближе нас к Бецкому и Трубецкому и имевшие поэтому возможность получить более точные сведения о его рождении.

Оставив нам свои записки, в которых упоминается о рождении Бецкого, эти лица, вероятно, не упустили бы сообщить, кто была его мать, если бы это было им известно. Но они этого не сделали, а следовательно, можно предполагать, что они этого обстоятельства в точности не знали, что весьма естественно».

Итак, всё случилось в Стокгольме, где Трубецкой встретил такую женщину и «уверил, что он вдов, и от неё имел сына, которого именовал Бецким, и сей ещё при Петре Великом почтён был благородным и в офицерских чинах и т. д.)».

В словаре Бантыш-Каменского сказано, что Бецкой родился 3 февраля 1704 года в Стокгольме, продолжал учение в доме отца своего, поступил в Коллегию иностранных дел и т. д., и только из дальнейшего изложения можно заключить (Бантыш-Каменский и сам этого не говорит прямо), что отцом Бецкого был князь Ив. Ю. Трубецкой.

Пётр Майков сообщил:

«Князь Трубецкой… был разменян на фельдмаршала Реншельда, взятого в плен в Полтавском сражении, и возвратился в Россию».

В плену он находился, как известно из биографии князя, восемнадцать лет. Значит, Иван Бецкой прибыл в Россию в четырнадцати– или пятнадцатилетнем возрасте.

Уже было упомянуто, что с разрешения шведского короля к Трубецкому приезжали в Стокгольм супруга с дочерями.

И вот тут открывается новая страница. Один из исследователей данного события предположил, что поспешный выезд княгини Трубецкой к мужу вместе с двумя дочками отнюдь не случаен. Дело в том, что одна из дочерей оказалась, как говорят, в интересном положении. Она ждала ребёнка, причём ребёнка от русского возлюбленного, имя которого осталось неизвестным. Отъезд в Швецию спас её от большого позора. Ребёнка, который родился уже в Стокгольме, записали на отца, ну и придумали калейдоскоп любовниц князя Ивана Юрьевича. И что же получается? Если родила от него какая-то знатная дама,

почему так легко согласилась расстаться с сыном и почему княгиня Трубецкая с такой невообразимой любовью отнеслась к мальчику, рождённому от любовницы мужа, причём «не только не оскорбилась связью своего мужа с иноземною особою, но усыновила мальчика и не делала никакого различия между ним и собственными детьми».

Эта информация весьма любопытна, но в принципе она ничего не меняет. Напротив, если Бецкой был рождён иноземкой, то он лишь наполовину русский, а если дочерью Бецкого, у которой и отец, и мать русские, да и возлюбленный, с коим случился грех, тоже русский, то получается, что дочь Бецкого не на какую-то часть, а ровно наполовину русская. Мало того… А её мать Иоганна Елизавета рождена в Пруссии, а что касается Пруссии, то достаточно обратиться к трудам нашего величайшего учёного Михаила Васильевича Ломоносова, в которых ясно указано, откуда вообще взялись пруссы.

Впрочем, Екатерина Великая допускала, что в ней присутствует какая-то часть немецкой крови, а потому однажды во всеуслышание заявила:

«Пусть из меня вытечет вся немецкая кровь и останется одна русская».

Это ли не прямой намёк на то, что отцом её был русский, и пусть незаконнорождённый, но сын русского князя, род которого восходил к Рюриковичам. Ну или в крайнем случае – внук Трубецкого.

И вот теперь мы подошли к Гессен-Гомбургским… Одна из дочерей князя Ивана Юрьевича – Екатерина Ивановна – была замужем за шляхтичем Антонием Дуниным-Скржинским, регентом канцелярии Большой Печати Великого княжества Литовского, вместе с которым поселилась в Речи Посполитой. Король Август III декретом от 03.01.1739 пожаловал ей многие земли в Литве, принадлежавшие некогда фамилии Трубецких. Она была бездетна. Вторая дочь – Анастасия Ивановна – вторым браком как раз и была замужем за принцем Гессен-Гомбургским Людвигом. Правда, она по возрасту совсем не подходила к тому, чтобы быть матерью Ивана Ивановича Бецкого, а вот первая – вполне. А следовательно, Иван Иванович мог быть не единокровным братом, родила которого любовница отца, а родным племянником, сыном старшей сестры.

Конечно, все это всего лишь домыслы, которые тем не менее не лишены оснований.

Главное же то, что Елизавета Петровна вполне могла знать, кто по крови избранная ею невеста для великого князя. И не случайно поручила малый двор именно Ивану Ивановичу

Бецкому.

Борис Алмазов сообщает ещё один интересный факт. Когда императрица Елизавета Петровна выбрала в невесты наследнику престола Софию Фредерику Ангальт-Цербстскую, её, как известно, привезла в Россию мать Иоганна Елизавета. Случилось это в 1745 году. Трудно сказать по чьей рекомендации, но «Бецкой был назначен состоять при герцогине-матери, а по отъезде её из России в 1747 г. вышел в отставку (с чином генерал-майора) и уехал в Париж».

Императрица Елизавета Петровна поручила Марии Андреевне Румянцевой заведовать малым двором великой княгини Екатерины Алексеевны ещё в бытность её принцессой Ангальт-Цербстской, то есть до крещения в православную веру. Румянцева регулярно представляла подробный отчёт императрице обо всём происходящем.

В своих «Записках…» императрица Екатерина Вторая отметила, что добрые отношения, сложившиеся у Бецкого и Иоганны Елизаветы, очень не нравились графине Румянцевой, да и не только ей одной.

Здесь имеется в виду мать нашего знаменитого полководца Петра Александровича Румянцева, с которой у великой княгини Екатерины Алексеевны отношения складывались трудно.

М. А. Румянцева. Художник А. П. Антропов

Екатерина II вспоминала в своих «Записках…», что при малом дворе, где остерегались Румянцевой, заметили, сколь подозрительно она относится и к ней, и к её матери. Обратили внимание и на то, что даже во время маскарадов «у старой графини Румянцевой… частые беседы с Императрицей, и что последняя была очень холодна с матерью, и легко было догадаться, что Румянцева вооружала Императрицу против матери и внушала ей ту злобу, которую сама питала…»

Здесь надо добавить, что, несмотря на все достаточно хорошо памятные Екатерине II притеснения со стороны Румянцевой, несмотря на постоянные доклады, которая та делала Елизавете Петровне, она, став императрицей, не только не вспоминала о том, не только простила графиню, но даже сделала её гофмейстериной.

Конечно, в большой степени это было воздаянием за великие заслуги её сына, блистательного полководца Петра Александровича Румянцева-Задунайского. А по случаю Кючук-

Кайнарджийского мирного договора, завершившего победоносную «Румянцевскую», как её назвали историки, войну, пожаловала орден Св. Екатерины.

Между тем Ивану Ивановичу Бецкому пришлось принимать важное решение относительно «контактов» при малом дворе.

Своим уникальным по тем временам воспитанием и отличным образованием Бецкой раздражал многих. Он прекрасно говорил на французском и немецком языках, хорошо разбирался в европейской литературе, имел обширные познания во многих науках. Пётр Фёдорович и Екатерина Алексеевна предпочитали его общество обществу других, менее интересных придворных. Ведь малый двор сверх меры наводнён был немцами или так называемыми немцами. Наверняка Бецкой опасался и того, что проницательная Румянцева раскроет его главную тайну – тайну отношений с матерью великой княгини. Ну а каковы могут быть последствия, вполне предсказуемо.

Графиня Румянцева слишком пристально наблюдала за отношениями Ивана Ивановича с Иоганной Елизаветой. В 1747 году Бецкой, хоть и оставался камергером, старался как можно реже бывать при малом дворе, а потом и вовсе отправился в путешествие за границу.

Впрочем, вскоре после бракосочетания наследника престола Петра Фёдоровича с Екатериной Алексеевной малому двору удалось освободиться от опеки Румянцевой.

Путешествие Бецкого продолжалось около 15 лет. Время даром Иван Иванович не терял, продолжал образование, общался с передовыми (с точки зрения разрушительности государственности) людьми того времени, выпестовавшими моральные основы великой в своей кровавости и бесстыдности французской революции. В то же время он познакомился с различными воспитательными теориями. В последующем это пригодилось. Ведь изучение чьего бы то ни было опыта, пусть даже и вредного, порой оборачивается созданием своей уже теории, полезной и необходимой. Словом, как он сам вспоминал впоследствии, ехал, чтобы «ничего не пропустить из пространной живой книги природы и всего виденного, выразительнее всяких книг научающей почерпнуть все важные сведения к большому образованию сердца и ума».

Почему же Бецкой всё-таки решил отправиться в путешествие? Что это было за путешествие? На этот вопрос помогут ответить некоторые не слишком афишируемые сведения о том, чем занимался в шведском плену его отец Трубецкой. Постепенно, за 18 лет пребывания в Швеции, он сумел завести важные связи и, будучи человеком обаятельным, интересным

собеседником, приятным в общении, сделаться чем-то вроде резидента русской разведки.

Ну а сын? Не пошёл ли он по стопам отца, ведь недаром почти постоянно был рядом и, не прерывая службы в чине генеральс-адъютанта, одновременно служил и по дипломатической части. Хорошо известно, что человек, однажды соединивший свою судьбу с деятельностью спецслужб, как правило, остаётся в рядах спецслужб навсегда. Быть может, отец способствовал отправке Ивана Ивановича в эту поездку не ради самой поездки, не ради образования и тем более не ради развлечений? Мы не можем исключить и такого поворота дел. С этой точки зрения объясним и отъезд Бецкого за границу в более поздние времена.

Был и ещё один момент, который нельзя сбрасывать со счёта. Престол русских царей был в ту пору очень непрочен. Известно о нескольких заговорах против императрицы Елизаветы. А тут ещё и наследник престола, выбранный ею, весьма сомнителен. Да и выбор императрицей невесты не всех устраивал. Наверняка не укрылось от глаз тех, кому такая информация нужна, каковы отношения между Бецким и матерью новоиспечённой великой княгини. Старая любовь не забывается. От пристального заинтересованного взора отношения с любимой женщиной, путь и любимой в прошлом, скрыть трудно.

Тем более в те времена, когда постоянно тревожил всех вопрос о престолонаследии. Уже проскальзывали сведения о том, что великий князь Пётр Фёдорович неспособен иметь детей.

Живя в России, Бецкому сложно было скрыть отцовские чувства к дочери, положение которой при дворе осложнялось год от года. Да и Екатерине нелегко было бы скрывать дочерние чувства, особенно в период, когда её буквально душило одиночество.

Ну а информация о том, что Екатерина Алексеевна вовсе не дочь своего официального отца, а дочь сына русского князя, да к тому же сына незаконнорождённого, могла вызвать целую бурю негодований и позволила бы планировать самые различные политические ходы с целью ослабления России.

Венчание наследника престола

Столь радостное, казалось бы, событие было омрачено взаимным равнодушием между женихом и невестой. Об истинном отношении Екатерины к Петру Фёдоровичу говорят такие строчки: «Я с отвращением слышала, как упоминали этот день (свадьбы. – *Ред.*), и мне не доставляли удовольствия, говоря о нём. Великий Князь иногда заходил ко мне вечером в мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: он предпочитал играть в куклы у себя; между тем ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он на год и три месяца старше меня».

Свадьба была назначена на 21 августа 1745 года. Образцами для торжеств, как писал биограф, служили подобные церемониалы при бракосочетании французского дофина в Версале и сына короля Августа III в Дрездене.

Императрица Елизавета Петровна, будучи нелицемерно набожной, пожелала, чтобы жених и невеста подготовились к этому обряду по-православному, то есть по всем правилам выдержали Успенский пост. 15 августа она вместе с ними отправилась причаститься в церковь Казанской Божьей Матери, а затем, спустя несколько дней, водила их, причём пешком, в Александро-Невскую лавру.

«Чем больше приближался день моей свадьбы, тем я становилась печальнее, и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная почему, – признавалась Екатерина. – Я скрывала, однако, насколько могла, эти слёзы, но мои женщины, которыми я всегда была окружена, не могли не заметить этого и старались меня рассеять».

Накануне свадьбы двор переехал из Летнего в Зимний дворец. «Вечером, – вспоминала Екатерина, – мать пришла ко мне и имела со мною очень длинный и дружеский разговор: она мне много проповедовала о моих будущих обязанностях; мы немного поплакали и расстались очень нежно».

Ранним утром 21 августа Петербург был разбужен пушечной пальбой. Торжества начались. Сама императрица Елизавета Петровна приняла деятельное участие в приготовлениях великой княгини. Уже в 8 часов утра она пригласила Екатерину в свои покои, где дворцовые дамы стали её причёсывать. «Императрица пришла надеть мне на голову великокняжескую корону, и потом она велела мне самой надеть столько драгоценностей из её и моих, сколько хочу, – читаем мы в “Записках…” – …платье было из серебристого глазета, расшитого серебром по всем швам, и страшной тяжести».

Примерно в три часа дня императрица усадила в свою карету великого князя Петра Фёдоровича и великую княгиню Екатерину Алексеевну и повезла их «торжественным шествием» в церковь Казанской Божьей Матери. Там и состоялся обряд венчания, который провёл епископ Новгородский.

У врачей, очевидно, уже в ту пору появились сомнения относительно способностей великого князя сделать то, что от него требовалось в первую очередь – то есть дать потомство. Елизавета Петровна с каждым годом, да что там годом, с каждым месяцем, а может быть, и днём убеждалась в неспособности Петра Фёдоровича занять престол русских царей, когда придёт время.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна с супругом Петром III Фёдоровичем. Художник Г. К. Гроот

И вот бракосочетание состоялось. Торжества продолжались десять дней и превзошли своим великолепием те, которыми гордились в Версале и Дрездене. Двор императрицы Елизаветы и без того поражал иностранцев своим богатством, своим гостеприимством, необыкновенными празднествами. А во время

торжеств окончательно сразил всех.

В день свадьбы во дворце дали торжественный бал, который, правда, продолжался всего около часа и на котором танцевали только полонезы.

Что же было потом? Конечно, первая ночь после свадьбы – таинство, которое принадлежит новобрачной паре. Быть может, так оно и было бы, и мы не прочли бы в «Записках Императрицы Екатерины II» того, что можем прочесть, не прочли бы, если бы всё случилось не так, как у юной великой княгини и великого князя. В «Записках…» императрица не скрывала ряда своих последующих связей и увлечений, но лишнего не допускала ни в единой строчке. Здесь же, говоря о первой ночи, которую принято именовать брачной, весьма и весьма откровенна: «Императрица повела нас с Великим Князем в наши покои; дамы меня раздели и уложили между девятью и десятью часами. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мной ещё немного, но она не могла согласиться. Все удалились, и я осталась одна больше двух часов, не зная, что мне следовало делать: нужно ли встать? Или следовало оставаться в постели? Я ничего не этот счёт не знала…»

Вот на этой строчке хотелось бы задержать внимание читателей. Многие авторы пытались убедить нас, что принцесса София приехала в Россию чуть ли уже не прошедшей огни, воды и медные трубы. Иные даже заявляли, что рвалась она сюда, поскольку «очень любила гусар». Оставим на совести пасквилянтов их заявления. Но вот что вспоминала императрица о том, каковы её представления об отношениях мужчины и женщины были до свадьбы: «К Петрову дню весь двор вернулся из Петергофа в город. Помню, накануне этого праздника мне вздумалось уложить всех своих дам и также горничных в своей спальне. Для этого я велела постлать на полу свою постель и постели всей компании, и вот таким образом мы провели ночь; но прежде, чем нам заснуть, поднялся в нашей компании великий спор о разнице обоих полов. Думаю, большинство из нас было в величайшем неведении; что меня касается, то могу поклясться, что хотя мне уже исполнилось 16 лет, но я совершенно не знала, в чём состояла эта разница; я сделала больше того, я обещала моим женщинам спросить об этом на следующий день у матери; мне не перечили, и все заснули. На следующий день я, действительно, задала матери несколько вопросов, и она меня выбранила».

Полагаю, что сомневаться в искренности написанного, оснований нет. Ведь в тех главах «Записок…», где речь идёт об отношениях с Сергеем Салтыковым, Станиславом Понятовским, Григорием Орловым, императрица достаточно откровенна. Вот и

в описании того, что с нею произошло после свадьбы она, судя по тону повествования, ничего не скрывает: «Наконец, Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала мне очень весело, что Великий Князь ждёт своего ужина, который скоро подадут. Его Императорское Высочество, хорошо поужинав, пришёл спать, и когда он лёг, он завёл со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камердинеров, если бы увидал нас вдвоём в постели; после этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня… Крузе захотела на следующий день расспросить новобрачных, но её надежды оказались тщетными; и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения».

Девять лет без изменений! Эту фразу Екатерина Алексеевна повторила затем, уже в 1774 году, в письме, адресованном Григорию Александровичу Потёмкину. А если точнее – именно с такой фразы и начато письмо, названное «Чистосердечная исповедь». Но всё это было через много лет.

Пока же необходимо заметить, что именно в те праздничные для всех, кроме Екатерины, дни она окончательно убедилась в том, что в личной жизни ей счастья ожидать не приходится.

Какими бы сложными ни были её отношения с матерью, но мать была и оставалась для неё самым близким и дорогим человеком, и предстоящий отъезд ещё более усугублял положение. «Со свадьбы моё самое большое удовольствие было быть с матерью, – признавалась Екатерина. – Я старательно искала случаев к этому, тем более что мой домашний уголок далеко не был приятен. У Великого Князя всё были какие-то ребячества; он вечно играл в военные действия, окружённый прислугой и любя только её».

В «Чистосердечной исповеди», адресованной Потёмкину в 1774 году, есть такая строчка: «…есть ли б я смолоду получила мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась». А ведь такие мысли родились у Екатерины не сразу, не вдруг – они выстраданы нелёгкой её жизнью в первые годы после замужества.

Казалось бы, что ещё надо – достаток, положение, колоссальные перспективы… Но недаром говорят, что «богатые тоже плачут». Люди великие считают богатством не то, что считают таковым князи из грязи. Екатерина не случайно увлекалась философией – именно в философии она находила мудрые мысли, созвучные со своими душевными чаяниями.

Тайна графа Румянцева

Немало тайн окутывало время правления императрицы Елизаветы Петровны, причём тайн, касающихся не только её подданных, но и судьбы самого государства. В предыдущих главах говорилось о тайне рождения и самого Ивана Ивановича Бецкого, и о его дочери, ставшей в православном крещении Екатериной Алексеевной. Покрыто тайной и венчание самой Елизаветы Петровны, и рождение её внучатого племянника Павла, в истории известного как Павел Петрович, а на деле, по крови, был он Павлом Сергеевичем. А вот тайна рождения Петра Александровича Румянцева, казалось бы, непосредственно к престолу не относится, но на самом деле всё выглядит так…

Разговоры о том, что наш великий полководец генерал-фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) был внебрачным сыном Петра Первого, ходили давно. Правда, в советский период в печати они распространения не получали. Но вот теперь даже в «Википедии» откровенно сказано:

«Пётр был единственным сыном графа Александра Румянцева… дочери и наследницы графа Андрея Матвеева. Поскольку его мать много времени проводила в обществе Петра Великого, ходили слухи, что молодой Румянцев был незаконнорождённым сыном монарха. Он был назван в честь правящего императора…»

И далее сообщается, что связь Петра с фрейлиной Марией Андреевной Матвеевой, происходившей из знатного рода, являвшейся внучкой знаменитого Артамона Матвеева, даже и не скрывалась. Мало того, Пётр, будучи ревнив до крайности – вспомним заспиртованную голову Монса, – не раз предупреждал свою возлюбленную, что выдаст её за «старого мужа». Ну в конце концов выдал за своего денщика Александра Румянцева, может и не очень старого, но всё же на 19 лет постарше её. Выдал в 1720 году, когда Александру Румянцеву было 40, а Марии 19 лет.

Существует анекдот «О женитьбе отца фельдмаршала Румянцева». Он таков:

«Отец Румянцева был бедный костромской дворянин. За свои заслуги он стал заметным человеком при дворе Петра I, а вскоре и одним из его любимцев. Видя это, один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Осчастливленный таким предложением, Румянцев кинулся к царю, чтобы получить его разрешение на столь выгодный брак. Подняв Румянцева с колен, царь спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

Румянцев честно отвечал:

– Не видел, но говорят, что она не дурна и не глупа.

Царь решил:

– Слушай, Румянцев! Балу я быть дозволяю, а от сговора удержись. Я сам буду на балу и посмотрю невесту. Если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастию.

До 10 часов вечера ожидали царя. Потом решили, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, и начали танцевать. Но вдруг Пётр явился в дом предполагаемой невесты своего любимца, увидел её и, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, сказал довольно громко:

– Ничему не бывать.

Хозяин дома и жених были очень огорчены таким поворотом событий. На следующий день Румянцев с несчастным видом явился к царю. Лишь только царь увидел его, он сразу сказал:

– Нет, брат, невеста тебе не пара, и свадьбе не бывать. Но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня, я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером, и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

Вечером Пётр отправился с Румянцевым к графу Андрею Артамоновичу Матвееву. Когда Матвеев вышел ему навстречу, Пётр спросил его:

– У тебя есть невеста? А я привёз ей жениха.

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство. Пётр тотчас отгадал мысли Матвеева:

– Ты знаешь, что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Пришлось графу согласиться на желание такого свата. Так девятнадцатилетняя графиня Марья Андреевна была объявлена невестой Румянцева».

В 1723 году родилась дочь Екатерина, а 4 января 1725 года – сын Пётр.

Вот тут и появилась почва для разговоров. Отец будущего полководца Александр Румянцев, ибо в официальной биографии говорится, что Александр Иванович, произведённый в 1724 году в генерал-майоры, был командирован в Малороссию «по делу о Полуботке», а оттуда, в том же 1724 году, направлен чрезвычайным послом в Константинополь, затем командовал всеми русскими войсками в Прикаспийских землях, был пожалован орденом Св. Александра Невского и в 1727 году произведён в генерал-поручики. В Москву вернулся лишь в ноябре 1730 года и пожалован был в подполковники лейб-

гвардии Преображенского полка. Это очень высокое звание. Полковником лейб-гвардии был император.

А мать – мать полководца снискала любовь и уважение современников за милосердие и доброту. Гавриил Романович Державин написал оду:

Она блистала умом,
породой, красотой,
И в старости любовь
снискала у всех
любезною душой.
Она со твёрдостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам семерым служила,
Носила знаки их честей.

Портрет П. А. Румянцева-Задунайского. Неизвестный художник

В ту пору в службу военную записывали с рождения; правда, Петра Румянцева записали рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк лишь в 1735 году, когда ему исполнилось десять лет. Ну и по обычаям того времени, отпустили для образования «на домашнем коште». Отец в ту пору служил в Малороссии. Он нанял учителя Тимофея Михайловича Сенютовича. Да и сам вкладывал немало сил в образование сына.

Хорошо ли, плохо ли выучили отрока, но в 1739 году включили его в русское посольство в Берлине. Да, видно, компания в посольстве оказалась не той, какой нужно. С 14 лет стали приобщать совсем ещё юного Петра со товарищи по службе к кутежам и забавам, да таким, от которых Берлин порой содрогался.

Всё закончилось тем, что уже в 1740 году удалён был Пётр Румянцев из посольства с весьма резкой характеристикой и указанием, что выдворяется он за «мотовство, леность и забиячество».

Что делать? Как наставить сына на путь истинный? Вспомнил Александр Иванович о Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Вот это школа! Многим недорослям и в ту пору, и во времена позднейшие, как, кстати, и в нынешние, она мозги вправляла.

Уже при Елизавете Петровне определили в школу с надеждой, что вот уж теперь выйдет из отрока толк. Но не тут-то было. Это другим мозги вправлять удавалось, а с Румянцевым номер не прошёл.

Месяц проучился, изводя преподавателей и наставников, второй, третий, даже четвёртый кое-как продержался. Но как только отец отправился в командировку, сбежал из корпуса – не понравилась ему армейская дисциплина.

Сбежал, но императрица Елизавета Петровна… Выслушала она жалобы на сына отцовского любимчика, да и повелела присвоить чин поручика и направить в действующую армию.

Вот уж решение так решение, скажет читатель, не знающий порядков, которые царили в ту пору в России. Ведь чин-то поручика присваивался после окончания корпуса, для того и учили, чтобы офицером сделать. Иначе зачем тогда учить? А тут недоучился – выгнали. И сразу получил то, что по выпуску полагается…

Направлен Румянцев был в Финляндию, на территории которой гремела в ту пору русско-шведская война 1741–1743 годов.

В боевой обстановке недавний повеса превратился в

отважного офицера и вдумчивого командира, не бросавшего просто так, на авось, в пекло своих подчинённых. Кстати, и с подчинёнными он обращался так, как в те годы ещё не было привычно. Он мог поесть из общего котла, мог разделить последний кусок хлеба, если случались перебои в доставке провианта.

Авторитет его среди подчинённых сразу вырос, ведь солдаты привыкли к другому обращению, о котором есть свидетельство современника Румянцева.

Во всех стычках со шведами, в которых ему удалось участвовать, поручик Румянцев показывал чудеса храбрости, за что был произведён в чин капитана.

26 августа русские вошли в Гельсингфорс, а вскоре была очищена вся Финляндия. С победной реляцией в Петербург к императрице было решено отправить молодого капитана Румянцева, которому едва исполнилось 18 лет.

Императрица Елизавета Петровна при получении этого донесения произвела юношу сразу в полковники.

Вот тогда-то и развернулась во всю ширь его удаль в столице, правда удаль несколько иного характера, ну и завершившаяся направлением к отцу с «секретным» пакетом…

В 1744 году после заключения выгодного Абоского договора с Швецией генерал-аншеф и дипломат Александр Иванович Румянцев был, как уже упоминалось, возведён в графское достоинство, распространяющееся на его потомство. Так стал его сиятельством и юный полковник Пётр Александрович.

Сохранилось немало свидетельств того, что в детстве и отрочестве будущий полководец Пётр Александрович Румянцев был большим забиякой, ну а уж в юности – говорить страшно. Когда учился в Европе, от него дрожал весь Берлин, когда вернулся в Петербург – досталось и Петербургу.

Весёлые компании, кутежи, забавы, ну и конечно, ватаги представительниц прекрасного пола были там, где гулял молодой повеса.

Елизавета Петровна уважала Александра Ивановича, поручала ему серьёзные и ответственные задания. Вот и в тот год генерал-аншеф Румянцев находился далеко от столицы, нёс службу государеву, будучи полномочным представителем российского двора на конгрессе в Або. Он сумел склонить шведов к выгодному для России Абоскому мирному трактату (мирному договору), за что был пожалован графским титулом.

А сын его, получивший по этому случаю чин полковника, не унимался. И вот однажды лопнуло терпение Елизаветы Петровны. Села она за стол свой рабочий, пролистала все давние уже письма

и жалобы из Берлина и совсем свежие – из Петербурга. Подумала, подумала, да и повелела призвать к себе на беседу молодого Петра, названного родителями в честь её отца-императора. А может, она вызывала к себе для милостивой беседы вместо наказания не просто сына генерала, а своего единокровного брата? Уж слишком удивительны проявления заботы и после отчисления из кадетского корпуса, и теперь, после безобразий, о которых донесли ей?

Елизавета Петровна благоразумно решила принять его поутру – ведь ввечеру он мог быть и не совсем готов к разговору серьёзному.

Утром в назначенный час Пётр Румянцев надел с помощью слуги своего приведённый им в идеальный порядок парадный мундир и отправился во дворец, гадая над причиной столь срочного вызова.

Проводили Румянцева в царские покои, ввели в кабинет. Он щёлкнул шпорами, рявкнул:

– Полковник Румянцев!

Императрица придирчиво осмотрела его и сказала мягко, милостиво:

– Ну, садись, Петро Александрович…

Повелела кофе принести, сладости всякие. Думал Пётр Румянцев, что разговор долгим будет, но не угадал. Расспросила о том, что пишет он и что отвечает молодой человек своему родителю.

И ведь ни слова о забавах, кутежах, ни слова о жалобах на него, поступающих со всех сторон. Государыню выслушал. Кофе отведал. Держался скромно, старался больше слушать, нежели говорить.

А Елизавета Петровна меж тем достала из секретера пакет, загодя подготовленный да сургучом опечатанный, протянула ему:

– Вот, свезёшь батюшке. Да так, чтоб одна нога здесь – другая там. Сегодня и выезжай, как от меня выйдешь. Да кланяйся от меня батюшке, уважаю я его, очень уважаю. Родитель мой державный уважал и любил, я люблю и уважаю.

Дорога и не столь уж дальняя, но за рубеж. Город Або (ныне Турку) в восемнадцатом веке был главным городом Або-Бьернеборгской губернии в Финляндии. Он расположен в устье реки Аурайоке, при впадении в Ботнический залив.

Ветром понёсся к отцу отъявленный петербургский дебошир. Всё же поручение государыни! Мчался с максимальной по тем временам скоростью, полагая, что везёт какие-то важные секретные документы или личные поручения государыни по поводу мирных переговоров со Швецией!

Влетел в отцовский кабинет с гордостью необыкновенной. Отец постоянно журил за весёлую разгульную столичную жизнь. Совсем недавно неприятно укололи Петра слова из недавнего письма, в котором резко было выговорено: «Мне пришло до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас…»

А вот тут и оправдание! Раз сама государыня направила – значит, верит, значит, не так уж и порицаемы его шалости.

Отец встретил приветливо, указал на стул, молча взял пакет, потянулся за ножом для бумаги, чтобы вскрыть его.

А возбуждённый ответственным поручением сын соловьём разливался, повествуя, как приняла его государыня, как «кофием поила», как расспрашивала о жизни и службе.

Слушая, отец вроде бы и ещё более потеплел, и поглядывал с улыбкой, пока пакет вскрывал. Но вот вскрыл, достал из него бумагу, государыней писанную, развернул, и лицо побагровело.

– Р-р-розги! – рявкнул Александр Иванович во всю силу своего генеральского голоса.

Пётр оторопело посмотрел на отца, заговорил торопливо:

– Батя, батя, ты что ж это, батя, никак сечь меня задумал? Как можно, батя? Я ж полковник!

– Снимай мундир… Да быстро на лавку! Ничего твоему мундиру не сделается. Я буду сечь не полковника, а сына…

И ведь высек, да как ещё высек молодого гвардейского полковника! Осталось только неизвестно, что конкретно о делах государственных написала генерал-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву императрица Елизавета Петровна. Может, и ничего. Известно лишь, что пожаловалась она на проделки, да и совет дала – тут слово «повелела», наверное, неуместно – именно посоветовала настоятельно: высечь сына-полковника, да и женить поскорее, ведь во все времена считалось, что жениться – значит остепениться.

Исторический писатель, сын знаменитого русского историка Н. Н. Бантыш-Каменского Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей Русской земли» на это событие отозвался следующим образом:

«Чем занимался в то время будущий герой России? Он удальством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окружённый солдатами, в виду их торжествовал над непреклонными, обучал батальон, в костюме нашего прародителя, перед домом одного ревнивого мужа; заплатил другому двойной штраф за причинённое оскорбление и в тот же день воспользовался правом своим, сказав, что он не может

жаловаться, ибо получил уже вперёд удовлетворение! Проказы Румянцева, доведённые до Высочайшего сведения, заставили Императрицу Елизавету Петровну, во уважение заслуг графа Александра Ивановича, отправить к нему виновного с тем, чтобы он, как отец, наказал его. К чести графа Петра Александровича должно сказать, что и в полковничьем чине перед отцом он был покорен, как ребёнок. События эти, не подверженные сомнению, открывают нам, как неосновательно судить о людях по начальным их действиям!»

В результате этих обоюдных и согласованных действий императрицы Елизаветы Петровны и отца юного проказника Пётр Румянцев в столицу вернулся лишь для того, чтобы с невестой познакомиться да под венец встать, а вслед за тем получил новое назначение, но уже вовсе не в гвардию. Направлен он был командовать Воронежским пехотным полком – подальше от петербургских своих компаний.

Наверное, уж не без воли императрицы назначение это сделано было. Благоволила Елизавета Петровна к Румянцевым. Потому-то забияка Пётр по службе продвигался с быстротой непостижимой.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Художник И. Я. Вишняков

Казалось бы, какое всё это имеет отношение к престолу да к драмам и тайнам династическим. Но это далеко не так. Вспомним проклятие Марины Мнишек, вспомним казнь её сына-младенца. Тут ведь вопрос-то очень и очень сложный, сложный и деликатный… И оставлять нельзя было младенца в живых, поскольку через него много бед могло прийти на Русскую землю. А казнить можно ли? Ответ пришёл к Романовым… Уже упоминалось о трагических судьбах сыновей Алексея Михайловича, об убиении его внука – царевича Алексея, о ранней смерти правнука, мелькнувшего на троне под именем Петра Второго. Мы ещё поговорим о судьбе отпрыска хоть и не по мужской линии, но всё же отпрыска Романовых Иоанна Антоновича.

А пока коснёмся судьбы потомства Петра Александровича Румянцева. Ведь если поверить в слухи, что он сын Петра Первого, то есть потомок рода Романовых, то и дети его Романовы по крови.

В невесты императрица выбрала Петру Александровичу Екатерину Михайловну Голицыну – дочь знаменитого петровского полководца, князя Михаила Александровича Голицына.

Бракосочетание состоялось в 1748 году.

На некоторое время Пётр Александрович действительно несколько остепенился. Во всяком случае, первые годы после венчания в семье были мир и согласие.

Первой родилась дочь Татьяна, но, к сожалению, она скоро умерла.

В 1751 году родился сын Михаил, впоследствии генерал-лейтенант, сенатор, действительный тайный советник.

Вторым сыном был Николай, родившийся в 1754 году. Он пошёл по гражданской линии, стал канцлером, слыл меценатом, известен тем, что основал Румянцевский музей.

Не менее знаменит и третий сын, Сергей, родившийся в 1755 году. Он выбрал дипломатическое поприще, но известен также как писатель. Сергей Петрович, подобно брату, занялся организацией работы Румянцевского музея в Петербурге.

И что же? Ни один из трёх сыновей не оставил потомства!

Случай?! Но ведь, как уже говорилось, «случай есть псевдоним Бога, когда Он не хочет подписываться собственным именем». Так сказал Анатоль Франс, несколько видоизменив то, что озвучили мыслители древности.

Для чего я коснулся этой истории и этой тайны, скажу в заключительной главе, ибо в период царствования императрицы Елизаветы Петровны незримо произошли события, вызванные полтора столетия назад отравлением Ивана Грозного, его сына царя Фёдора, устранением поднявшей Русь династии Рюриковичей и обрушением России в беспредел Смутного времени.

Настало время развернуть вспять деяния тёмных сил Запада по разрушению России.

Под прицелом клеветников

Так уж повелось, к сожалению, что лучшие русские государи подвергались самой безобразной клевете, и особенно изощрялись пасквилянты, заточенные на интимные темы.

Пытались оклеветать даже вдову Дмитрия Донского, причём выдумывали о ней всякие небылицы ещё при жизни. Историк Александр Нечволодов писал в «Сказаниях о Русской земле»:

«Ведя строго подвижническую жизнь, Евдокия Дмитриевна, следуя примеру своего мужа, держала это в тайне, а на людях показывалась всегда с весёлым лицом, нося богатые одежды, украшенные жемчугом. Конечно, она делала это, чтобы являться в глазах толпы с видом, подобающим высокому званию великой княгини. Однако некоторые злонамеренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного из её сыновей – Юрия. Юрий в беспокойстве сообщил о них матери. Тогда Евдокия Дмитриевна созвала детей в молельню и сняла часть своих одежд. Увидя худобу её тела, изнурённого постом и измученного веригами, они ужаснулись, но Евдокия Дмитриевна просила их не говорить об этом никому, а на людские толки о ней советовала не обращать внимания».

Известно, как оклеветали мать Ивана Грозного, правительницу Елену Васильевну Глинскую, придумав, что она «позорила мужнее ложе» с князем Овчиной-Оболенским, хотя никаких оснований для подобных утверждений не было.

Ну и наверное, более всех досталось Екатерине Великой. Даже некоторые известные историки запятнали себя подсчётами фаворитов, ну а уж пасквилянты попроще доходили до абсурда. Каких только гадостей не навыдумывали. Иные авторы, забыв о чести и совести, со знанием дела списки фаворитов составляли.

Конечно, не избежала нападок и Елизавета Петровна, хотя ей уделено было внимания гораздо меньше. И это объяснимо – клеветали в большей степени на тех государей и государынь, которые принесли более пользы России.

Что же касается Елизаветы Петровны, то мне понравилось то, как написал о её добрых и тёплых отношениях с племянником, ставшим императором Петром Вторым, историк Евгений Анисимов:

«У автора нет никакого желания выяснять, как далеко зашла нежная семейная дружба тётки и племянника, хотя сплетен вокруг этого сохранилось немало. Пусть Пётр и Елизавета останутся в нашей памяти такими, какими их увидел и изобразил на своей картине художник Валентин Серов: два изящных

наездника на великолепных конях летят по осеннему полю, и юноша-император догоняет и не может догнать ускользающую от него Диану – красавицу с манящей улыбкой на устах…»

Ну а что касается фаворитизма уже не цесаревны, а императрицы Елизаветы Петровны, то тут можно вполне применить то, что писал о Екатерине Великой адмирал Павел Васильевич Чичагов в своём мемуарном труде «Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал»: «Всё, что можно требовать разумным образом от решателей наших судеб, то – чтобы они не приносили в жертву этой склонности (имеется в виду любовь. – *Н.Ш.*) интересов государства».

Кстати, императрица Екатерина говаривала: «Приближая к себе молодых людей, я приношу пользу государству, воспитывая из них государственных деятелей».

Посмотрим, кем же были те, кто считался фаворитами Елизаветы Петровны, и какую пользу приносили они России.

Об Алексее Разумовском говорить не будем. Всё-таки он не фаворит, а законный, хотя и тайный, супруг. Да и после того, как Елизавета Петровна сошлась с ним, за ней никаких романов долгое время не числилось, за исключением одного – романа с Иваном Ивановичем Шуваловым. Он появился при дворе в 1749 году, и появление его отметила в своих «Записках…» в ту пору великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина Вторая: «Я вечно его находила в передней с книгой в руке. Я тоже любила читать, и вследствие этого я его заметила; на охоте я иногда с ним разговаривала; этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться… Ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава».

П. В. Чичагов. Неизвестный художник

Историк Сергей Соловьёв в своём знаменитом труде писал: «Ив. Ив. Шувалов… среди тогдашней знати отличался мягкостью, людскостью обращения… прежде всего старался сохранить со всеми добрые отношения, особенно же с людьми, выдающимися заслугами и способностями, старался казаться совершенно беспристрастным, свободным от воззрений своих родственников графов Петра и Александра Шуваловых, старался “благородным учтивством” и услугами сделать свой фавор приятным и желанным».

Что же касается самого факта фаворитизма, то в те времена это было делом совершенно привычным, причём при многих дворах. Не являлось зазорным и то, что государыня годилась в фавориту в матери.

Но как же быть с Алексеем Григорьевичем Разумовским? Отставка? Ведь появился новый фаворит. Да, фаворит появился, но в том-то и дело, что Разумовский не был фаворитом. Он, венчанный супруг, пусть и супруг тайный, оставался навсегда

близким и дорогим человеком. Ну а что касается увлечения Шуваловым, то тут объяснений можно придумать множество, причём именно придумать, поскольку прямых, документальных указаний на то, до каких пределов доходили отношения между этим молодым подданным и государыней, нет.

Не только в данном случае, но и во множестве других исследователям тайн чужих постелей можно пользоваться только одними предположениями, поскольку – позвольте здесь применить очень к месту циничную поговорку – свечку никто не держал. Я уже приводил слова Екатерины Великой о молодых людях, которых она приближала к себе. Но ведь она не сказала, до каких пределов приближала. Определение этих пределов, их исследование недостойно порядочного биографа, они относятся к сведениям, именуемым ЧБС. Исследование постельных подробностей, когда речь идёт о государях, а особенно о государынях, низко. Лучше пользоваться данными о том, что происходило прилюдно и чему свидетелями были современники.

Вот представьте… В 1749 году на балу во дворце появляется молодой человек, камер-юнкер. Этот чин Иван Шувалов получил благодаря протекции старших братьев, которые уже достигли определённого положения в обществе. Двоюродных братьев.

Старший брат Пётр Иванович Шувалов (1711–1762) служил пажом ещё в последние годы царствования Петра Первого, удержался при дворе в годы царствования Екатерины Первой и Петра Второго, став в период правления Анны Иоанновны камер-юнкером при дворе цесаревны Елизаветы Петровны. Принял активное участие в перевороте и тридцати лет от роду стал камергером взошедшей на престол императрицы. Причём в то же самое время был произведён в поручики лейб-гвардии и генерал-майоры.

Женился на близкой подруге Елизаветы Петровны Мавре Егоровне Шепелевой, обладавшей, по отзывам современников, «проницательным умом, прекрасным знанием людей, в особенности человеческих слабостей».

Разумеется, близость к императрице отразилась на быстром возвышении её мужа, Петра Шувалова, который в 1744 году стал генерал-поручиком и сенатором, спустя два года получил графский титул, а в 1748 году стал генерал-адъютантом императрицы.

Его младший брат Александр Иванович был причислен ко двору Елизаветы Петровны, в ту пору ещё цесаревны, в 1741 году, незадолго до переворота, и занял скромную должность управляющего дворцовым хозяйством. Принял самое активное участие в подготовке и проведении переворота, приведшего на

престол Елизавету Петровну, ну и пошёл после этого вверх по служебной лестнице и в 1746 году сменил на посту руководителя Тайной канцелярии Ушакова, получив в качестве одной из задач особой важности надзор над брауншвейгской семейкой, отбывавшей ссылку. Поручила ему императрица и контроль за малым двором великого князя Петра Фёдоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны.

Именно старшие двоюродные братья Пётр и Александр решили приблизить ко двору 18-летнего Ивана Шувалова, даже не ожидая, во что выльется эта их затея.

Сама ли Елизавета Петровна обратила внимание на задумчивого юного красавчика, появившегося при дворе, или каким-то образом подсказала подруга Мавра Егоровна, только приглянулся государыне молодой человек.

Заговорила. Поразилась его начитанностью, рассудительностью и умением держать себя скромно, но с достоинством.

Ну а дальше? Дальше не будем вдаваться в подробности. Это уже дело двух людей, между которыми пробежала всепобеждающая искра любви и воспламенила сердца.

Ну а что касается разницы в возрасте, то историк Анисимов метко заметил: «В истории долгой связи Елизаветы и Шувалова была своя тайна. Трудно развивать эту интимную тему, но и умолчание о ней было бы ханжеством и лицемерием. Можно сказать, определённо, что не юный Шувалов стал инициатором этой близости… К закату своей жизни ослепительная красавица Елизавета панически боялась малейшего упоминания о смерти, она отчаянно бежала от старости, безобразившей её прекрасное лицо. Между тем люди в тот век старились быстро, к тому же государыня вела весьма неумеренный, полуночный образ жизни…»

Тут можно только добавить. Что касается близости, то она подразумевается лишь на основании того, что как же, мол, без неё. Конечно же, была… Иначе быть не может. Привычный аргумент, не допускающий иных отношений. Странное дело… Скажи иным историкам, мол, Иван Грозный сына-то не убивал. Сразу заявляют: докажи, что не убивал! То есть доказательств того, что убил, не требуется. Мол, вон, посмотрите на картину Репина, там всё сказано! Прямо скажем, доказательство в духе тёмного Запада. Или скажи хулителям Екатерины, что не было у неё близости с фаворитами, кроме тех пяти, которых она сама признала в «Чистосердечной исповеди», адресованной Потёмкину. Опять-таки услышишь, мол, докажи, что не было… То есть что-то порочащее доказывать не надо. А вот чтобы

опровергнуть, скажем, бредни Антонио Поссевино, придумавшего, что Иван Грозный дважды убил своего сына, нужно на основе документов. Так устроены выдумки, ныне именуемые фейками, как видим, и прежде, и теперь совершенно не требующими доказательств.

В том-то и сложность в разборе любовных драм великих людей, что приписано бездоказательно очень и очень много. И всё как бы утвердилось в науке история, которая, по меткому определению Льва Толстого, «есть ложь, о которой договорились историки».

Как бы то ни было, Иван Иванович Шувалов занял очень высокое положение у трона государыни, но даже злопыхатели не смогли его ни в чём упрекнуть, поскольку сделал он не столько для государыни, сколько для России очень и очень много.

А лучшим образом характеризует этого удивительного человека его ответ на предложение о возведении в графское достоинство: «Могу сказать, что рождён без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности; когда я, милостивый государь, ни в каких случаях к сим вещам моей алчбы не казал в таких летах, где страсти и тщеславие владычествуют людьми, то ныне истинно и более причины нет».

И строки из письма к сестре: «Благодарю моего Бога, что дал мне умеренность в младом моём возрасте, не был никогда ослеплён честьми и богатством, и так в совершеннейших годах ещё меньше быть могу».

Не буду перечислять, сколько сделано Иваном Шуваловым для России. Коснусь лишь одного факта. Именно стараниями Шувалова основан в 1755 году Московский университет, причём он определил датой основания день святой Татьяны – 25 января, посвятив это событие своей матери Татьяне Родионовне, которая сумела воспитать его и дать хорошее образование, несмотря на то что потеряла мужа, гвардейского офицера, сражённого в бою за Отечество.

Современники окрестили Шувалова «министром новорождённого русского просвещения». Кстати, судьба распорядилась так, что он учился у того же учителя, что и Александр Васильевич Суворов, и он же представил будущего соправителя Екатерины Великой Григория Потёмкина, «гений которого (в будущем) царил над всеми частями русской политики», Елизавете Петровне в числе 12 лучших воспитанников Московского университета, разгадав в талантливом юноше необыкновенные способности. Вместе с Потёмкиным в числе тех двенадцати отличников был представлен и Денис Фонвизин.

К Шувалову с большим уважением относился наш великий

учёный Ломоносов. Сохранилось письмо Михаила Васильевича, касающееся создания Московского университета:

«Милостивый государь Иван Иванович! Полученным от Вашего Превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сём случае довольно я ведаю, сколь много природное Ваше несравненное дарование служить может, и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет Вашему Превосходительству не бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, Вами сочиненной. Но ежели ради краткости времени, или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую Вашего Превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить моё мнение о учреждении Московского университета кратко вообще».

Шувалов с Ломоносовым подробно обсуждали план создания университета, определяли, какие необходимо иметь факультеты и кафедры.

Историк Евгений Анисимов отметил:

«В конце жизни императрицы Шувалов был единственным её докладчиком, готовил тексты указов и объявлял сановникам её решения. И при этом фаворит никакой выгоды не извлёк. Он оказался бессребреником. Разумеется, фаворит императрицы не бедствовал, но всё же никто не мог прошипеть ему вослед: “Вор!” Остаться, да ещё так долго, у кормушки власти честным, бескорыстным, незапятнанным человеком – подвиг редкостный. Рассказывали, что после смерти Елизаветы Иван Шувалов передал её преемнику императору Петру III миллион рублей – прощальный подарок государыни. Этот поступок Шувалова вполне соответствует всему, что мы о нём знаем. Известно также, что после смерти Елизаветы и отставки он часто занимал деньги у своей сестры. Он был просто не очень богат для вчерашнего фаворита императрицы. И в этих его качествах кроется одна из причин долгого фавора Шувалова. Всегда подозрительная к малейшим попыткам фаворитов использовать её любовь к ним в ущерб её власти, Елизавета безгранично доверяла Шувалову, потому что не раз убедилась в его бескорыстии и порядочности».

И. И. Шувалов. Художник Ф. С. Рокотов

Кто же стал отцом наследника престола?

На протяжении всего царствования Елизавету Петровну волновал вопрос о том, кому же достанется в дальнейшем престол русских царей. Когда она поняла, что передавать его племяннику не просто глупо, но даже преступно, решила дождаться сына от Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны, чтобы его воспитать самой и объявить наследником престола. Но тут случилось то, что она не могла предвидеть. Потомства у великокняжеской четы не получалось. Надо было как-то выходить из положения…

Решение могло быть только одно: ребёнок должен родиться, и родить его должна великая княгиня Екатерина Алексеевна, супруга наследника российского престола, от великого князя Петра Фёдоровича или родить якобы от него, что должно содержаться в величайшей тайне.

После того как прошло целых девять лет после свадьбы и стало ясно, что нужного результата от супружеской пары не будет, провели медицинское освидетельствование великого князя. Но конкретизировать то, что определили врачи, не будем. Отметим только суть. Освидетельствование показало, что Пётр Фёдорович не способен стать отцом.

Тогда кто же им должен стать? Вот об этом и поговорим в очередной главе.

Посмотрим, что же об этом писала сама Екатерина Великая. А рассказала она в своих «Записках…» об одной весьма любопытной беседе с графиней Марией Симоновной Чоглоковой, статс-дамой при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Екатерина прекрасно знала, что Чоглокова, урождённая Гендрикова, являлась по линии матери своей Христины Самуиловны Скавронской родной племянницей Екатерине I Алексеевне и двоюродной сестрой императрице Елизавете Петровне. То есть вполне доверенной особой государыни.

Так вот, Екатерина в своих «Записках…» рассказала:

«Между тем Чоглокова, вечно занятая своими излюбленными заботами о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала:

– Послушайте, я должна поговорить с вами очень серьёзно.

Я, – писала Екатерина, – понятно, вся обратилась в слух; она с обычной своей манерой начала длинным разглагольствованием о привязанности своей к мужу, о своём благоразумии, о том, что

нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегчения или отягощения уз супруга или супруги, а затем свернула на заявление, что бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правил.

Я дала ей высказать всё, что она хотела, не прерывая и вовсе не ведая, куда она клонит, несколько изумлённая и не зная, была ли это ловушка, которую она мне ставит, или она говорит искренно. Пока я внутренне так размышляла, она мне сказала:

– Вы увидите, как я люблю своё Отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтения: представляю вам выбрать между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то последний.

На что я воскликнула:

– Нет-нет, отнюдь нет.

Тогда она мне сказала:

– Ну, если это не он, так другой, наверно.

На это я не возразила ни слова, и она продолжала:

– Вы увидите, что помехой вам буду не я.

Я притворилась наивной настолько, что она меня много раз бранила за это как в городе, так и в деревне, куда мы отправились после Пасхи».

По поведению Чоглоковой Екатерина не могла не понять, что всё идёт от императрицы и что кандидаты в отцы наследника уже обсуждены, но выбор оставался за нею самой…

А вот по какому принципу они были подобраны, понять очень важно.

Лев Нарышкин был младшим сыном двоюродного брата Петра Первого, Александра Львовича Нарышкина, и статс-дамы Елены Александровны Апраксиной, внучки Петра Матвеевича Апраксина. В 1751 году был назначен камер-юнкером при дворе великого князя Петра Фёдоровича. Фактически он был дальним родственником императрицы.

А вот Сергей Салтыков происходил из ещё более знаменитого рода, восходящего в дальних коленях к Рюриковичам.

В «Чистосердечной исповеди», которую императрица Екатерина Вторая адресовала Григорию Александровичу Потёмкину незадолго до их венчания, она открыто заявила о своих отношениях с молодым красавцем:

«Марья Чоглокова, видя, что чрез девять лет обстоятельствы остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла инаго к тому способа, как обеим сторонам зделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на

мысли имела. С одной стороны, выбрали вдову Грот… а с другой – Сергея Салтыкова…»

Владислав Ходасевич, внимательно изучавший биографию Павла I, не мог обойти стороной его происхождение. Он проанализировал всё то, что было известно о способностях Петра Фёдоровича, и выяснил, что с помощью некоего Брессана, камер-лакея Петра Фёдоровича, в Ораниенбауме отыскали «хорошенькую вдову г-жу Грот, согласившуюся “испытать” Великого Князя». Об этой вдове Грот императрица упоминала в «Чистосердечной исповеди», написанной ею 21 февраля 1774 года и адресованной Григорию Александровичу Потёмкину.

С. В. Салтыков. Неизвестный художник

Пётр Фёдорович испытания не выдержал. Но надо было каким-то образом доказать обществу способности великого князя к деторождению, ведь двор уже заговорил о романе Сергея Салтыкова и великой княгини Екатерины. Лучший способ бороться со слухами – распустить другие слухи. В распускании

слухов принял участие и Сергей Салтыков, который, сумев втереться в доверие к великому князю, уговорил обратиться к врачам, которых сам и предложил, поскольку их задача была если не вылечить, то, по крайней мере, объявить об излечении и хотя бы в глазах общества «сделать его настоящим мужем Екатерины».

Обращение к врачам не привело к излечению, и спустя три года, когда Екатерина родила дочь Анну, Пётр Фёдорович заявил в кругу близких ему друзей, что бог знает откуда берутся беременности у его жены, что он совершенно ни при чём и не знает, должен ли принимать на свой счёт рождающихся детей. Разве это не является ещё одним доказательством того, что Павел Петрович не его сын?!

Владислав Ходасевич отметил:

«Салтыков не только считал себя отцом ребёнка, но и позволял себе впоследствии намекать на это при иностранных дворах».

В «Чистосердечной исповеди» Екатерина II сообщила: «По прошествии двух лет Сергея Салтыкова послали посланником, ибо он себя нескромно вёл, а Марья Чоглокова у Большого Двора уже не была в силе его удержать».

Он был отправлен в Швецию и Саксонию с известием о рождении наследника Павла.

В своих «Записках…» императрица упомянула об этом посольстве:

«Я узнала, что поведение Сергея Салтыкова было очень нескромно и в Швеции, и в Дрездене; и в той и в другой стране он, кроме того, ухаживал за всеми женщинами, которых встречал».

Кроме чего? Императрица не указала, но, скорее всего, ей не нравились его намёки на то, что он является отцом Павла.

Таким образом, Павел уже не являлся потомком ни Романовых, если брать во внимание официальную историю, ни той зарубежной ветви, которая могла возникнуть, если всё-таки Пётр Алексеевич, сын Алексея Михайловича Тишайшего, был подменён во время путешествия в Европу. Эту версию официальная история не принимает, но и не в силах опровергнуть, поскольку слишком много фактов, не имеющих иного объяснения.

Портрет великого князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I, в детстве. Художник А. П. Антропов

Впрочем, нам не столь важно в данном случае, повторяю, именно в данном случае, чей род был прерван в династической линии русских царей. Важно другое – великий князь Павел был сыном русского графа Сергея Васильевича Салтыкова и дочери сына или, что тоже возможно, внука русского князя Ивана Юрьевича Трубецкого, дальнего потомка Рюриковичей. А потому профессор Игорь Панарин, который ныне часто выступает с небольшими и злободневными видеороликами, абсолютно прав, называя Екатерину Великую Рюриковной.

То есть именно в царствование императрицы Елизаветы Петровны было положено начало возвращению на престол русских государей династии Рюриковичей, разумеется, возвращению совершенно секретному, возвращению по крови.

Только начало, поскольку великий князь Пётр Фёдорович всё ещё оставался наследником престола и в случае смерти Елизаветы Петровны автоматически становился российским

императором.

Оставался и ещё один отпрыск Романовых – Иоанн Антонович, заточённый в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается его братьев и сестёр, то специальным, тоже секретным указом им запрещалось выходить замуж и иметь детей, причём наверняка под страхом смерти. Хотя два брата и две сестры Иоанна Антоновича прожили достаточно, чтобы иметь потомство. Это было сделано в целях пресечения попыток новых дворцовых переворотов. Содержались же Антон Ульрих и Анна Леопольдовна с детьми в большой строгости. Не дозволялись контакты с кем-либо, кроме местных крестьян, да и то из прислуги. Прогулки разрешались лишь в пределах 200 сажен от места содержания. Охрану осуществляла воинская команда со штаб-офицером во главе. Архангельскому губернатору было вменено в обязанность периодически посещать ссыльных и докладывать об их состоянии в Петербург. Обучение детей, в том числе и иностранным языкам, не проводилось. На русском же они общались только с безграмотной прислугой.

Конечно, положение незавидное, но каков же мог быть выход? Сколько бед претерпела Россия из-за время от времени появлявшихся самозванцев! Так что, думаю, повинен в необходимости таковых строгостей прежде всего, как называют его теперь, коллективный Запад. Именно он постоянно мутил воду и искал малейшие поводы, чтобы развязать смуту.

Эпоха дворцовых переворотов была в разгаре. Первый её этап, пришедшийся на начало века, оставил царствованию императрицы Елизаветы Петровны тяжёлое наследство. Именно этот период обеднил династию настолько, что с трудом удавалось выбрать наследника престола. Вспомним, что императрице Анне Иоанновне в своё время пришлось пойти на беспрецедентный указ – объявить наследником престола ещё не только не родившегося, но даже и не запланированного сына своей племянницы Анны Леопольдовны. То есть судьба Иоанна Антоновича была определена ещё задолго до его рождения, когда мать даже замужем не была.

В начале царствования Елизаветы Петровны незримо существовали три враждебные группировки. Одна – непосредственно её, императрицы, вторая – брауншвейгская, фактически созданная ещё Анной Иоанновной при её жизни, и третья – группировка Лопухиных, разгромленная в 1743 году после попытки покушения на Елизавету Петровну.

Зыбок был престол, заговоры тлели в недрах знати.

Ну а судьба двух сыновей и двух дочерей Анны Леопольдовны хоть и сложна, но не так трагична, как старшего, Иоанна

Антоновича.

Анна Леопольдовна умерла от родовой горячки, а Антону Ульриху Екатерина Вторая вскоре после восшествия на престол разрешила вернуться к себе на родину, но он остался с детьми, и умер в Холмогорах.

В марте 1780 года императрица Екатерина Вторая, видимо, почувствовав, что достаточно укрепилась на троне, решила облегчить участь детей Анны Леопольдовны. Она обратилась с письмом к сестре Антона Ульриха, Юлиане Марии, к тому времени ставшей королевой Дании, предложив переселить племянников королевы в одно из глухих мест в Датских владениях.

В результате переговоров было определено место поселения – городок Горсенс (ныне Хо́рсенс), что располагался на востоке полуострова Ютландия, и, как говорится в «Википедии», «в ночь на 30 июня на фрегате “Полярная звезда” принцы и принцессы отплыли от берегов России, щедро снабжённые одеждой, посудой и прочими необходимыми вещами. Для содержания их в Горсенсе Екатерина II назначила каждому из них пожизненную пенсию в 8000 рублей. Эта сумма выдавалась от русского двора полностью по 1807 год, то есть до кончины последней представительницы этого семейства».

К началу XIX века в живых осталась одна Екатерина Антоновна. В 1803 году она, уже в возрасте 64 лет, обратилась с письмом к императору Александру Первому, умоляя разрешить ей вернуться в Россию и жалуясь на притеснение местных властей. «Я плачу каждый день, – писала она на русском языке с огромным количеством орфографических и стилистических ошибок, – и не знаю, за что меня послал сюда Бог и почему я так долго живу на свете. Я каждый день вспоминаю Холмогоры, потому что там для меня был рай, а здесь – ад».

Можно себе представить, каково ей было на прогнившем, беспринципном и лицемерном Западе, если ссылка, а ссылки в России не были лёгкими, казалась раем. Император ничего не ответил. Екатерина Антоновна умерла в 1807 году. На том и прервалась окончательно оставшаяся ветвь, имевшая хоть какое-то отношение к Романовым.

Но я забежал далеко вперёд. В годы царствования императрицы Елизаветы Петровны ещё здравствовали и её племянник, и правнук царя Ивана Алексеевича, единокровного брата Петра Первого. Может, конечно, слово «здравствовали» и не совсем здесь подходит. Несостоявшийся Иван VI, конечно, не мог отличаться ни физическим, ни нравственным здоровьем, не был здоров и великий князь Пётр Фёдорович. Сохранились донесения

английских и французских послов, которые прямо сообщали своим правительствам, что он вряд ли доживёт до того момента, когда настанет час ступить на престол.

Ничего удивительного. Когда писались эти донесения, императрице не было и пятидесяти лет. Но здоровье её, как бы она ни молодилась и как бы ни скрывала накопившиеся от весёлой жизни болячки, оставляло желать лучшего. В годы Семилетней войны даже сражения на театре военных действий порой зависели от состояния императрицы. Когда здоровье ухудшалось, боевые действия затухали, поскольку некоторые военачальники опасались того, что вот-вот взойдёт на престол приверженец прусского короля Фридриха Второго Пётр Фёдорович. Но едва становилось лучше, боевые действия активизировались.

Историк Вольдемар Балязин в книге «Тайны дома Романовых» писал о том, что к лечению императрица относилась не очень серьёзно, хотя и боялась смерти:

«Врачи давали ей лекарства, и она их принимала, но когда те же врачи давали ей благие советы, требуя воздержания в пище и питье, она отмахивалась от целителей, как от надоедливых мух, и продолжала вести себя как прежде, отказавшись только от парадных обедов, балов и дворцовых выходов. Затем вдруг впала в другую крайность – перестала употреблять скоромную пищу. В марте 1760 года её врач Пуассонье приходил в отчаяние потому, что Елизавета Петровна, ссылаясь на Великий пост, отказывалась выпить бульон, предпочитая греху грозящую ей смерть от отёка легких».

Долгое время состояние здоровья удавалось скрывать от общества. Истинное положение знали только Алексей Григорьевич Разумовский, Иван Иванович Шувалов и ещё некоторые, немногие приближённые придворные.

Историк Н. И. Павленко отметил: «Первый припадок зарегистрирован осенью 1744 г. Случались они и позднее, но без ощутимых последствий… Самый сильный приступ случился 8 сентября 1756 г. В этот день Елизавета Петровна отправилась в приходскую церковь в Царском Селе. Едва началась обедня, как императрица почувствовала себя дурно и молча вышла из церкви. Сделав несколько шагов, она потеряла сознание и упала на траву. Никто из свиты её не сопровождал, и она долгое время лежала безо всякой помощи в окружении толпы окрестных крестьян. Наконец появились придворные дамы и доктора, принесли ширму и канапе и тут же пустили кровь. Процедура не помогла. Всё это продолжалось свыше двух часов, после чего императрицу унесли на канапе во дворец, где в конце концов ей вернули сознание и

выходили. И потом хворь посещала её довольно часто: то её лихорадило, то шла кровь носом».

Борьба у трона резко обострилась. В эту борьбу оказалась втянутой и великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Екатерина умница, «а мой племянник – дурак!»

Вот как описывает обстановку последних лет царствования императрицы Елизаветы Петровны автор «Истории Екатерины II» А. Брикнер:

«Мало-помалу вопрос о том, что будет с Россией после кончины императрицы (Елизаветы Петровны), становился жгучим, животрепещущим. При слабом здоровье Елизаветы, при постоянно возобновляющихся и опасных припадках нельзя было не заняться этим вопросом… Пётр сближался преимущественно с лакеями, егерями и псарями. Екатерина… служила предметом внимания наиболее выдающихся сановников, которые, ввиду предстоящей перемены на престоле, искали расположения Екатерины… С особенно напряжённым вниманием английский дипломат Уильямс наблюдал во время начала Семилетней войны за настроением умов при русском дворе. Он сообщал в донесениях своему правительству, что Великая Княгиня весьма деятельна, что её очень любят, но что некоторые люди её боятся; что лица, приближённые к Императрице, стараются сблизиться с нею. То были Разумовские и Шуваловы… Предложение (от Шуваловых. – *Ред*.) было сделано сперва через князя Трубецкого, потом через племянника его, Ивана Ивановича Бецкого. Екатерина отвечала, что согласна сблизиться с Шуваловыми, если они будут вполне содействовать её видам… Шуваловы были важны Екатерине вследствие близких отношений к Императрице Елизавете…»

Как видим, Иван Иванович Бецкой играл немаловажную роль и в решении вопросов, касающихся будущего России. Правда, великая княгиня Екатерина Алексеевна не спешила привлекать его непосредственно к перевороту. На него были другие виды. Екатерина ждала ребёнка от Орлова, и она, зная о том, что Пётр Второй благоволил к Бецкому, рассчитывала, что в случае неудачи он уцелеет и сможет взять на себя заботу о внуке.

Переворот в любом случае дело рискованное. Но в то же время, как показывали события, необходимое.

А. Г. Брикнер, подробно охарактеризовав деяния Екатерины, сделал вывод: «Из всех этих данных видно, каким образом Екатерина была занята мыслью о будущем своём царствовании. Нет сомнения, что тогда уже она мечтала о возможности устранения Петра».

Императрица Елизавета Российская в черной мантилье. Художник П. А. Ротари

В 1757 году французский дипломат писал: «Один Бог ведает, кто будет наследником в случае смерти Императрицы, что может случиться внезапно и даже не считается отдалённым, судя по состоянию здоровья Её Величества… Никто ничего не ожидает от Великого Князя… каждый верит, что есть непременное духовное завещание, сделанное в пользу юного Великого Князя (Павла. – *Н.Ш.*), за исключением его отца; думают, что граф Шувалов будет назначен правителем».

Нет сомнений в том, что Екатерина выслушивала делаемые ей предложения и даже шла на сближение с теми или иными сановниками, но никогда не замышляя каких-либо действий против императрицы Елизаветы Петровны. Она, безусловно, знала, что Пётр ищет любой предлог избавиться от неё и в лучшем случае добиться отправки в Германию, в худшем – в Сибирь. Елизавета Петровна, судя по документам эпохи, понимала это, ибо не воспользовалась целым рядом видимых

причин, чтобы расправиться с Екатериной, а, напротив, в конфликтах между нею и Петром принимала сторону великой княгини. У неё были даже опасения, что Пётр может организовать покушение с целью захвата власти. Те, кто разделял подобные опасения, понимали, что затем последует ссылка или заточение Екатерины и Павла, Пётр же женится на своей фаворитке Воронцовой. Обстановка при дворе накалялась. Активизировали свою деятельность и иностранные дипломаты. Англичане боялись усиления при дворе сановников, более расположенных к Франции, и наоборот.

В то же время французов беспокоила приверженность великого князя Петра Фёдоровича прусскому королю. Россия уже достигла к тому времени такого могущества, не учитывать коего в европейской политике было невозможно. И чем более было признаков того, что дни Елизаветы Петровны сочтены, тем решительнее действовали группировки.

Казалось бы, достаточно прочное положение Екатерины, опирающейся на Разумовских, Шуваловых и Бестужева, сильно пошатнулось после падения последнего. Екатерина считала главным виновником падения Бестужева вице-канцлера Воронцова, который расчищал таким образом дорогу великому князю и своей дочери – фаворитке Петра Фёдоровича – и ослаблял позиции великой княгини. Во всяком случае, арест Бестужева был вызван какой-то коварной клеветой, участником которой, скорее всего, стал великий князь.

Об аресте Бестужева Екатерине первым сообщил Понятовский. Екатерина встревожилась не на шутку. У Бестужева находился документ, который мог дорого ей стоить. Документом тем был манифест, подготовленный для обнародования в случае внезапной кончины императрицы и предоставлявший Екатерине значительную роль в руководстве страной.

Е. Р. Воронцова. Художник А. П. Антропов

Вот что говорится об этом документе в «Записках…»: «Болезненное состояние Императрицы и её частые конвульсии заставляли всех думать о будущем. Граф Бестужев и по месту своему, и по своим способностям, конечно, не менее других должен был заботиться о том, что предстояло. Он знал, что Великому Князю с давних пор внушено к нему отвращение. Ему хорошо была известна умственная слабость этого государя, рождённого наследником стольких престолов. Очень естественно было, что этот государственный человек, как всякий другой, желал удержаться на своём месте. Он знал, что я уже много лет перестала внимать внушениям, которые отделяли меня от него. Кроме того, в личном отношении он, может быть, считал меня единственным существом, на котором, в случае смерти Императрицы, могла быть основана надежда общества. Вследствие таких и подобных размышлений он составил план, чтобы, как скоро Императрица скончается, Великий Князь по праву был объявлен Императором, но чтобы в то же время мне было предоставлено публичное участие в управлении; все лица

должны были оставаться на своих местах; Бестужев получал звание вице-президента в трёх государственных коллегиях: иностранной, военной и адмиралтейской. Таким образом, желания его были чрезмерны».

Екатерина, поблагодарив Бестужева, приславшего ей манифест «за добрые намерения», однако возражала ему, ссылаясь на неисполнимость прожектов. Бестужев продолжал работать над документом, переделывая его много раз. Екатерина не перечила Бестужеву, как она говорила, «упрямому старику, которого трудно было разубедить, когда он что-нибудь забирал себе в голову». Но считала вредным в трагический для государства момент (смерть государыни) разжигать конфликт между собой и Петром Фёдоровичем. Таким образом, этот документ был, вполне возможно, не только безобидным, но и неисполнимым, к тому же и не разделяемым самой великой княгиней, но именно существование его ставило её в весьма опасное положение – почти на край гибели…

А вскоре стало известно и то, что открыта переписка Бестужева с Понятовским. «Тем не менее, – писала Екатерина, – я была убеждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малейшего упрёка».

И действительно, ничего антигосударственного не было ни в манифесте, ни в переписке Понятовского. Что же касается личных взаимоотношений Екатерины и Понятовского, то Елизавета Петровна давно была в курсе их, но не препятствовала, ибо понимала, кто есть Пётр Фёдорович. Но!.. Она ведь сама призвала его в Россию, сама сделала наследником престола, и теперь деваться было некуда. Приходилось терпеть и надеяться на то, что ещё удастся устроить всё в пользу смышлёного, одарённого, физически крепкого великого князя Павла.

Конечно, если бы Елизавета Петровна узнала о манифесте, заранее подготовленном на случай её смерти, вряд ли бы пришла в восторг, что бы там ни содержалось. Разве ж могли быть приятны размышления придворных и близких, ожидающих кончины государыни, самой государыне?

И потому у Екатерины отлегло от сердца, когда ей сообщили верные люди, что Бестужев успел сжечь манифест. Но были найдены её письма к осуждённому Апраксину, которые, правда, призывали его к храбрым и решительным действиям и потому не составляли криминала. Открыты были и тесные отношения с Бестужевым.

А. Г. Брикнер отметил: «Падение Бестужева не могло не уничтожить, хотя бы временно, многих надежд Екатерины. Канцлер был её сильным союзником и другом; через него она

принимала участие в управлении голштинскими делами, через него она могла надеяться достигнуть участия в управлении Россией после кончины Елизаветы».

Великий князь, сподвижники которого заявляли меж собой о Екатерине: «Надо раздавить змею», – падению Бестужева радовался особенно.

В те дни Екатерина писала Понятовскому: «Хотя я в крайней горести ныне, но ещё надежду имею, что несказанные Божие чудеса и в сём случае помогут надеющимся на него».

Предстоял серьёзный разговор с Елизаветой Петровной.

Портрет графа А. П. Бестужева-Рюмина. Художник Л. Токке

Екатерина Алексеевна понимала, что он не может быть лёгким, ведь, несмотря на то что в целом царствование этой государыни отличалось некоторыми мягкостью и кротостью по сравнению с правлениями предшествующими, в нём ещё

сохранялось слишком «много грубого, отдававшего Петровской эпохой». Елизавета Петровна унаследовала отцовскую вспыльчивость. Биографы отмечают, что она нередко «собственноручно колотила придворных по щекам и обладала доведённой до виртуозности способностью браниться, бранилась с чувством и продолжительно, припоминая все ранее нанесённые ей обиды, делая колкие намёки и изливая целые потоки не нежных, не идущих к делу и наивных слов».

Впрочем, как отметил историк М. Богословский в книге «Три века», «такие вспышки гнева не влекли за собой серьёзных последствий для тех, кто им подвергался, и проходили так же быстро, как появлялись, уступая место искренним порывам доброты, сентиментальному настроению, грусти и слезам».

В то же время было известно и о том, что императрица вполне могла пойти и на крайнюю суровость, даже жестокость к подданным, если считала это необходимым для дела государственной важности, или, по крайней мере, так ей казалось. Безусловно, Екатерина Алексеевна знала о так называемом дамском заговоре, окончившемся плачевно для заговорщиков. Правда, Екатерина Алексеевна против императрицы ничего не замышляла, но ведь заинтересованным лицам доказать злой умысел в её действиях с помощью пыток выбранных для того придворных особого труда не составляло. Тем более разговоры о том, что великая княгиня вполне может украсить престол, постоянно шли по городу.

Состояние императрицы ухудшалось. Вольдемар Балязин писал: «С конца пятидесятых годов Елизавета Петровна стала часто и подолгу болеть. Нередко случались у неё истерические припадки. Из-за невоздержанности в еде и всяческого отсутствия режима постоянно шла кровь носом, а потом открылись и незаживающие, кровоточащие раны на ногах. За зиму 1760–1761 года она участвовала только в одном празднике, всё время проводя в своей спальне, где принимала и портных, и министров. Она и обеды устраивала в спальне, приглашая к столу лишь самых близких людей, так как шумные и многолюдные застолья уже давно стали утомлять больную императрицу, недавно перешагнувшую пятидесятилетний рубеж. Пословица “Бабий век – сорок лет” в XVIII столетии понималась буквально, ибо тогда было совершенно иным восприятие возрастных реалий: двадцатилетняя девушка считалась уже старой девой, а сорокалетняя женщина – старухой».

Чего же могла ожидать Екатерина Алексеевна в том случае, если клевета на неё, будто бы она рвётся к власти, достигла бы цели и императрица Елизавета Петровна сочла бы её опасной

соперницей? Нужно было как-то убедить государыню в том, что она не ищет трона, что, если это нужно для общего дела, готова покинуть Россию.

Вот как вспоминала она об этом в «Записках…»: «Решение моё было принято, и я смотрела на мою высылку или не высылку очень философски; я нашлась бы в любом положении, в которое Провидению угодно было бы меня поставить, и тогда не была бы лишена помощи, которую дают ум и талант каждому по мере его природных способностей; я чувствовала в себе мужество подниматься и спускаться, но так, чтобы моё сердце и душа при этом не превозносились и не возгордились, или, в обратном направлении, не испытали ни падения, ни унижения. Я знала, что я человек и тем самым существо ограниченное и неспособное к совершенству; мои намерения всегда были чисты и честны; если я с самого начала поняла, что любить мужа, который не был достоин любви и вовсе не старался её заслужить, вещь трудная, если не невозможная, то, по крайней мере, я оказала ему и его интересам самую искреннюю привязанность, которую друг и даже слуга может оказать своему другу или господину; мои советы всегда были самыми лучшими, какие я могла придумать для его блага; если он им не следовал, не я была в том виновата, а его собственный рассудок, который не был ни здрав, ни трезв».

В конце концов Елизавета Петровна всё-таки поняла, что великая княгиня неспособна на подлые интриги, что она «любит правду и справедливость; это очень умная женщина», и заявила: «А мой племянник – дурак!»

А ведь Екатерина, когда императрица умерла, по признанию в «Записках…» «горько плакала толико о покойной государыне, которая всякие милости ко мне оказывала и последние два года меня полюбила отменно».

В своих «Записках» княгиня Екатерина Романовна Дашкова вспоминала, что, обеспокоенная судьбой великой княгини, однажды поздно ночью 20 декабря 1761 года, то есть всего за несколько дней до кончины императрицы Елизаветы Петровны, она тайно посетила Екатерину и прямо сказала ей следующее:

«При настоящем порядке вещей, когда Императрица стоит на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвестности, которая ожидает нас с новым событием. Неужели нет никаких средств против грозящей опасности, которая мрачной тучей висит над вашей головой? Во имя неба, доверьтесь мне; я оправдаю вашу доверенность и докажу вам, что я более чем достойна её. Есть ли у вас какой-нибудь план, какая-нибудь предосторожность для вашего спасения? Благоволите ли вы дать

приказание и уполномочить меня распоряжением?»

Иные историки полагают, что планы у великой княгини всё-таки были, а они родились ещё в конце пятидесятых годов. Особенно когда весной 1759 года в окружении Екатерины появился Григорий Григорьевич Орлов.

После сражения при Цорндорфе об Орлове заговорил весь Петербург. Это благодаря таким, как он, прусский король сказал о русских воинах:

«Этих людей легче убить, нежели победить!»

Е. Р. Дашкова. Художник Д. Г. Левицкий

Орлов был потомственным военным. Он родился 17 октября 1734 года в семье генерал-майора Григория Ивановича Орлова, который к тому времени уже стал новгородским генерал-губернатором.

Все его четыре брата отличались богатырским телосложением, отменным здоровьем и тоже прошли через службу военную.

В 1749 году Григорий Орлов был определён в Санкт-Петербургский сухопутный шляхетный кадетский корпус, после окончания которого в 1757 году был зачислен поручиком в лейб-гвардии Семёновский полк. В составе этого полка он и отправился вскоре в действующую армию. А уже в августе следующего, 1758 года ему довелось участвовать в сражении при Цорндорфе.

Тяжелейшим и кровопролитнейшим было это сражение.

Особенно досталось русской пехоте, атакованной конницей Фридриха одновременно с фронта, фланга и тыла. Врагу удалось захватить несколько наших артиллерийских батарей на правом фланге.

Григорий Орлов был ранен в начале сражения, но остался в строю, отказался он идти в лазарет и после второго ранения. Такие случаи в ту пору были редкостью. Когда в третий раз неподалёку разорвалось ядро и он был засыпан землёю, товарищи уже мысленно простились с ним. Но Орлов выбрался из-под завала. Ему кричали: «Ползи в тыл, в лазарет, прикроем!» Но началась очередная атака пруссаков, и Орлов снова ринулся в бой.

Данных о характере ранений не сохранилось, но известно, что каждая из ран, полученных Григорием Орловым, давала право выйти из боя.

За подвиги в сражении отважному поручику был пожалован чин капитана и оказана высокая честь доставить в столице государыне победную реляцию, а заодно и сопроводить захваченного в плен флигель-адъютанта прусского короля графа фон Шверина. Вместе с Орловым в доставке Шверина участвовал его двоюродный брат капитан Александр Зиновьев.

Государыню граф фон Шверин не интересовал, а вот при малом дворе он был с огромным удовольствием принят и обласкан великим князем Петром Фёдоровичем.

Г. Г. Орлов. Художник Ф. С. Рокотов

Великая княгиня Екатерина уже слышала о храбром гвардейце. Теперь же увидела его в обществе графа фон Шверина и великого князя Петра. Орлов ей понравился. Высок, станет, красив. Да и воспитан. И домашнее образование генерал Орлов дал своим детям отменное, а уж в корпусе обучение и воспитание было на высоте. Можно лишь догадываться по чьей инициативе, но Орлов был оставлен в столице и в действующую армию не вернулся. Но и это ещё не все. В 1760 году, тоже не известно по чьей инициативе, его перевели в артиллерию, и он тут же получил назначение адъютантом графа Петра Ивановича Шувалова, который покровительствовал создателю знаменитых в то время «единорогов», получивших наименование «Шуваловских», и добился принятия их на вооружение русской армии. Эти «единороги» были изобретены в 1757 году Михаилом Васильевичем Даниловым, майором артиллерии, фейерверкером, изобретателем и мемуаристом, занимавшим должность начальника Санкт-Петербургской артиллерийской школы.

Чин адъютанта Шувалова открыл Григорию Орлову вход в высший свет. Тогда-то, видимо, и вспомнились встречи с очаровавшей его великой княгиней. Впрочем, встречи были официальными, в присутствии великого князя и пленного адъютанта.

Не забыла об Орлове и Екатерина. В «Чистосердечной исповеди» она ясно выразилась о том, что полный разрыв отношений с Понятовским произошёл не без старания Григория:

«Но тригодишная отлучка, то есть от 1758, и старательства Кн[язя] Гр[игория] Григорьевича], которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей…»

О развитии отношений Екатерины и Орлова сведений очень и очень мало. Они тщательно скрывали эту связь. Орлов же, пользовавшийся необыкновенной популярностью в гвардии, сам, ну и конечно, с помощью братьев, всеми силами старался создавать авторитет Екатерине, привлекая на её сторону умы и сердца гвардейцев.

А между тем всем было уже ясно, что императрице Елизавете Петровне осталось недолго жить на белом свете. В сентябре 1760 года лейб-медиком вместо умершего Павла Кондоиди Елизавета Петровна назначила Якова Фомича Монсея (1710–1773), которому и выпало лечить её до самого последнего вздоха.

28 декабря 1761 года он писал в «СПб. ведомостях»:

«Ещё с прошедшего года монархиня подвержена была болезненным припадкам в груди, опухоли в ногах, вообще оказались все признаки завалов в животе. Простуда, последовавшая 17 ноября 1761 года, имела следствием лихорадочные припадки, которые пресеклись 1 декабря. Но с 12 числа того же месяца состояние ухудшилось… хотя врачи сначала почитали болезнь сию неправильным волнением крови, происходящим от геморроидов, но при кровопущении весьма изумились, находя в крови воспаление. Последнее явление служит им некоторым образом извинением касательно кровопускания, учинённого ими при опухолях в ногах, и на другой день также отворяли кровь, но без всякой ощутительной пользы для страждущей. 22 декабря последовала новая и сильная противу прежнего рвота с кровью, и императрица скончалась 25-го того же месяца в три часа пополудни. Врачи, пользовавшие монархиню в последней болезни её, были лейб-медики Мунсей, Шиллинг и Крузе».

Историк Павленко писал: «Почти весь 1761 г. она провела в покоях, где принимала министров и давала распоряжения. Когда ей становилось легче, она не ограничивала себя в еде. После чего случались болезненные припадки. В июле произошёл сильный

приступ, на несколько часов лишивший Елизавету Петровну сознания. Хотя после этого ей стало немного легче, её состояние не вызывало сомнений – она медленно угасала. 23 декабря врачи признали положение безнадёжным, и на следующий день императрица, будучи в сознании, со всеми прощалась. 25 декабря 1761 года граф Мерси д'Аржанто доносил австрийской эрцгерцогине Марии Терезии: “Припадок, которым началась болезнь русской императрицы, повторился с Её Величеством в ночь с 3 на 4 число этого месяца, и притом так сильно, что она несколько часов лежала изнеможённая, как бы в последнем издыхании, после чего наступило истощение всего организма при постоянной потере крови из различных органов тела”».

В «Википедии» отмечено:

«Используя современную нозологию, можно предположить, что Елизавета Петровна страдала портальным циррозом печени, связанным, возможно, с пороком сердца и длительной сердечно-сосудистой недостаточностью (“опухоли в ногах”) и осложнившимся смертельными кровотечениями из варикозно расширенных вен пищевода (“рвота с кровью”). Так что упоминание старых врачей о “геморроидах” не было столь уж беспочвенным».

Смерть Елизаветы Петровны показала, кто есть кто при дворе. Её племянник, которого она вытащила в Россию, подняла на необыкновенную высоту, сделав наследником престола, женила, не скрывал радости по поводу её кончины и едва не пустился в пляс, даже не сознавая, что пляшет не только на костях своей благодетельницы, но и на своих костях и костях династии Романовых по мужской ветви, ибо императрица была всё-таки родной дочерью того, кто находился на престоле, родной дочерью царя, а затем императора, кто бы он там ни был на самом деле. Он носил фамилию Романов.

О том же, что Павел вовсе не его сын, новоиспечённый Пётр III, как свидетельствуют и его признание, и его действия на престоле, конечно, знал.

Портрет Екатерины II в трауре по императрице Елизавете Петровне. Художник В. Эриксен

Императрица Елизавета Петровна, где-то не понимая того, а где-то даже способствуя, тоже ввиду непонимания, проложила в годы своего царствования путь к возрождению на престоле династии Рюриковичей, правда, по умолчанию. Более того, итог этих её действий держался в строжайшем секрете, поскольку разглашение этого секрета неминуемо могло привести к очередным переворотам и смутам в Российской империи.

Главная драма «послецарствия» Елизаветы Петровны

Первая же драма развернулась по воле последнего отпрыска Романовых по линии дочерей Петра Первого – сына Анны Петровны и племянника Елизаветы Петровны, заступившего на российский престол под именем Петра Третьего.

Быть может, всё как-то и упорядочилось бы, поведи он себя адекватно, быть может, вошло бы в норму, хотя это, конечно, не могло не обернуться бедами для России в дальнейшем. Да только император Пётр Третий сразу ополчил против себя прогрессивное русское общество, сведя на нет все победы Семилетней войны, да к тому же передав целый русский корпус в распоряжение недавнего врага России Фридриха Второго для действий против недавней, хоть и ненадёжной, продажной, но союзницы Австрии. Мало того, он задумал избавиться и от законной своей супруги Екатерины Алексеевны, и от мнимого своего сына. Что касается детей, которых родила она, то Пётр Фёдорович прямо заявил, что не знает, откуда его жена берёт беременности и что он здесь совершенно ни при чём.

Непонятно только, для чего ему нужна была фаворитка Елизавета Воронцова, если он имел некоторую серьёзную ущербность. Обычно фаворитки непременно рождали детей – редкий случай, когда им удавалось избежать этого. Но у Воронцовой от Петра Фёдоровича детей не было. Ещё одно подтверждение того, что он и не способен был их иметь.

Решив заточить Екатерину Алексеевну вместе с Павлом в Шлиссельбургскую крепость, где даже были подготовлены для них казематы, он подписал себе приговор.

Свершился переворот, в результате которого на престол вступила Екатерина Вторая.

О жестоком убийстве свергнутого с престола императора Петра Фёдоровича написано много. Причём почти все выдумщики обвиняют в убийстве императрицу Екатерину II, несмотря на то что она сама пришла в ужас, получив весть о его кончине, именно о кончине, а не убийстве. А ведь существует великое множество различных косвенных свидетельств очевидцев, отрывков из воспоминаний и аналитических материалов, которые подтверждают полную невиновность государыни в этой смерти и прямо указывают на того, кому эта смерть была выгодна.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день переворота 28 июня (9 июля) 1762 года. Художник И. Х. Кестнер

Впрочем, не лучше ли попробовать реставрировать события, изобразив их в более живом повествовании, но при этом ни в коей мере не отступая от правды?

Итак, попробуем окунуться в Петербург, взбудораженный переворотом.

После свержения ненавидимого всеми императора Петра III, который, собственно, сам себя и сделал ненавидимым не только в столице, но и во всех уголках России, до которых докатились рассказы о его вредных деяниях, Санкт-Петербург бурлил и бушевал несколько дней. Лились рекой горячительные напитки, неизменные спутники всех революционных потрясений, гулял народ и «не народ» тоже. Гуляли все – и добропорядочные граждане, и воры, и преступники покруче. Гуляли, пили здравицу матушке-императрице и выискивали на улицах иностранцев, от которых, как кричали повсюду, и «происходит на Руси всё зло».

Императрице пришлось даже выйти на балкон дворца, чтобы показаться народу и объявить о своём здравии, поскольку поползли слухи, что иноземцы извели под шумок её, «избавительницу от лютого тирана».

Но далеко не все предавались в эти дни разудалым празднествам… Кто-то действительно искренне считал, что дело сделано и наступило время благоденствия. А кто-то полагал, что

пройден лишь первый рубеж на пути к «царству разума». К таковым относился и воспитатель великого князя Павла Петровича граф Никита Иванович Панин.

В тот день, с которого всё началось, он, отправив своего подопечного на очередной урок – занятия не прекращались и в те бурные дни, – Панин вышел в небольшую гостиную, окна которой выходили на шумящую разноголосицей улицу. Затворив окно, чтобы не было так слышно буйства народного, он сказал лакею:

– Просите графа Теплова.

Григорий Николаевич Теплов, активный участник переворота, то есть на этом этапе соратник Панина, доложил, что свергнутому императору срочно лекарь понадобился. Орлов сообщил, что Пётр Фёдорович просит прислать Иоганна Людерса.

Н. И. Панин. Художник А. Рослин

Ну что же, император низложен. Казалось бы, дело сделано, однако Панин заявил Теплову о том, что положено только начало.

Нельзя же было позволить этому сумасшедшему заточить Павла, на которого все надежды. А ведь не случайно Иоанна Антоновича увезли из Шлиссельбургской крепости в дальний монастырь, чтобы не соединять двух, даже трёх столь опасных узников в одном остроге. Место Иоанна должны были занять супруга императора и его сын! Разве можно было такое допустить? А теперь новая задача – подготовить Павла Петровича к замене на престоле Екатерины. Панин пояснил, что решение новоиспечённой императрицы Екатерины отпустить Петра Фёдоровича в его любимую Голштинию может стать помехой. И прибавил, что низложенный император не должен покинуть пределы России. За границей он помеха планам по возведению на престол Павла и, таким образом, в какой-то мере защита для Екатерины. Когда придёт время Павла занять престол при живом Петре Фёдоровиче, даже отправленном в Европу, устранение императрицы не достигнет желаемой цели. Не удастся в этом случае отдать престол воспитаннику Панина Павлу Петровичу.

Обосновав свои цели, Никита Панин заявил:

– Нужно, чтобы Пётр Фёдорович был официально похоронен здесь, в России. Нужно, чтобы его смерть была реальной и официально признанной. Конечно, в России самозванство с некоторых пор в моде, но чем больше народу будет знать о том, что бывший император умер и похоронен, тем меньше возможностей у самозванцев.

Теплов внимательно смотрел на Панина, пытаясь понять, серьёзно ли он говорит, действительно ли хочет поручить столь деликатное, но опасное дело, которое является серьёзным преступлением, или это какая-то иезуитская провокация. Он, Теплов, действительный член Академии наук и художеств и фактический руководитель Академии вот уже на протяжении более полутора десятков лет, занимался созданием устава Московского университета и «Проекта к учреждению университета Батуринского», но никогда ему не приходилось делать то, что собирался поручить ему граф Никита Панин. Теплов был тесно связан с Разумовскими.

Когда на престол вступила императрица Елизавета Петровна и Алексей Григорьевич Разумовский стал её морганатическим супругом, он перевёз из Малороссии в Россию, в Петербург, свою мать и младшего брата Кирилла Григорьевича, которому шёл пятнадцатый год. Брат до той поры нигде не учился, и Алексей Григорьевич отправил его в Европу, приставив к нему Григория Николаевича Теплова, который был всего на год или два старше своего подопечного. Теплов, сын истопника – оттого и получил такую фамилию, – прошёл обучение сначала в петербургской

школе Феофана Прокоповича, куда попал по его настоянию, а затем и в Пруссии.

Г. Н. Теплов. Неизвестный художник

Полагали, что всё это делалось именно по протекции Прокоповича, которого считали его настоящим отцом. С 1736 года Теплов служил переводчиком в Академии наук и искусств, в 1741 году стал адъюнктом Академии по ботанике, затем учился во Франции. Алексей Григорьевич Разумовский, заметив способности Теплова к наукам, поручил ему своего брата, с которым они быстро подружились. Кирилл прошёл курс наук в Италии и Франции, прослушал лекции в Гёттингенском университете и в 16 лет он по возвращении в Петербург получил от государыни графский титул и чин действительного камергера.

А спустя два года Елизавета Петровна сделала Кирилла президентом Петербургской академии наук «в рассуждение усмотренной в нём особливой способности и приобретённого в науках искусства». Разумеется, назначение было воспринято

учёным миром с большим удивлением. Но всё Елизавета Петровна продумала. Фактически академией руководил именно Григорий Николаевич Теплов, который хоть и был ненамного старше, но получил прекрасное по тому времени образование. Правда, в 1750 году императрица направила тридцатидвухлетнего Кирилла Разумовского гетманом в Малороссию, сохранив за ним все должности. Теплов вновь сопровождал своего подопечного, причём отправился вслед за ним с удовольствием, решив написать историю Малороссии, хотя задачу эту, несмотря на то что собрал богатый материал, так и не выполнил. Ещё до переворота Теплову удалось установить добрые отношения с великой княгиней Екатериной Алексеевной, а вот в период правления Петра III он оказался в опале и даже подвергался допросам в связи с какими-то неосторожными заявлениями об императоре. В этот период он коротко сошёлся с братьями Орловыми и участвовал в перевороте. Ему было поручено составить акт об отречении Петра III и манифест о вступлении на престол Екатерины II.

И вот теперь, можно сказать, на пике своего взлёта, когда он вошёл уже в придворные круги более высокие, нежели при Елизавете Петровне, Панин предлагал ему принять участие в действии, которое могло свести на нет все достижения. Но Панин прекрасно знал, какие рычаги необходимо использовать, чтобы заставить Теплова сделать то, что было ему необходимо.

– Придётся вам выполнить эту миссию, брат Григорий, – твёрдо сказал Панин, вот этим самым обращением «брат» не оставляя никаких лазеек для возражений.

– Мне самому? – с ужасом спросил Теплов. – Но как же быть с лекарем?

Панин усмехнулся. Ответил не сразу, словно испытывая собеседника, которого превращал из простого сообщника в делах, касающихся возведения на престол Екатерины Алексеевны, в соучастника убийства свергнутого императора.

– Вы же понимаете, брат Григорий, что мне сделать это несподручно. В данной обстановке я не могу оставить наследника престола ни на минуту. Да и с какой стати мне ехать в Ропшу? Как объяснить такую поездку? Это вызовет подозрение. А вы едете по поручению самой императрицы. Но отвезёте в Ропшу не Людерса, а Карла Фридриха Крузе! – И Панин жестом остановил попытку Теплова что-то возразить. – Да-да, того самого лейб-медика Крузе, которого Пётр Фёдорович ещё в апреле отправил в отставку. Ему сейчас не до того, чтобы выбирать. Лекарь нужен. Видно, разыгрались болячки, а их у него много.

Панин снова помолчал, глядя на сразу побледневшего

Теплова, и с улыбкой продолжил:

– Ну-ну, полноте. Отвезёте Круза – вот вам и прикрытие. А для выполнения своего задания надёжного человека я дам. Вам только нужно доставить его в Ропшу под видом своего слуги. Расположение дворца тамошнего он знает. Вам же необходимо отвлечь внимание Григория и Алексея Орловых. Где высадить слугу моего, он подскажет. Как найти чёрный ход, он знает. Внутри разберётся, в какой комнате пленника держат. Своё дело сделает и незаметно вернётся в карету. Как только даст сигнал через кучера, сразу мчитесь ко мне… Долго не задерживайтесь. Важно, чтобы Орловы обнаружили, что бывший император убит, когда вы уже уедете.

Теплов, человек хоть и незнатный, но высокой учёности, не был совсем уж неискушённым в интригах. Поговаривали даже, что в какое-то время Теплов едва не составил конкуренцию самому Алексею Григорьевичу, только уже не в науке, а в сердечных делах императрицы Елизаветы. Она была к нему благосклонна. Но тут не интрига. Тут дело серьёзнее. Ещё не известно, как отреагирует на это убийство государыня. А ежели следствие назначит?!

Конечно, и участие в перевороте, случись провал, тоже было бы вовсе не заслугой. Участникам не сносить головы. Но Теплов, как уже говорилось, не случайно примкнул к заговорщикам. Он был в опале.

Никита Панин был твёрд и неумолим. Да и имелись у него серьёзные рычаги, которые мог вполне использовать в случае несогласия. Теплов вынужден был согласиться.

Санкт-Петербург бурлил и кипел с того самого момента, как город облетела весть о свержении ненавистного всем императора. Иностранцам, которых немало проникло в Россию и оседлало столицу со времён Петра Первого, приходилось прятаться в домах у знакомых русских вельмож. Их дома в справедливом бешенстве и гневе разоряли. Горожане, открыто заявляя, что беды все только от иноземцев, были в этом очень во многом правы. Таковых уж иноземцев расплодили в России Пётр и ближайшие его преемники. Императрице вельможи не раз уже предлагали усмирить народные волеизъявления силой, но она, понимая, что эти все беспорядки направлены совсем не против неё, запрещала принимать какие-либо меры.

Портрет императора Петра III Фёдоровича. Художник Л. К. Пфандцельт

Расстояние до Ропши невелико, всего 45 километров. На почтовых при средней скорости 12 километров в час чуть более трёх часов надобно.

Мчался Теплов к Ропше, а тревожные думы спешили вместе с ним и покоя не давали. Как-то всё получится?! Время лихое, переворот всё спишет. А вдруг да Орловы свои виды имеют на сложившуюся ситуацию, вдруг да просчитали, что живой Пётр Фёдорович, как говорил Панин, лучше, нежели мёртвый? Тут ведь и головы лишиться можно.

Вот и Ропша, имение с дворцом, в который не раз приезжала прежде на охоту императрица Елизавета Петровна. Это имение подарила она Петру Фёдоровичу, в то время ещё великому князю, наследнику престола. Панину доводилось бывать во дворце, поэтому он хорошо знал расположение. Бывал ли прежде там нелюдимый слуга Панина, сидевший в карете напротив, Теплов

не знал. Слуга кутался в плащ, несмотря на жару. Но был в то же время хладнокровен и спокоен. Молчал всю дорогу и лекарь.

У ограды дворцового комплекса остановила охрана. Теплов пояснил, что везёт лекаря по приказу самой государыни. Это пояснение, да вензеля на карете, да кафтан придворного на ездовом возымели действие.

Лихо подкатили к центральному входу. Дворец достаточно велик. Два крыла, к которым от центрального здания вели анфилады.

У входа – часовые. Карета с императорскими гербами заставила их подобраться, вытянуться. Прибежал офицер, придерживая шпагу у пояса.

– Доложите. Граф Теплов из Петербурга. По поводу бывшего императора…

Что ж, ничего не солгал. Действительно ведь по поводу Петра Фёдоровича прибыл. И пакет привёз, правда не от императрицы, а от воспитателя наследника престола. С Орловыми Теплов знаком. Ну а уж графа Никиту Панина они и подавно знают. На этапе свершения переворота по одну сторону баррикад были. С чего бы Алехану заподозрить, что могло что-то измениться? Под шумок слуга Панина юркнул в кустарник.

Вышел здоровяк Алексей Орлов, Алехан, как кликали его братья.

Теплов вручил пакет для Григория Орлова. Он и сам не знал, что в пакете, не должен был бы знать, вот и не знал. Сразу подумал: верно, ещё какая-то хитрость. Что-то такое понаписал Панин, что могло заинтересовать, но не могло быть исполнено без ведома императрицы. Главное, затеять разговор, даже спор. Теплов и на словах должен был кое-что передать. Тоже для отвода глаз. Советы всякие… Мол, глядите в оба, есть сведения, что этой ночью Петра Фёдоровича собираются отбить. Будет нападение…

За Алеханом вышел красавец Григорий Орлов, любимец гвардейцев, подлинный герой Семилетней войны. Теплов знал, что в одном из сражений Орлов оставался в строю, несмотря на три серьёзные раны. И ещё один вышел здоровяк – роста гвардейского, тоже хорош собой, высок, строен, подтянут – хоть портрет пиши.

У Теплова всё продумано. На приглашение к столу ответил:

– Нет. Во дворец не пойду. Там глаза и уши. Здесь поговорим…

О лекаре пока ни слова, словно забыл. А тот и без того, перепуганный событиями, сидел тихо, как велено.

Теплов спросил так, для порядка, о ропшинском пленнике.

– Что ему сделается? – ответил Орлов. – Не просыхает…

Здоров пить, ох здоров.

– Так слушайте сюда! – проговорил Теплов и начал пересказывать то, что Панин велел: – Есть сведения, что хотят отбить сверженного императора и на престол посадить. Глядите!

Сам понимал, что чушь несёт, да надо было хоть чушью, но время выиграть. И ведь именно чушь порой лучшим образом вводит в заблуждение.

Орловы только посмеялись над опасностями. Мол, всех порубаем, если что.

Теплов, заметив знак слуги Панина, сказал:

– Мне пора! – и прибавил, глянув на кусты: – Едем!

И, уже открыв дверцу кареты, воскликнул:

– Ба-а-а, да ведь я лекаря привёз. Заболтались тут, так едва не забыл.

Гибель Петра III. Гравюра XVIII в.

Лекарь выбрался, испуганно озираясь, ну и конечно, привлёк к себе внимание. Теплов же ещё добавил:

– Вы уже его тут не обижайте. И так совсем дрожит…

Орловы и Потёмкин обступили лекаря.

Алехан спросил:

– Это и есть Людерс?

– Крузе, Карл Крузе, – пробормотал лекарь.

Заметив краем глаза, что слуга Панина занял своё место в карете, Теплов сказал:

– Кого приказали мне, того и доставил. Счастливо

оставаться. – И он вскочил в карету, которая сразу рванулась с места.

– Всё сделал? – спросил Теплов, едва устроившись поудобнее.

– Как велено, – буркнул слуга.

Помчались во весь опор.

Граф Панин выслушал сообщение с удовлетворением:

– Следов не оставили? Отлично. Пустим слух, что Орловы зарезали в пьяной потасовке. Выпивают там, говоришь?

– Ну не то чтоб очень, хотя Орловы навеселе. Правда, этот новый, выскочка Потёмкин, как стёклышко.

– А кто видел-то, что трезв? Поняли, что произошло? В пьяной потасовке прирезали. Народу так интересней будет. Конечно, официально скажут, мол, сам умер, а время пойдёт, начнут Екатерину осуждать за то, что отправила супружника на тот свет. И не оправдаться…

Убит не тот, кого убить хотели

Когда карета с Тепловым скрылась из глаз, Орловы поднялись на второй этаж, куда уже проводили медика к Петру Фёдоровичу.

В этот момент дверь в гостиную отворилось и стремительно вошёл, почти вбежал лейб-медик Крузе. Ломая слова, с заметным акцентом он сообщил, что Пётр Фёдорович не дышит… Из груди торчал кинжал.

– Кто же, кто мог убить? – воскликнул Алехан, оглядываясь по сторонам.

Он поднял кинжал и стал рассматривать его.

Григорий был в замешательстве. Ему сразу вспомнилось, как императрица, направляя его в Ропшу для охраны Петра Фёдоровича, наставляла:

– Ни один волос не должен упасть, ни один волос… Ты понял?! Кроме тебя, поручить некому. Я решила отпустить его в Голштинию. Вон, посол Фридриха так и вьётся. Говорит, королю будет приятно, и сгладит всё это известие о перевороте… У короля свои игры с братьями по ложе. Он ещё не знает – не дошло известие. А посол уже суетится. Что-то задумал. Обещает твёрдо против нас императора бывшего не использовать. Да и не опасен он нам. Помни: гибель сверженного императора мне не выгодна, но выгодна моим врагам! А потому необходимо его отправить в любезную его Голштинию.

– А потом он оттуда явится, чтобы престол вернуть, – высказал предположение Орлов.

– Не явится… Я уверена. Он сыт царствованием… Понял, что трон российскиё непрочен и он не для него. Лишь бы ноги унести. Унесёт – ещё как повезёт. Другой раз и не повезти может. Так что никаких возражений… Отпускаем. И ты сделаешь вот как…

В этот момент от воспоминаний оторвал Алехан, который пока ещё, как и все участники событий, не был посвящён в тайный план императрицы, который она изложила Орлову.

– Это слуга Теплова, – сказал Потёмкин. – Точно, он. Теплов его высадил, когда подъезжал, а как тот дело сделал, да сигнал ему дал, он и разыграл тут, что про лекаря забыл. Вот нас и отвлёк.

– Но как он проник? У чёрного хода часовой! – спросил Потёмкин.

Вот это была загадка… Случись всё в другое время, до приезда Теплова, она бы осталась неразрешимой. Теперь, казалось, всё ясно и понятно.

– А ну-ка, Гриц, спустись, спроси часового, не видал ли чего подозрительного? – попросил Григорий Орлов.

Потёмкин вышел во двор через чёрный ход. Никого у дверей не оказалось. Кликнул начальника караула. Тот тоже был в недоумении, почему нет на месте гвардейца, поставленного вход охранять.

Начальник караула стал убеждать, что солдат отличный, дисциплинированный, но осёкся на полуслове. Заметил на песке следы крови, а чуть дальше оторванную пуговицу. Шагнули к кустарнику, раздвинули ветки. Часовой лежал весь в крови. Кинжал торчал, убийца даже вынимать его не стал. Видно, торопился, да и как с оружием в карету вернёшься при всех!

Потёмкин сразу подумал о слуге Теплова, хотя ведь всяко могло быть. Недаром Панин говорил о возможном нападении. Вот только зачем предупреждал?

Спустились по чёрному ходу и Орловы, обеспокоенные долгим отсутствием Потёмкина. Подошли и замерли как вкопанные.

При унтере обсуждать случившееся не стали. Велели убрать убитого и выставить сразу двух часовых. Место преступления надо было охранять пуще пленника.

Вернулись в гостиную. Ни пить, ни есть никому не хотелось.

Г. А. Потемкин-Таврический. Неизвестный художник

– Ну что же это? Что же? Будем без вины виноватыми, – сказал Алехан, – особенно я.

– Почему ты? – спросил Григорий Орлов.

Ответил Потёмкин:

– Ясное дело. Ты, Григорий Григорьевич, неподсуден, ну а я слишком молод, чтоб отвечать. Но не думай, всех молва в убийцы запишет. Тот же Панин и постарается.

– Да, сплетни у нас любимое при дворе занятие, – вздохнув, заявил Орлов.

Потёмкин же, как бы подводя итог, прозорливо сказал:

– Сплетня – это всего лишь сплетня. Но сплетня, повторяемая многократно, становится отвратительной клеветой. Ну а теперь, Григорий Григорьевич, садись за письмо к государыне – да немедля курьером в Петербург. А то и сам отправляйся.

– Нет, сам не поеду, – поразмыслив, сказал Григорий Орлов. – Ну а письмо, письмо давай-ка помогай писать. Вижу, ты у нас башковитый. Не зря, значит, в университете штаны протирал.

– Стоп! – вдруг сказал Григорий Орлов. – Охрану усилить, а вы за мной.

И когда расселись за столом, Григорий велел всем, кроме

Алехана и Грица, выйти из зала.

Григорий Орлов сообщил:

– Пётр Фёдорович жив. Он перевезён в другое место. Спрятан на Гетманской мызе Разумовского. Государыня поручила мне подменить Петра Фёдоровича другим узником, из острога, как можно более похожим на него. Подменили… Ну и накачали как следует, чтоб доктор осмотреть не мог. Чтоб даже близко не подходил. Но Теплов привёз не того, кого просил бывший император. Он его тем более не узнал. План таков. Подменить его, затем укрыть на какое-то время поблизости, а когда всё поутихнет, перевезти в Шлиссельбургскую крепость, а оттуда на корабле отправить в Голштинию. А там уж им Фридрих займётся. Пётр Фёдорович его за бога земного почитает.

– А что с этим – подставным хотели делать? – спросил Потёмкин.

– Подержать сколь можно да отпустить, когда бывший император в Голштинии своей окажется. Он ведь, этот узник, и не ведает, вернее не ведал, о роли своей. Выхватили из острога, привезли, поместили не по-тюремному, да ещё и напоили! Чем не жизнь?!

Хоть и не было в ту давнюю пору мобильной связи, но иные сведения, особенно рождающиеся на основе сплетен, распространялись с удивительной быстротой. Правда, весть о смерти, причём насильственной смерти сверженного императора, прилетела в Петербург вместе с примчавшимся туда из Ропши графом Тепловым. Первым узнал о ней, разумеется, граф Панин, но он же, приняв меры к тому, чтобы эта весть выплеснулась на улицы, порекомендовал сообщить о случившемся и Екатерине Алексеевне, поскольку Теплов обязан был доложить ей о выполнении поручения.

Он прибыл во дворец и был тут же принят Екатериной Алексеевной.

– Ваше императорское величество! – начал он, склоняя в почтении голову. – К сожалению, лекарь не понадобился. Пётр Фёдорович убит перед самым моим приездом.

Императрица побледнела. Эта бледность выдала её волнение.

– Как? Каким образом? Что вы такое говорите, граф?! – воскликнула она. – Кто сделал это?

Всё было продумано, всё рассчитано графом Паниным. Теплов не мог говорить наверняка, но должен был сказать с намёком.

– Кто же мог? Никто, кроме тех, кто его охранял, проникнуть во дворец возможности не имел. Я оценил организацию охраны. Она, поверьте, на высоте. Григорий Орлов постарался.

Надо обязательно похвалить, обязательно… Ничего личного. Сама объективность. Но тут и к делу. Кому, как не императрице, знать, что никто из охранявших свергнутого императора любви особой к нему не питал. Ну и о действии горячительных как не сказать.

– Думаю, Пётр Фёдорович сам виноват. Не понял, в каком положении. Гордыня… Ну а гвардейцы наши навеселе, уж ясно, что не без этого. Какое великое дело свершили! Ниспровергли тирана и поставили добродетельную государыню!

Императрица отмахнулась от неприкрытой лести, спросила с досадой:

– Так они что там, пьянствуют?

– Ни боже упаси. Так, для снятия напряжения… Ну а Пётр Фёдорович пьёт беспробудно. Он небось и затеял драку, в которой… словом, кто-то воткнул ему кинжал…

Теперь представим положение императрицы. Она ведь распорядилась подменить Петра Фёдоровича. Ну и не знала: успели подменить или не успели? Кто же убит? В любом случае убийство ей не по душе. Ну ещё ладно там кого-то из острога. А если убили свергнутого ею императора? И кто – её же приближённые! Об их отношениях с Григорием Орловым всем известно. Алехан – его брат. Что теперь скажут в столичном обществе? Что скажут в дипкорпусе? Понятно, поставила своего возлюбленного Орлова охранять бывшего супруга, чтобы избавиться от него?!

Она сухо распрощалась с Тепловым, словно он виновен в случившемся, – о том, что он действительно соучастник убийства, она не знала. Теплов почувствовал эту сухость. Ему стало несколько не по себя. Екатерина Алексеевна быстро входила в роль императрицы российской. Нет, не роль. Тут слово «роль» не подходит. Она всё твёрже вставала на престол русских царей и всё увереннее себя на нём ощущала.

Теплов с досадой думал о своей зависимости от Панина, в которую попал по своему же неразумению и непониманию, к чему ведут игры со всякими тайными обществами. Ох, как бы ему сейчас хотелось оказаться полностью на стороне победившей императрицы и не играть под чужую дудку в игры, которые, по его мнению, были весьма опасны.

Он уже покинул покои императрицы, когда увидел входящего в парадный подъезд Алексея Орлова. Поспешно встав за колонну, пронаблюдал за ним. Да, Алехан спешил к императрице. Да и куда ещё он мог направляться во дворце, к кому, как не к ней.

«Всё, завертелось, – понял он, – и куда теперь выведет эта кривая?»

Алексей Орлов попросил доложить о себе и тут же был принят.

Императрица встретила сурово. Алехан понял, что ей уже всё известно. Впрочем, всё, да не всё.

– Матушка государыня! – воскликнул Алехан, картинно падая на колени. – Не вели казнить – вели миловать…

Всё театрально и всё продуманно. Сначала словно бы о самом страшном – о гибели сверженного императора. И только потом о том, что убит тот, кто был подставным лицом.

И быть может, едва ли не первым он пал на колени, едва ли не первым назвал матушкой тридцатитрёхлетнюю Екатерину Алексеевну – он, которому было двадцать пять лет.

Молодые, совсем ещё молодые люди взваливали на свои плечи огромный груз ответственности за Россию. Они могли ошибаться, могли в чём-то перестараться. Им было трудно выработать правильное решение.

Императрице – 33 года, Григорию Орлову – 28 лет, Алехану – 25, Григорию Потёмкину – 23.

А вот у тех, кто им противостоял, жизненного опыта было побольше. Никите Панину шёл сорок четвёртый год, Григорию Теплову – сорок пятый…

А. Г. Орлов-Чесменский. Художник В. Эриксен

– Поднимись, Алехан. Что за фокусы… Докладывай, – сурово потребовала императрица.

– Не уберегли мы подставного-то. Петра Фёдоровича, слава богу, успели на Гетманскую мызу отправить, а вот этого-то, подставного, не уберегли, – поспешно сообщил Алехан.

Было заметно, что у Екатерины Алексеевны отлегло от сердца. Она уже более спокойно проговорила:

– Ну что ж, молва-то, конечно, поползла. Но, коль Пётр Фёдорович жив, и то ладно, хотя не хотелось мне даже и с такой крови начинать правление. Говори, что было-то.

Алехан вкратце поведал о приезде Теплова, о странном его спутнике – слуге, не слуге, об убитом часовом.

– Берегите Петра Фёдоровича пуще прежнего. Если буря поднимется, так мы его и предъявим, – решила императрица.

– Какая буря, матушка?! Какая буря… да его ж, Петра этого,

все в России ненавидят.

Императрица поморщилась:

– Брось эти свои… Придумал тоже: матушка… А то и буря. Русский народ – особый народ в целом свете… Не каждому понять душу русскую. Сегодня ненавидят, а коли узнают, что извели его, да ещё с жестокостью, и перемениться могут – сердобольный народ. Или не ведаешь того?

И, помолчав, тоном ещё более мягким поинтересовалась:

– Что, так уж похож, подставной ваш этот?

– Ещё как! Гриша подобрал в самый раз, – не упустил Алехан похвалить брата. – Я как увидел – ещё не поведал нам Гриша, что к чему, – и нисколь не усомнился. Ну прямо Пётр Фёдрыч лежал с кинжалом-то в груди.

– Передай Григорию, чтоб приберёг того убиенного, – сказала императрица. – Не ровён час, сгодится. Как-то всё обернётся. Знаю, откуда это идёт. От Панина. Он мягко стелет, ой мягко… Да жёстко при нём будет. Мечту его разгадала – сына моего Павла малолетним на трон посадить, чтоб им управлять, а через него Россией. Ну, ступай, да Григорию скажи особо, чтоб смотрел в оба. Да и тебе о том говорю.

– Всё сделаем, всё, ваше императорское величество. Всё…

Императрица усмехнулась и махнула рукой, мол, ступай уж.

Оставшись одна, призадумалась. Сама жизнь вносила коррективы в её планы. Вот и слухи уж по столице разлетелись – убит император. Первая волна накатилась ещё в день переворота. Кто накатил её? С какой целью? Тогда она отметила для себя, что хоть и ненавистен был император, да как объявили, что везут его, убиенного, так и примолкла толпа, где проходила процессия: страшное таинство смерти поубавило пыл погромщиков и гонителей иноземцев, большая часть которых и ей, выросшей в Европе, давно опостылела.

Притушили эту волну выдумок, да ведь Петра Фёдоровича живым в городе никому не предъявили. А значит, кто-то поверил, что жив он, а кто-то нет. Ну а теперь снова слухи поползли. Народ простой напрямую с государями не общается. А следовательно, и знает о них через рассказы, многие из которых – чистейшей воды сплетни. Убедили народ, что все беды от императора были, так народ и поверил. А если по-хитрому в обратном убедят, как тогда быть? Эйфория от бурных событий, сдобренных горячительными напитками, быстро пройдёт, если уже не прошла, а жизнь-то, жизнь прежней останется. Как её сразу переменить? Как сделать лучше? На это нужно время, да и не только время – труд нужен, титанический труд государя. А готова ли к нему государыня? Хватит ли опыта, да и, самое главное, хватит ли воли

государевой?

Чувствовала – хватит. Она ведь не просто так взяла и вступила на престол, она ведь ещё девчонкой… Она ещё в пятнадцать лет, когда пришло приглашение из России и родители гадали, принимать его или нет, догадавшись, о чём идёт речь, заявила матери, что гадалка пророчила ей великое будущее, заявила, будто сказала ей прорицательница: «Предвещаю по всему, что Пётр III будет твоим супругом».

Ну а Пётр тогда был вовсе не Петром III, а великим князем Петром Фёдоровичем, причём не столько уж привлекательным по своим человеческим качествам. Тем не менее и тут выбор был сделан в юности и на всю жизнь. Выбор, о котором сказала она так: «русская корона больше мне нравилась, нежели его (великого князя Петра. – *Н.Ш.*) особа».

И вот она на русском троне, и корона ждёт её на торжественном обряде коронации.

Но ждёт и борьба с теми, кто на каком-то этапе был с нею по одну сторону баррикад, но только на какое-то время. А для тех, кому не по нраву то, что заступила на престол, любые способы хороши. И она знала, что сверженный император может стать в руках её врагов серьёзным оружием. Знала она и то, что число врагов будет только множиться, множиться потому, что она не собирается плясать под чью-то дудку. Она решила править самостоятельно, во славу державы, «в которой, – как выражалась она, – поставил меня Бог» и которой не желала она ничего, кроме блага.

Сколько свалилось забот, сколько задач, порою очень нелёгких. Вот хоть эта… Она решила отпустить Петра Фёдоровича в Голштинию, но кому-то была выгоднее его смерть в России. Кому? В первую очередь, конечно, воспитателю наследника престола графу Панину. Она прекрасно понимала причины, она сразу указала на них, ставя задачу Григорию Орлову. Немного, очень немного было пока людей, которым она могла доверять так, как доверяла Орлову, с которым была любовь, от которого у неё был сын Алексей, наречённый Бобринским. И конечно, она могла доверять братьям Григория. А остальным? Остальных она изучала, приглядывалась к ним, выбирая тех, из которых можно было выковать себе надёжных помощников в деле государственного управления.

Её не могло не тревожить, как исполнится всё задуманное. Кажется, Алехана удалось убедить в том, что Пётр Фёдорович нужен ей живой, именно живой, пусть даже там, в Голштинии, пусть под крылом прусского короля. Королю сейчас нет резона строить ей козни. Русская армия показала полное превосходство

над прусской. Она бы одержала победу над «непобедимым» Фридрихом и раньше, но политические игры, а прежде всего состояние здоровья Елизаветы Петровны, мешали сделать это. Как только состояние императрицы ухудшалось, и дела на театре военных действий шли из рук вон плохо. Как только опасность миновала, сразу начиналась победная поступь русских войск.

Фридрих II. Художник В. Кампхаузен

Ну а что касается Петра Фёдоровича, то уж если ему суждено уйти в лучший мир, а врачи в один голос твердят, что не жилец он по своим болячкам, так пусть случится это не в России.

«А лучше б жил подоле, – как бы подвела она итог своим мыслям. – И мне спокойнее… Вот только бы выпроводить его с Богом… Выпроводить за пределы России».

Трагедия на Гетманской мызе

Ну а два Григория – Орлов и Потёмкин – тем временем добрались до Гетманской мызы, располагавшейся в дачном районе, в котором были имения высшей знати империи, – и занялись организацией охраны дворца, в котором теперь находился сверженный император, переведённый сюда из Ропши. В районе том находилось несколько дачных мест, в разное время принадлежавших и лейб-медику Петра I Ричарду Арескину, доктору медицины и философии Оксфордского университета, и Лаврентию Блюментросту, первому президенту Академии наук и художеств, и шеф-повару (обер-кухмистеру) Петра I Иоганну Фельтену, и кораблестроителю Тихону Лукину, и сенатору графу Ивану Мусину-Пушкину. Там в петровские времена находились усадьба Алексашки Меншикова и дача стольника Ивана Стрешнева. Затем частью этого дачного района тоже в разное время владели фельдмаршал Бурхард Миних, морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны Алексей Разумовский и его младший брат, президент Академии наук Кирилл Разумовский. Благодаря Кириллу Разумовскому усадьба стала называться Гетманской мызой.

Словом, затеряться в этом районе было легко. Строений достаточно много, поди-ка найди нужное. Но Алехан знал дорогу к Разумовскому, поскольку Кирилл Григорьевич если напрямую и не участвовал в перевороте, то, во всяком случае, сочувствовал ему. Недаром и Кирилл Григорьевич Разумовский, и его старший брат Алексей Григорьевич были щедро награждены в специальном указе императрицы по итогам переворота.

Не случайно Григорий Орлов решил именно во дворец Разумовского перевести пленника. Правда, после того, что произошло в Ропше, нельзя было сбрасывать со счетов то, что Григорий Теплов был на короткой ноге с Кириллом Разумовским. Он помогал в управлении Академией наук и художеств, когда Кирилл Григорьевич был назначен президентом Академии в восемнадцать лет. Да что там помогал – фактически управлял Академией, а когда Кирилл Разумовский был направлен в Малороссию гетманом, Теплов отправился за ним.

Ну а теперь стало ясно, что Теплов поддерживает тесную связь с Паниным. Значит, можно было предполагать, что Теплову станет известно новое место пребывания сверженного императора, а следовательно, и для Панина это не будет тайной.

Во дворец, что располагался в Гетманской мызе, Алехан прибыл, когда совсем стемнело. Собрались снова уже

сложившейся троицей – Григорий Орлов, Алехан и Потёмкин. Нужно было обсудить, что делать далее. Никто ведь не знал, какое время придётся скрывать пленника здесь, в мызе, и когда сложатся условия для переправки его в Шлиссельбургскую крепость. Почему необходимо перевести в крепость, было понятно. Оттуда легче по морю отправить в Голштинию.

Григорий Орлов высказал опасения по поводу того, что Теплов мог узнать у Разумовского о пленнике.

– Что делает наш пленник? – поинтересовался Алехан.

К. Г. Разумовский с гетманской булавой. Художник Л. Токке

Григорий Орлов рассказал:

– Дорогой, говорят, дрожал – зуб на зуб не попадал. Всё бормотал что-то вроде того – «не убивайте, что я вам сделал». А как приехали на место, водки потребовал. Но до нашего прибытия боялись ему дать горячительных. Скверно себя чувствует. Но мы на свой страх и риск дали ему выпить, сколь душе угодно…

Потёмкин прибавил к тому:

– Всё твердят, что на Руси пьют… Так ведь этого-то субъекта к нам из Европы доставили готовым пьяницей… Образчик европейский налицо.

– Сейчас не время разбираться. Караул у нас здесь невелик. Не то что в Ропше, где и с солидным караулом убийцу прозевали, – сказал Григорий Орлов. – Приходится ограничить число тех, кто знает, что убит не император. Давайте-ка ещё раз посмотрим, где часовых выставить.

Ночь прошла спокойно. Утром пленник едва открыл глаза, снова схватился за штоф с водкой. Пил по-европейски, до чёртиков в глазах… Словом, как европейцы пьют – столько, сколько бесплатно наливают.

– Что с ним делать-то? Разве ж можно столько? – спросил Потёмкин у Григория Орлова.

– Екатерина… – Он всё ещё не очень привык говорить «императрица» или «государыня» и даже звать по отчеству, но привыкал. – Екатерина Алексеевна сказывала, что к горячительным напиткам его с ранних лет приобщили. Воспитатели были – не позавидуешь. Они, собственно, и характер сломали. Били, голодом морили, а потом, как чуток подрос, собутыльником сделали.

– А родители? – с ужасом спросил Потёмкин.

Григорий Орлов усмехнулся с некоторой даже горечью. В голосе прозвучали нотки сочувствия:

– Матери в младенчестве лишился, а отца в раннем детстве. Ну а ломали его известно зачем. Он же наследником был российского и шведского престолов. Известно, кому надо было вот этак сломать. Так что выпивоха он со стажем, тренированный.

– Какая уж в том тренировка, – вздохнул Потёмкин.

– Что-то ты уж очень как-то с неприязнью о горячительном говоришь. Было в семье что? – спросил Алехан, которого, как слышал Потёмкин ещё до знакомства с ним, стаканом с ног не собьёшь. Не один потребен. Впрочем, так говорили, а говорят-то мало ли что.

– Отец не одну кампанию сделал и не одну рану получил. К рюмке не прикладывался – нельзя было. Да и в отставку вышел в пятьдесят лет. Первая его жена детей иметь не могла. Вот он с матушкой моей и встретился, совсем ещё молодой. Какое при молодой жене пьянство? Пять дочерей одна за другой – у пьяницы бы в пятьдесят лет не вышло! Ну а я – шестым родился.

– Да уж, экий медведь получился, – сказал Алехан.

Потёмкин рассмеялся.

– Что смешного? – спросил Алехан.

– Да вспомнилось… Про медведя, – пояснил Потёмкин. – Был я однажды летом на даче у дяди своего, Кисловского. Он охотник заядлый. Ушёл как-то на медведя. А дома и без того этих шкур… Ну я, как услыхал, что назад вертаются, натянул на себя одну, сел в кустах поодаль дома. Жду. Как поравнялись, вылез из кустов с рёвом. Конь на дыбы, дядя наземь… Тут уж я перепугался. Хорошо, что обошлось. Ничего не сломал дядюшка. Смеху было… Но мне попало крепко.

– Да, – покачал головой Алехан. – Так и убиться мог дядя-то. А ты шутник, гляжу. А у нас с Григорием история посерьёзней. Нешуточная. Вот сидим здесь, разговоры ведём, а могло нас и не быть вовсе на свете этом. Н-да, могло не быть.

– Что так? – спросил Потёмкин.

– Слыхал небось о бунте Стрелецком?

– Слыхал, как не слыхать, – кивнул Потёмкин. – И о казни, само собой, сказывали мне.

– Так вот… Дед-то наш Иван Иванович Орлов был стрелецким подполковником и участвовал в бунте, ну и приговорён был к смертной казни. В боях не гнулся, не согнулся и перед палачами. Как очередь подошла голову положить, глянул на скатившуюся голову своего казнённого товарища, да и сказал громко, чтоб все слышали… Царю сказал: «Освободи-ка место, Пётр, мой час настал смерть принять!» Все замерли… И вдруг Пётр встал и неожиданно для всех рассмеялся, а затем приказал помиловать деда нашего за удаль.

Все замолчали. Каждый подумал о той жестокой казни отважных русских воинов, которая не поддавалась объяснению в те давние времена. Подумали, быть может, и о том, что было бы, если б не удался переворот 28 июня 1762 года. Да, от Петра Фёдоровича пощады ожидать не приходилось. Тем удивительнее казалось милосердие к нему императрицы Екатерины Алексеевны.

Но не им решать судьбу свергнутого императора. Решать государыне всероссийской, отважно взявшей в свои руки власть, когда было два у неё пути – на престол или в вечное заточение, подобное заточению Иоанна Антоновича.

В те дни на мызе Гетманской ещё трудно виделось будущее престола российского, будущее государыни и их будущее. Страна была истерзана главным палачом стрелецкой казни и его ближайшими преемниками. Совсем ещё молодые сподвижники совсем ещё молодой императрицы не имели никакого, как и она сама, опыта управления единственной в мире державой, на которую зарились многие и многие страны, алчные и жестокосердные, а их политики готовы были к любым

провокациям и дипломаты к любым коварствам, лишь бы как-то ослабить её.

А между тем истёк первый день – 4 июля – пребывания на Гетманской мызе, прошёл и второй – 5 июля. Все спокойно, никаких попыток пробраться извне. Казалось, их потеряли враги, коих ох как много было в России. Наступило 6 июля.

Пленнику своему Орловы в спиртном не отказывали. Потёмкин высказал по этому поводу опасения, но получил резонный ответ.

– А ты что хочешь? Вести с ним душеспасительные беседы? – спросил Алехан. – Едва только протрезвеет, сразу начинает ныть. То ему Воронцову подай, то какие-то прусские побрякушки привези. По этому поводу указаний не было. Велит императрица – всё привезём. А нет, так пусть радуется, что жив.

И всё же 6 июля решили поубавить горячительные. Что-то уж больно плох стал. Ну а от разговоров уклонялись как могли. Пленник по-прежнему скулил, по-прежнему что-то требовал. От нытья его отмахивались. Старались поменьше находиться в одной с ним комнате. И вдруг он затих.

Алехан открыл дверь, заглянул и с тревогой позвал своего брата Григория. Прибежал и Потёмкин.

Пётр Фёдорович корчился на полу, схватившись за живот.

– Отравили, отравили! – вскрикивал он.

Но никто его не травил, а потому все трое его охранителей лишь недоумённо переглянулись.

Алехан вскричал:

– Лекаря, быстро лекаря.

Лекаря привезли в Гетманскую мызу, причём на этот раз как раз того, которого просил Пётр Фёдорович, – Иоганна Людерса. Да только общением с ним пленника не баловали, потому что лекарь тоже начинал говорить, что нельзя давать спиртного. А это не нравилось не только Орловым, но и самому Петру Фёдоровичу.

Людерс прибежал, стал о чём-то спрашивать, убеждать, что это вовсе не отравление, а дела желудочные, которые давно уже крепко держали Петра Фёдоровича и давно уже – ещё при жизни императрицы Елизаветы Петровны – иностранные послы докладывали своим правительствам, что великий князь вряд ли доживёт до восшествия на престол по причине худого здоровья.

А Пётр Фёдорович вдруг прекратил жаловаться на боли, в глазах его сверкнул ужас, и он воскликнул:

– Пастора мне, пастора, пастора…

Но лютеранского священника искать было уже поздно. Да и вряд ли можно было найти поблизости. Сверженный император умер на глазах у всех, умер в мучениях, чем привёл в отчаяние и

Орловых, и Потёмкина.

– Вот так, – проговорил Григорий Орлов. – Чему быть, того не миновать. Вот теперь объяснение с государыней императрицей, – он впервые так назвал Екатерину Алексеевну, – будет суровым.

– Да что уж тут. Лекарь свидетель. Ни при чём мы, – сказал Потёмкин.

– Вот поглядишь, – возразил Алехан. – Мы ещё в Ропше на эту тему говорили…

Императрица была крайне огорчена случившимся. На следующее утро после получения известия о смерти Петра Фёдоровича Екатерина Романовна Дашкова, её подруга и активная участница переворота, нашла Екатерину Алексеевну почти в отчаянии.

– Я невыразимо страдаю от этой смерти, – говорила она. – Вот удар, который роняет меня в грязь.

– Да, смерть слишком скоропостижна для вашей и моей славы, – согласилась Дашкова.

Екатерина Романовна выслушала объяснения императрицы, но кто-то уже успел убедить её в виновности Алексея Орлова. Государыня поняла, что переубеждать бесполезно.

Немало ей теперь предстояло разговоров и писем по этому поводу. Даже Станислав Понятовский, прежде связанный с нею тесными узами, хотел услышать вразумительные объяснения, и бог весть, поверил, нет ли. Ведь на Западе верят в то, во что выгодно верить, а в то, во что не выгодно, в то не верят или делают вид, что не верят.

Императрица Екатерина II писала Станиславу Августу:

«…Я послала под начальством Алексея Орлова, в сопровождении четырёх офицеров и отряда смирных и избранных людей, низложенного императора за 25 вёрст от Петергофа в местечко, называемое Ропша, очень уединённое и очень приятное, на то время, пока готовили хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге… Но Господь Бог расположил иначе. Страх вызвал у него (Петра) понос, который продолжался три дня и прошёл на четвёртый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел всё, что хотел, кроме свободы. Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав [перед тем] лютеранского священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]».

Могла ли императрица Екатерина II прибегнуть к словам: «Но Господь Бог расположил иначе», если бы не верила в

невиновность Орловых в смерти сверженного императора? Впрочем, вина, конечно, была. Косвенная вина в том, что Петру Фёдоровичу давали горячительных напитков без ограничения. Это и привело к его смерти от приступа болезней, которых немало у него было заложено в чёрном, несчастном, тяжелейшем детстве.

Станислав Август Понятовский. Художник М. Бачиарелли

А молва поползла по Петербургу, пока ещё не очень-то и нужная горожанам, продолжавшим радоваться избавлению от тирана. Тираном его молва назначила, тираном и считала, хотя мало кто понимал, в чём конкретно вред России от такого правителя. Зато об императрице разговоры были совершенно иными. На неё смотрели с большими надеждами, а ей, совсем ещё молодой женщине, которой всего-то пошёл недавно тридцать четвёртый год, предстояло вести корабль по имени Россия по бурному морю, кипящему крутыми волнами политики, дипломатии, войн, и при этом свято помнить о народе, который

держит на своих плечах этот корабль.

Здесь необходимо заметить, что Петра собирались отправить туда, куда он намеревался засадить Екатерину с сыном Павлом, причём их хотели посадить не в покои, а в темницу, подобную той, в коей содержался Иоанн Антонович. Вот уж поистине: не рой яму другому – сам попадёшь.

Заявление императрицы Екатерины II о причине смерти Петра Фёдоровича почему-то многими ставится под сомнение. Обратим внимание на начало этого заявления: «Но Господь Бог расположил иначе». Каждый здравомыслящий человек, а именно к таковым все без исключения относят Екатерину Великую, может прибегнуть к подобным словам, лишь сознавая полную ответственность перед Богом за то, что собирается сказать далее, опираясь на подобное, словно подтверждающее истину, заявление.

Можно спорить о степени веры Екатерины, хотя спор этот бессмыслен, ибо только Бог и сам человек могут знать об истинности веры этого человека. Но никто не имеет достаточно фактов, чтобы обвинить Екатерину II в безверии. Между тем совершенно ясно, что ложь с подобной, вышеприведённой и выделенной фразы люди в здравом рассудке не начинают.

Почему-то сообщение о якобы естественной смерти самой Екатерины Великой теми же историками, которые усомнились в естественной смерти Петра III, не берётся под сомнение, как и якобы естественная смерть Г. А. Потёмкина, как и якобы естественная смерть А. В. Суворова, как не берётся по сомнение то, что Николай Первый либо умер от «Евпатории (издёвка) в лёгких», намёк на сдачу Евпатории, повлиявшую на состояние здоровья, либо отравился, что вообще невозможно по той причине, что государь был православным верующим.

А вот Петра III умертвили, и всё тут. Откуда же эти данные? Ведь его охраняли всего несколько человек, которые одни имели возможность знать о происшедшем. Впрочем, о том, что произошло в Ропше и каковы были последние часы свергнутого с престола Петра Фёдоровича, знает только Всемогущий Бог. И какой ещё могла быть судьба этого человека, вызванного в Россию и облагодетельствованного императрицей Елизаветой Петровной, катавшегося как сыр в масле, но при этом пьянствовавшего беспробудно, сколь душе угодно. Что заслужил человек, не знавший ни в чём отказа, сирота, имевший возможность при ином, неповреждённом нраве и характере, обрести в Елизавете Петровне вторую мать, но в «благодарность» едва не пустившийся в пляс при кончине своей благодетельницы?!

О более чем непристойном поведении Петра у гроба усопшей императрицы Елизаветы Петровны свидетельствуют все дошедшие до нас источники. Разночтений нет – он не скрывал торжества по поводу смерти благодетельницы и уже только за это достоин Божьей кары. Смерть же его была крайне невыгодна Екатерине II, хотя многие историки обвиняют её в том, что она якобы дала тайное указание умертвить его, хотя и не имеют на то никаких документальных подтверждений, кроме своей болезненной интуиции.

А вот животный страх перед своим будущим вполне мог свести в могилу слабого здоровьем Петра. Высокомерные и своенравные деспоты, чему подтверждением немало примеров, низвергаясь с высоты, становятся трусливыми до отчаяния и жалкими. Так, Пётр III, пытаясь поймать и облобызать руку Панина, который привёз повеление императрицы, показал, что мужества в нём не было ни грамма.

«Я считаю, – писал Панин, – несчастием всей моей жизни, что принуждён был видеть его (Петра III. – *Н.Ш.*) тогда; я нашёл его утопающим в слезах».

Много труда стоило Панину, чтобы не дать бывшему императору поцеловать ему руку. Таково низвержение гордыни. Преподобный Ефрем Сирин недаром писал: «Гордость подобна высокому, согнившему дереву, у которого ломки все сучья; и если кто взойдёт на него, тотчас обрушится с высоты». «Гордость и дерзость лишают здравого разума человека», – учил святитель Иоанн Златоуст.

То, что Пётр Фёдорович был убит по приказу Екатерины, не доказано. Более того, Ольга Елисеева в книге «Потёмкин», в которой впервые создан столь полный и правдивый портрет светлейшего князя, убедительно опровергает причастность только что вступившей на престол императрицы к убийству свергнутого Петра. Она доказывает, что смерть его была ей действительно совершенно невыгодна, о чём императрица в отчаянии сказала Дашковой, когда пришло о том известие. Но зато эта смерть была просто необходима Никите Панину и его окружению для возведения на престол Павла в возрасте, в котором он оказался послушной игрушкой в их руках. Ольга Елисеева указала, что убийца был послан именно Паниным, что проник он в помещение, где содержался Пётр, тайно, а граф Теплов умело отвлёк внимание Алексея Орлова, вызвав его на улицу для разговора. Впрочем, высказывая эту версию, Ольга Елисеева замечает, что тайна смерти Петра «до сих пор остаётся раскрытой не до конца».

Последняя капля романовской крови?

После смерти свергнутого с престола Петра Третьего остался лишь один отпрыск рода Романовых, хоть и по женской линии, но имевший значительно большее отношение к династической ветви, нежели даже Пётр Третий, относительно деда которого у историков есть большие сомнения в том, что он действительно сын Алексея Михайловича.

Отпрыском же этим являлся Иоанн Антонович.

К нему проявляли интерес и Елизавета Петровна, и Пётр Третий, и Екатерина Вторая. Он не мог не волновать тех, кто находился на престоле.

Пётр Третий в марте 1762 года посетил Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости.

После того посещения английский посол Букингем во время аудиенции прямо у царя поинтересовался у императора: правда ли, что заточённый в крепость Иоанн безумен?

– Нет-нет, – ответил Пётр Фёдорович, – я нашёл его в уме здравом, на вопросы отвечал вполне складно, встрече был рад.

– Говорят, он косноязычен, что заикается…

– Мы беседовали несколько часов. Я этого не заметил, – возразил Пётр Третий.

То же самое подтвердил и барон Корф, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, сопровождавший императора в Шлиссельбург и присутствовавший при встрече.

Барон Николай Андреевич Корф, пятидесятилетний царедворец, генерал-аншеф, действительный камергер, был уроженцем Курляндии и на русскую службу попал в период царствования императрицы Анны Иоанновны. Довелось ему и в столице послужить, и до звания премьер-майора в кавалерийском Копорском полку дойти по службе. А потом посчастливилось и с царским домом породниться. Он женился на племяннице императрицы Екатерины Первой – Екатерине Карловне Скавронской, дочери её родного брата.

Именно ему было поручено императрицей Елизаветой Петровной доставить в Россию выбранного ею наследника престола герцога Карла Петера Ульриха, что он и исполнил 5 февраля 1742 года и за что удостоился чина действительного камергера. Затем он управлял прибалтийскими губерниями, а во время Семилетней войны – областями, занятыми русскими войсками в Пруссии. В конце 1760 года получил назначение

генерал-полицмейстером Петербурга. При восшествии на престол Петра III был осыпан наградами – получил чин генерал-аншефа, орден Святого Андрея Первозванного, чин подполковника лейб-гвардии Кирасирского полка, в котором полковником состоял сам император, а вскоре Пётр III назначил его главным директором над всеми полициями. Корф проявлял максимум осторожности и даже не пытался произвести розыск, хотя не мог не иметь данных о готовящемся перевороте. Будучи облагодетельствован Петром III, он равнодушно взирал на подготовку к его свержению, уверившись в неизбежной победе императрицы, и, едва переворот свершился, сразу стал на её сторону. Когда Екатерина Алексеевна выступила во главе гвардии в Петергоф, она оставила Корфа охранять Павла Петровича. То есть судьба и здесь свела его с Никитой Паниным. Панина волновало то, что в Шлиссельбургской крепости содержится узник, который может стать в мятежных руках знаменем переворота. Нужно было окончательно решить вопрос с последним отпрыском Романовых.

Специально на приём к государыне Корф проситься не стал, но когда она вызвала его по поводу создания Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, которая должна была продолжить дело уже исчерпавшей себя Комиссии о Санкт-Петербургском строении, созданной ещё в 1737 году, Корф, улучив момент, сказал:

– Есть, матушка государыня, интересная информация. Приходил ко мне воспитатель великого князя и наследника престола граф Панин. Выспрашивал об Иоанне Антоновиче. Каков он? В здравом ли уме?

– И что ты ответил ему?

– Как есть!

– А как есть?! Зачем ему это всё?

Стало ясно: Панин что-то замышляет.

Многие считали, что императрица Екатерина владеет престолом незаконно. Даже поговаривали, что для узаконения этого нужно бы ей вытащить из заточения Иоанна Антоновича, привести в порядок да обвенчаться с ним, дабы упрочить трон. Всё ж государь законный.

Н. А. Корф. Неизвестный художник

Вряд ли императрицу заинтересовала таковая перспектива, но всё же она решила посмотреть, в каком состоянии находится Иоанн Антонович. Заявлению Петра Фёдоровича о том, что он в здравом уме, веры мало.

Получив данные о том, что Никита Панин проявляет особый интерес к узнику, императрица поручила ему организовать ей встречу с ним и присутствовать при сём.

Никита Панин предложил устроить встречу в Мурзинке, тихом уединённом месте неподалёку от столицы. Туда было приказано доставить узника. Привезли его офицеры охраны – капитан Власьев и поручик Чекин. Они из Ингерманландского пехотного полка, на который возложена охрана узника. За несколько лет ревностной службы показали себя надёжными. Привезли под видом колодника Григория. Путь таков. На лодке через Ладогу. В лодке установили будку, чтобы гребцы знать не знали, кого везут. Ну а затем пересадили в закрытую кибитку и

привезли по лесной дороге в Мурзинку.

Поездка та надолго запомнилась государыне. Да что там надолго?! Почитай на всю жизнь. До того дня она полагала столь жёсткое отношение к живому человеку, совсем неповинному в том, что родился наследником престола, грехом императрицы Елизаветы Петровны. Ну а теперь ей решение предстояло принять после разговора с ним. А это уже становилось её личным грехом. Ох как трудно принимать решения такого порядка. Вот ведь, с одной стороны, надо судьбу человека определить, причём человека безвинного, – либо в каземат, либо на волю, а то и в наследники престола. Да на трон?! Но от этого решения зависят жизни миллионов людей. Ведь этот претендент на трон может стать знаменем для всяких людей и обществ, жаждущих бунтов и переворотов.

Императрица немного посидела в тишине пустого зала, отдыхая после дороги и настраиваясь на эту нелёгкую встречу, затем сказала Панину:

– Ну так давайте его сюда!

Панин вышел. Через некоторое время дверь снова отворилась и на пороге появился худощавый, вздрагивающий от страха человек. Он был одет в кафтан, суконные панталоны, переходившие в чулки. Нелепо сидели на ногах башмаки большего, чем нужно, размера. «Готовили к встрече, а одёжу не подогнали, – поняла Екатерина, стараясь отвлечься на посторонние предметы. – Вот он каков, несостоявшийся император. Лицо бледное. Вид болезненный. Под глазами синие разводы. Что за чучело?! Да он ли это? Иоанн ли?»

– Иди ближе, не бойся. Посмотреть на тебя хочу да спросить кое о чём, – мягко сказала императрица, и её тёплый, приветливый голос ободряюще подействовал на узника.

Тот сделал несколько шагов. Остановился, всё так же вздрагивая всем телом и опасливо озираясь.

Императрица поначалу хотела говорить наедине, полагая, что есть о чём говорить. И Панин уже направился к двери, но она сказала:

– Останься, Никита Иваныч. Тут секретов никаких нету – неоткуда им взяться.

А сама, как впоследствии отметила в «Записках…», подумала:

«Да уж, муженёк так муженёк. Придумали же… венчаться и венчать на царство. Но полно. Действительно ли это Иоанн Антонович? Уж не подменили ли?»

А ведь всё могло быть. Всё! Борьба за власть – дело страшное. Подмену-то и тайно от императрицы Елизаветы могли совершить. И сделать подобное могли те, кто стоял рядом, в ближайшем

окружении, кто был освещён её лучами и опасался потрясений, могущих погасить эти лучи.

– Кто ты, мил человек? – очень мягко спросила государыня. – Имя своё назови. Я тебе зла не желаю.

Узник испуганно посмотрел на неё, закрыл тощими ладонями лицо, ставшее ещё белее, хотя, казалось, что уж белей и некуда.

– Я, я… Я не ведаю кто. Я… – Он силился что-то вспомнить, видимо то, что ему постоянно внушала стража. – Я не тот, за кого меня считают. Отпустите меня, отпустите. Я ни в чём не виноват.

– Так кто же ты? Кто?

– Я не тот. Принца извели, а меня заместо него держат.

Вот это поворот. Императрица посмотрела на Никиту Панина. На лице графа отразилось удивление. Он тоже не ожидал подобного ответа.

– Но кто же, если не принц? – уже твёрже спросила императрица, но твёрдые нотки в голосе только напугали узника, и с ним сделалась истерика.

– Ну, успокойся! – снова мягко проговорила государыня, но успокоить было уже невозможно.

Узник рыдал.

– Проси, что ты хочешь, – ласково сказала Екатерина. – Проси же. Свободу дать не могу. На то нет у меня права. Проси…

– В монастырь, в монастырь! – заговорил он скороговоркой. – Постригите Феодосием.

– Хорошо. Я подумаю! – сказала она. – Я подумаю, – повторила снова и кивнула Панину, мол, разговор окончен.

Панин вышел, чтобы распорядиться, и в комнату ступили караульные офицеры.

Узник шарахнулся от них, он словно хотел броситься под защиту той дамы, которая беседовала с ним так тепло, как, наверное, никто не беседовал никогда. Но его уже крепко держали капитан Власьев и поручик Чекин.

– В Шлиссельбург? – зачем-то спросил Панин, хотя и так было ясно, куда отправлять Иоанна Антоновича.

Императрица молча кивнула и стала собираться в обратную дорогу. Было о чём подумать. В таком состоянии, в коем находился этот узник, который то ли был Иоанном Антоновичем, то ли являлся действительно сменившим по чьей-то злой воле давно убитого или умершего Иоанна, он опасен значительно более, нежели человек, состоящий в здравом уме. Ведь человек в здравом уме, по крайней мере, будет адекватен в принятии решений, пусть и преступных по отношению к власти, а этот – этот просто может оказаться удобной ширмой в руках проходимцев, куклой, которую будут выставлять, чтобы от её

имени творить преступления.

И отпустить нельзя, и держать грех. В монастырь? Один выход. Повелела подготовить перевод «в не весьма близкий и в не весьма отдалённый монастырь», да имя надо переменить. Назвать Геврасием. Слышала Екатерина, что Елизавета Петровна сжалилась над узником и установила добрый паёк, который небось и охране приглянулся. Уж больно исхудал узник.

Опасен он был разве что при попытке освобождения ради возведения на престол. Что ж, тогда выход один – ликвидация. И как бы ни милосердна была императрица, допустить смуты в государстве она не могла, просто не имела права. А потому наутро повелела ужесточить инструкцию, по которой строго предписать охране, что делать в случае вооружённой попытки освобождения…

Приказано было при любых попытках вывезти из крепости арестанта даже с предъявлением документов, «онаго никому не отдавать и почитать всё то за подлог или неприятельскую руку. Буде ж так оная сильна будет рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

Панин участвовал в составлении инструкции, и уж поскольку был посвящён в сии дела, передал её в крепость коменданту. Передал и сделал один важный для себя вывод. Освобождения узника следовало опасаться не только самой императрице, но и ему вместе с его воспитанником. Это же ведь потомок иной, чем Павел Петрович, ветви, потомок Иоанна Пятого.

Панин, получая сведения о разговорах по поводу Иоанна Антоновича, понял, что над великим князем, как, собственно, и над его матерью Екатериной Алексеевной, нависают тучи. Он снова вспомнил о Петре Фёдоровиче, у которого был в отношении узника какой-то свой, пока неразгаданный план. Уж не против ли Павла Петровича направлен? Ведь других наследников престола не было. А не взял бы в один прекрасный день да и не объявил бы император наследником своим Иоанна Антоновича? Нелепо? Да! Но разве не нелепо то, что сам Пётр Фёдорович оказался наследником престола в ненавистной ему России? Что только не случалось в дворцовых интригах!

Вполне понятно, что сам Иоанн Антонович ни на что не способен, но так ведь не ради него же и переворот замышляется. Кто там за его спиной? Панин понимал, что это какая-то тайная группировка, а если точнее, то какая-то иная тайная ложа, чем та, в которой состоял он. Кто руководил всем этим, кто дирижировал протестом против Екатерины? Видно, уже заметили, что она не хочет плясать под чужую дудку, и ищут способы поменять направление политики.

Панин безоговорочно выступил во время переворота на стороне Екатерины Алексеевны. На этом этапе ему было с нею по пути. Ну и конечно, её восшествие удалило из соперников Павла Петровича Иоанна Антоновича. Вполне понятно, что государыня считала единственным своим наследником именно сына.

Но вот первый этап позади. Вышел из игры и Пётр Фёдорович. Теперь настала пора продвигать к престолу юного наследника, Павла Петровича. Совсем ещё юного. И тут снова возникла тень Иоанна. Надеяться на то, что Екатерина ликвидирует его, было бесполезно. Он понимал, что милосердие и великодушие императрицы не знают границ. Так надо подрывать веру народа в эти добрые её качества. Как хорошо вышло с Петром Фёдоровичем! Всё на неё списали, хотя она и неповинна вовсе, хотя кому-кому, а уж ей смерть бывшего императора и бывшего мужа никак не была выгодна.

Повидала императрица Иоанна Антоновича. Выводы сделала, но пока никаких кардинальных решений не приняла. На очереди стояли задачи иные, задачи важнейшие.

Пётр Фёдорович был в какой-то степени преградой для вступления на престол Павла Петровича. И его Панин считал необходимым убрать. Ну а Иоанн Антонович? Выходило, что тоже преграда. Тоже помеха. Значит, лучше было бы, если бы его не было.

Панин знал, что Иоанн Антонович охраняется не так уж и серьёзно. Ну что такое три десятка солдат, которые были в распоряжении обер-коменданта полковника Бередникова. Командовали ими капитан Власьев и поручик Чекин. Это уж и не такая большая сила. Правда, инструкция у офицеров была строгая – в случае попытки освобождения Иоанна Антоновича немедленно убить его. То есть какие силы ни приводи, успеха не добьёшься – не получишь узника живым. Чтобы держать руку на пульсе, Панин сумел установить контакт с Власьевым.

Установил, надеясь, что как-то удастся воспользоваться утверждённой в отношении узника инструкцией, обязывающей немедленно ликвидировать его при любой попытке освобождения. Уж не организовать ли такую попытку? Для этой цели нужен какой-то фанат, который поверит в возможность возвыситься благодаря содействию в возведении на престол Иоанна Антоновича.

Значит, надо подобрать такого офицера и сделать так, чтобы он начал нести службу во внешнем карауле крепости.

Никита Панин получал многие важные для него сведения через братьев по масонской ложе. В ответ он ориентировал «братьев» на поиск подходящего офицера на одно важное дело, о

котором, разумеется, не говорил, офицера, обиженного на императрицу. Вскоре доложили, что уже неоднократно подавал прошение на имя императрицы некий подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович. Просил он о возврате конфискованных у его отца фамильных имений.

После этого уже не составляло большого труда узнать и всю родословную Мировича.

Агент доложил:

– Подпоручик Мирович является внуком изменника, переяславского полковника Фёдора Мировича, выступившего в войске Мазепы на стороне шведов и после разгрома Карла Двенадцатого под Полтавой, бежавшего в Польшу. Отец подпоручика Яков Мирович был уличён в тайной поездке к Польшу к своему родителю, за что сослан в Сибирь с конфискацией имений. Там, в Тобольске, и родился в 1740 году Василий Мирович.

Панин размышлял.

Смоленский пехотный полк был в подчинении брата, Петра Ивановича Панина. Никита Иванович решил с его помощью перевести Мировича в Шлиссельбург.

В 1863 году такой перевод удалось выполнить. Никита Панин начал осуществление грандиозного тайного замысла. Сначала перевод, затем причисление к караульным подразделениям, несущим внешнюю охрану крепости. Если бы речь шла о попытке освобождения, нужно было бы выбрать кого-то из охраны внутренней. Но для исполнения коварного плана необходима именно внешняя охрана, которая может действиями своими принудить внутреннюю к исполнению инструкции.

Наконец удалось ввести Мировича в число офицеров, несущих по очереди караульную службу. А вот теперь настала пора поработать с подпоручиком. Объект более чем удобен. Он ведь знал, как богат был его малороссийский род до известных событий. И вот отпрыск этого рода живёт на скромное жалованье подпоручика.

Мирович продолжал обивать пороги госучреждений, пробиваться на приём к высокопоставленным вельможам. Посоветовали ему обратиться к Кириллу Григорьевичу Разумовскому, мол, он тоже малоросс, то есть земляк! Ну как тут не помочь? Ведь всего-то стоит Разумовскому замолвить словечко, и глядишь, милосердная государыня пойдёт на уступки. Не знал он, сколь презирала Екатерина Алексеевна изменников и предателей. Не знал, а потому надеялся на успех.

Кирилл Григорьевич Разумовский встретил приветливо.

Расспросил о родовых краях Мировича, о его предках. Тот ужом закрутился, когда надо было говорить о деде. Стал выдумывать на ходу. Не ведал, что Разумовский, прежде чем принять его, повелел собрать все необходимые сведения и был в курсе измены и деда, и отца.

Выслушав Мировича, Разумовский сказал:

– Слишком тяжко преступление деда твоего, молодой человек! Предать царя, да ещё в такую трудную минуту, и переметнуться к изменнику Мазепе? Не думаю, что государыня простит, не думаю. А твой отец? Что ему нужно было? Зачем тайно ездил в Польшу? Заговор готовил?

– Я-то в чём виноват? – возразил Мирович. – Почто за отца и деда отвечать должен?

– Э-э, молодой человек, отвечать, гутаришь, не должен, а богатством нажитым пользоваться должен? Не-ет… Уж коли от отца и деда отрекаешься, то и от их богатства тоже. И вот что скажу тебе! Ты, молодой человек, сам себе прокладывай дорогу. Старайся подражать другим, старайся схватить фортуну за чуб и будешь таким же паном, как другие.

На том и окончился разговор. Разумовский дал понять, что не задерживает более, – словом, выпроводил просителя, хоть и был тот земляком. Земляк-то земляк, да из роду крамольного. А Разумовские оба – и старший брат Алексей, тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны, и он, Кирилл, твёрдо встали на сторону Екатерины Второй. Она же изменников не жаловала.

Мирович стал искать богатую невесту. Да куда там. Отпрыск опального рода никого не интересовал. Шарахались от него родители богатых и знатных невест.

Единственная удача – перевод в Смоленский полк. Он даже не знал, кого благодарить за этот перевод. Послужил, освоился. Ходил в караул, не ведая, почему такая охрана организована и что там в крепости уж такое важное.

И вот наступило лето 1764 года. Люди Никиты Панина начали свою коварную работу. Первым делом сообщили Мировичу, кто находится под столь тщательной охраной в крепости.

В харчевне, за чаркой, незнакомый офицер осторожненько рассказал всё это. Рассказал без риска. Если бы Мирович поднял шум и стал возмущаться, разговорившегося офицера бы «схватили» люди Панина. Правда, в этом случае пришлось бы начинать всё сначала.

Разговор удался. Мирович и так безмерно страдал от безденежья, от необходимости постоянно на всём экономить.

– И ты чего-то ждёшь? Освободи Иоанна, и будешь при нём первым человеком.

– Так он же, сказывают, невменяем.

– Вполне вменяем и находится здесь, в двух от тебя шагах – твоё богатство, твоя знатность у него в руках!

Не сразу, конечно, но Мирович стал заговаривать о таком лёгком пути к богатству и к власти со своими подчинёнными. Искал соратников. Обратил он внимание и на капитана Власьева. Как будто тоже подходил для подобных дел.

К нему подкатился очень осторожно.

А тот неожиданно заявил, что и сам не раз подумывал о том же.

Обрадовался Мирович, а зря. Не ведал он, что Власьев, кроме официальной государственной, состоит на тайной службе у Никиты Панина.

Власьев, конечно же, не знал истинных планов и всех тонкостей дела, но тут же поспешил сообщить Панину о готовящемся заговоре по освобождению Иоанна Антоновича и свержению императрицы.

Что должен был сделать Панин?! Конечно, немедленно доложить государыне. И всё бы решилось быстро и просто. Мировича бы арестовали, пытали, ну и выяснили, что к чему.

Но Панин принял всё к сведению и велел Власьеву ещё пуще нести службу и в опасный момент непременно выполнить инструкцию. Ну и непринятие мер объяснил тем, что заговорщики пока никак себя не проявили, а потому и предъявить им нечего. Государыня не велит наказывать за слова так, как за дела.

Мирович перед телом Ивана VI. Художник И. И. Творожников

Дело закрутилось. Мирович стал готовить выступление, а Власьеву было сказано, что в случае успешного подавления бунта будет высоко награждён.

Граф Никита Панин потирал руки. Как будто бы всё складывалось неплохо. Главное, чтобы Власьев сработал так, как того требовала инструкция. Вполне понятно, что Мирович не смог бы добиться желаемого, но, если бы он вырвал из крепости Иоанна Антоновича и тот исчез из поля зрения, возникли бы десятки, сотни Иоаннов Антоновичей, что создавало хоть и мнимую, хоть и виртуальную, но альтернативу Павлу Петровичу.

Панин всё ещё внешне играл на стороне императрицы. Не мог он только понять одного – насколько ей самой опасен этот безумный узник. Если опасен, ликвидация пройдёт без сучка, без задоринки, а если она вздумает вести следствие серьёзно? Как бы не стали раскапывать и «странное» убийство в Ропше. Дело и вовсе запутанное и никому толком не известное. Сам Панин узнал не сразу, кого убил посланный им киллер. А другим и узнать невозможно было. Всё держалось в строжайшем секрете.

Императрица Екатерина тем временем заявила своим царедворцам, что видела Иоанна Антоновича и что он произвёл на неё ужасное впечатление. Сколько раз она думала о тяжести ответственности за принятое решение. Сколько раз снова и снова рассуждала о несправедливости содержания в темнице

безвинного человека. Но так и не могла найти выхода. Ведь тёмные силы, противодействующие России, искали любую возможность расшатать царский трон. Разве не пример тому Смутные времена с самозванцами? Лжедмитрии посыпались как из рога изобилия, да только изобилия-то ужасного, кровавого изобилия.

Между тем офицер, который поведал Мировичу о томящемся в крепости Иоанне Антоновиче, периодически как бы случайно встречался с ним и всеми силами стремился настроить на решительные действия по освобождению узника. Он убеждал, что стоит только вырвать державного узника из рук охраны, привести его в ближайший полк, и восстание начнётся повсеместно, поскольку недовольство императрицей Екатериной Второй растёт и ширится. Мирович верил, потому что реальной обстановки не знал.

Офицер советовал изучить своих подчинённых, выяснить, кого можно привлечь на свою сторону.

– Объясните, какие возможности, какие перспективы! Не прозябать на службе в нижних чинах, а оказаться при дворе. Вон поглядите, как братья Орловы устроились! Все в фаворе! А у вас такая возможность! Царственный узник под охраной.

Мирович не слишком хорошо разбирался в политике, не слишком хорошо был знаком с обстановкой в столице. Человек часто судит о людях, об их мыслях по своим мыслям, по своим делам. Мирович был обижен на то, что не хотят ему возвратить то, что отобрано у деда, ну а о том, что отобрано по заслугам, не думал, потому что невыгодно думать.

Одно сильно тревожило. В случае неудачи неминуема казнь! О том однажды заявил офицеру, с которым всё чаще виделся, причём каждый раз как бы случайно.

– Без риска ничего не делается. Думаете, императрица Екатерина не рисковала? Думаете, братья Орловы не рисковали? Ещё как рисковали.

Ну и расписывал Мировичу всё, что происходило в России в столь бурном и богатом на смены власти веке.

– Ну а потом, в чём риск-то?! Внезапно ворвётесь в охраняемую зону. Там народу, насколько мне известно, совсем мало. Некому караулу вашему противостоять. Совсем некому. Да ведь и охранников на свою сторону привлечь можно…

Страшновато, слов нет. Но вдруг всё получится?! Мечты, мечты – они не давали Мировичу покоя. Он стал осторожно заговаривать то с одним подчинённым, то с другим. И перспективы разрисовывал – те же самые, что ему расписал офицер, словно бы шефство над ним взявший. Офицер же

намекал на тайные общества, которые сразу придут на помощь, как только дело начато будет. А в случае неудачи тоже есть пружины сильные – выведут из-под удара.

Слышал Мирович о тайных обществах, слышал о ложах. А офицер, который действовал строго по поручениям и подробным инструкциям графа Никиты Панина, продолжал приводить примеры наиболее яркие и всем известные. Просто внимание заострял на тех деталях, которые буквально будоражили Мировича.

И Мирович в конце концов отважился на решительные действия. Уж больно заманчива перспектива. Тем более эпоха дворцовых переворотов давала столько удачных примеров взлёта на необыкновенную высоту тех, кто не побоялся рискнуть и победил.

А Панин продолжал действовать упрямо и расчётливо. Известно ему было, что Мирович, привыкший к расточительству, забавам и кутежам, проигравший в карты жалкие остатки прародительских состояний, нуждался в средствах. Ну и стал подкидывать ему понемногу – как бы на подготовку переворота. Предполагал, куда обратит эти средства Мирович, предполагал и не ошибся.

Вскоре Мирович нашёл надёжного, как ему показалось, единомышленника – своего сослуживца поручика Ушакова, такого же игрока и кутилу, как и он сам.

Когда оба в очередной раз проигрались вдрызг, заговорил прямо, без всяких недомолвок:

– Вот мы здесь с тобой копейки считаем, хотя службу влачим тяжкую, а некоторые в роскоши купаются, хотя ничем не лучше нас.

– Это кто же? Кого в виду имеешь? – спросил Ушаков.

– А кто нонешнюю императрицу на трон посадил? Или не знаешь?

– Орловы, что ль?

– Не пора ли потеснить их, не пора ли нам у трона встать?

– Это каким же образом? – удивился Ушаков.

– Иль не ведаешь, кого мы с тобой охраняем? Иль не слышал, кто в крепости томится? – спросил Мирович.

Слышал Ушаков или нет, Мирович так и не узнал, потому что собутыльник его предпочёл слушать. Мирович и поведал о державном узнике Иоанне Антоновиче, заточённом в крепость после переворота, в результате которого была возведена на престол императрица Елизавета Петровна.

Ну а далее уже пошла неприкрытая агитация. Мирович быстро убедил Ушакова в том, что стоит только пальцем

шевельнуть, то есть устранить небольшую внутреннюю охрану, освободить Иоанна Антоновича, привести его в ближайший военный лагерь и тем самым начать переворот, который, как он уверял, сразу поддержат и народ, и чиновники государственных учреждений.

О том, что стоит только поднести спичку к давно сложенному костру, как сразу полыхнёт, постоянно твердил Мировичу агент Панина. Он поначалу даже вызвал своими советами некоторое недоверие.

– Да ты почём всё знаешь-то, что пойдут войска за Иоанном? – спрашивал Мирович.

– Да я ж в артиллерийском лагере служу. А там только и разговоры о том, что пора нового государя провозгласить, – отвечал тот. – Потому я и искал офицеров, что в караул ходят по охране крепости. Не хочешь, так другого найду. Другому и всё достанется…

Как же такое можно было допустить?! Мирович сам мечтал удачу за чуб схватить, как советовал ему Разумовский.

Офицер же торопил. Убеждал, как необходим он заговорщикам и в полку, и в госучреждениях.

Сообщил Мирович офицеру и о своём сообщнике, который настолько проникся идеей провозглашения нового императора, что готов освободить его хоть во время очередного наряда в караул.

Быстро составили план. Предполагалось атаковать внутреннюю охрану крепости, склонить её на свою сторону или уничтожить, а затем, освободив Иоанна Антоновича, отвезти его в артиллерийский лагерь на Выборгской стороне.

– Там ждут с нетерпением! – уверял агент Панина. – Офицеры и солдаты тотчас же присягнут новому императору и включатся в дальнейшие действия.

Далее планировалось отправиться в Петропавловскую крепость, захватить пушки и открыть пальбу для привлечения народа, чтобы объявить о провозглашении нового императора.

Офицер утверждал, что уже сформирован отряд офицеров, который сразу же отправится в Сенат и Синод для ареста тех, кто откажется принять участие в перевороте.

Ну и конечно, агент Панина ссылался на историю предшествующих переворотов, прошедших успешно. И решил Мирович, что армия вполне справится ещё с одним. Он не мог понять, что воцарение однажды уже свергнутого русской гвардией Иоанна Антоновича невозможно, как невозможна и замена Екатерины II, возведённой на трон той же гвардией и всё более утверждающейся у руля государства.

Обсудив все детали, заговорщики стали с нетерпением ждать своей очереди назначения в караул по охране крепости. И вот в начале июля 1764 года дата заступления в караул определилась.

Близился решительный час. Мирович и Ушаков начали обработку солдат и офицеров караула, в который должны были заступить 45 человек.

Агент, узнав о полной готовности к операции, поспешил к Панину. Тот выслушал внимательно. У него уже были данные о том, что Мирович стал искать контакты с офицерами внутренней охраны, которую осуществляли комендант крепости Бередников и подчинённые ему офицеры Власьев и Чекин.

Панин понял, что серьёзный бунт не сулит ничего хорошего. К тому же ему стало известно, что поручик Ушаков не так прост, как кажется на первый взгляд. Панину доложили, что он связан с одной из масонских лож, да вот только не с той, к которой принадлежал сам Панин.

Большая заваруха в планы Панина не входила. Ему было важно устранить Иоанна Антоновича, именно его одного, причём сделать это руками внутренней охраны – руками Власьева и Чекина, которые имели соответствующие инструкции.

Тут же была организована срочная командировка поручика Ушакова в один из дальних гарнизонов. Во время поездки Ушаков погиб при странных обстоятельствах.

Несколько отложив своё выступление до возвращения Ушакова, Мирович ждал с нетерпением, горя желанием поскорее завершить дело. И тут пришло известие о гибели сподвижника. Известие насторожило Мировича. Он понял: что-то нечисто. Понял, что заговор может быть раскрыт. Откладывать было опасно, и он решил действовать самостоятельно, тем более что на подавляющее большинство солдат и унтер-офицеров караула посулы возымели действие. Личный состав караула готов был идти за своим начальником.

В ту же ночь, едва заступив в наряд, Мирович вывел склонённых к бунту солдат к дому коменданта крепости, вызвал коменданта и потребовал немедленного освобождения Иоанна Антоновича.

Комендант попытался урезонить Мировича и призвать к порядку солдат, но Мирович ударил его прикладом по голове и двинул свой отряд к каземату, в котором содержался узник.

Первый натиск оказался неудачным. Охрана каземата открыла огонь. Появились убитые и раненые. Теперь уже обратной дороги не было. Отряд Мировича превосходил числом охрану каземата, и следующий решительный приступ увенчался успехом.

Мирович ворвался в каземат первым, Власьев и Чекин, лично отвечавшие за узника, были разоружены.

– Где государь? – спросил у них Мирович. – Немедленно отведите меня к государю!

Чекин спокойно ответил:

– У нас есть государыня, а не государь!

Почуяв недоброе, Мирович велел открыть камеру, в которой содержался Иоанн Антонович. В темноте ничего не было видно.

– Принесите огонь! – вскричал Мирович и стал звать Иоанна Антоновича, называя его государем.

Когда осветили камеру, Мирович пришёл в ужас: Власьев и Чекин выполнили инструкцию – Иоанн Антонович был мёртв.

Солдаты, втянутые в заговор, в отчаянии бросились на офицеров охраны, но Мирович сказал:

– Оставьте их. Теперь помощи никакой нет, и они правы, а мы виноваты!

И действительно, уже ничего нельзя было изменить пролитием новой крови. Когда прибыли войска из столицы, Мирович первым сложил оружие. Его примеру последовали и втянутые в заговор солдаты.

Почему Мирович так легко решил сдаться на милость победителей? На что рассчитывал? На милосердие? Какое может быть милосердие к отпрыску изменников, попытавшемуся продолжить их путь! И всё же он на что-то надеялся. Надеялся, очевидно, вспоминая беседы с офицером, подтолкнувшим его к бунту. Мол, спасут какие-то неведомые силы.

Когда графу Никите Панину доложили о том, как прошло дело в Шлиссельбургской крепости, ему стало не по себе. Да, главная задача выполнена – Иоанн Антонович ликвидирован. Но Мирович-то уцелел! Вот в чём беда! Панин рассчитывал, что Власьев сумеет убить Мировича во время отражения нападения на крепость.

Надо было принимать меры, чтобы встать у руля следствия.

Панин немедленно отправил сообщение в Ригу, где в этот момент находилась императрица Екатерина.

Но первым в Лифляндию пришло всё-таки не панинское сообщение, а сообщение Алексея Орлова.

Ранним утром от Алехана примчался офицер, которому было поручено вначале сообщить о случившемся Григорию Григорьевичу, чтобы тот мог подготовить государыню.

Григорий Орлов взял пакет и не заметил, как подошла государыня. Она спросила:

– Что такое?

Пробежав глазами текст, сказал:

– Недобрые вести от Алехана!

– Ужель таковые ж недобрые, как в июне шестьдесят второго?! Тогда Алехан их лично привёз, ну а теперь?

– Не такие чтоб, но связаны с престолом, – осторожно сказал Григорий Григорьевич и пояснил: – Пятого убит царственный узник Иоанн Антонович!

– То есть как убит? Кем убит? – взволнованно спросила государыня.

Григорий Орлов пожал плечами:

– Была попытка освобождения.

Не успела государыня прийти в себя от этой вести, как прибыл курьер от графа Никиты Панина. Тот находился в Царском Селе с цесаревичем. Панин спешил отправить сообщение государыне, стараясь придать событиям свою интерпретацию.

– Убит офицерами охраны, – сказал Орлов, внимательно прочитав написанное Паниным. – Они просто выполнили инструкцию.

На сём полностью прервалась династия Романовых, прервалась по крови и осталась лишь по оглашению.

Но на этом не прекратились попытки свергнуть с престола императрицу Екатерину Великую и устроить на Русской земле новую смуту, подобную той, что случилась после смерти Иоанна Грозного и устранения оставшихся к тому времени в живых его наследников. Эти попытки явились также и следствием тех трагедий и драм, что сотрясали Россию в первой половине XVIII века, когда особенно сильно показала себя эпоха дворцовых переворотов. Восемнадцатый век нередко называли царством женщин. И действительно… Около двух лет правила Екатерина Первая, двадцать лет – Елизавета Петровна, затем мелькнула на троне правительница Анна Леопольдовна, а вот славное для России царствование Екатерины Великой и вовсе продолжалось 34 года. То есть более половины века правили в России женщины.

Была сделана тёмными силами Запада ещё одна попытка посадить на престол женщину, которую пытались выдать за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского. А кем же всё-таки была она на самом деле?

Княжна Тараканова, или дальше только самозванцы

Завершалась победоносная война с Османской империей, названная историками Первой турецкой войной в царствование императрицы Екатерины Второй (1768–1774 гг.). Войска генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева словно соколы перелетели через Дунай и сотрясли до основания турецкие вассальные владения. Европа в лице своей цепной собаки Турции терпела поражение за поражением. Стремясь ослабить Россию, тёмные силы Запада организовали Пугачёвское восстание, поставив во главе его самозванца, наименовавшего себя чудом спасшимся императором Петром Третьим. Этот бунт в какой-то мере помешал ещё бóльшим успехам российских войск на Дунайском театре военных действий.

С пугачёвщиной не получилось того, что хотели тёмные силы Запада. Бунт был подавлен.

Европа продолжала искать новые возможности ослабить Россию. Вот тут-то и вспомнили, что императрица Елизавета Петровна была в морганатическом браке с Алексеем Григорьевичем Разумовским. А какой брак без детей? Если детей не было, значит, надо их придумать. С Пугачёвым явно не получалось так, как бы хотелось. Далеко не все верили в чудесное спасение Петра Третьего. Уж слишком много шуму было по поводу его смерти, а сколько наветов на императрицу Екатерину Вторую, якобы погубившую своего супруга.

Решили разыграть несколько иную карту. В декабре 1773 года по Европе распространился слух, что появилась там дочь Елизаветы Петровны и Разумовского, некая «принцесса Владимирская», которую стали именовать «её императорское высочество принцесса Елизавета Всероссийская».

Нависала новая беда. На фоне разговоров о незаконном владении троном императрицы Екатерины Второй, которая отняла его у мужа и не отдала сыну, могло возникнуть новое знамя борьбы против могущества Российской империи, перепугавшего Запад. Во что могло всё вылиться? Во вторую пугачёвщину? Планировали тёмные силы отправить её в поход за российский престол пусть и не во главе банд коллективного Запада, но в качестве знамени иностранных полчищ по примеру походов Смутного времени. Нужно было пресечь эту опасность в самом её корне.

К кому могла обратиться Императрица Екатерина? На кого

положиться могла? Конечно, на своих ближайших соратников.

Лучшей кандидатурой для решения вопроса по отведению беды от России была кандидатура именно Алексея Орлова. Ему, как недавно вернувшемуся из Архипелага, побывавшему в Италии, кстати, разобравшемуся в проделках Запада и сообщившему императрице, что за спиной Пугачёва в числе других игроков стоит не только Польша, но и Франция, как раз и карты в руки.

И вот императрица решила поручить Алексею Орлову разобраться с самозванкой. Как? Лучше всего, конечно, вывезти её в Россию. Напомним, Пётр Первый то же самое поручал своим сатрапам в отношении царевича Алексея, и ни у кого это не вызвало ни малейших протестов.

Теперь посмотрим, что сделал Орлов, и попробуем представить, а что другое он мог сделать, чтобы не навлечь на себя гнев и презрение западников и прочих хулителей и в самой России, и тех, кто всегда стоял на страже интересов? Императрица прямо заявила в письме к нему о том, что надо сделать с Таракановой:

«Если возможно, приманите её в таком месте, где б вам ловко было посадить её на наш корабль и отправить сюда. Если же не удастся, требуйте от властей выдачи сей твари. А если те откажутся, бомб несколько в город метать можно».

Отважной и твёрдой была государыня, жёстко отстаивала честь и достоинство России. Отчего ж и не метнуть бомбы для нравоучения? Пусть знают, что шутки с Россией не годятся, плохи такие шутки для шутников.

Легко себе представить всю серьёзность положения, если императрица давала разрешение на применение корабельной артиллерии для склонения властей итальянских к выдаче самозванки.

1774 год… Алексею Орлову 37 лет. Статный красавец. Богатейший в России человек, граф, генерал, знаменитый победитель турок при Чесме.

Самозванке уже предлагал руку и сердце один польский вельможа из конфедератов. Ведь самозванка – проект польских конфедератов, пытающихся свалить императрицу Екатерину, вернуть времена, когда польские паны гуляли по русским просторам, грабили, убивали. Польша с той поры уже не та, потеряла свою силу и своё значение. Но озлобление тем выше. Да и на стороне её извечные враги России.

Русский писатель XVIII века Павел Иванович Мельников-Печерский, автор знаменитых романов «В лесах» и «На горах», в очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» отметил:

«Время появления самозванки весьма знаменательно: оно явилось непосредственно за первым разделом Польши и одновременно с Пугачёвым. Близкие сношения её с поляками, уехавшими за границу, особенно же со знаменитым князем Карлом Радзивиллом, коронным генеральной конфедерации маршалом… не оставляют сомнения, что эта женщина была орудием польской интриги против Императрицы Екатерины II. Об этой самозванке писали иностранцы с разными, по обыкновению, прикрасами. Они-то и утвердили мнение, будто эта женщина действительно была дочерью императрицы (Елизаветы Петровны. – *Н.Ш.*), имевшею законное право на русский престол…»

Далее автор говорит о том, что и небезызвестная картина исторического живописца Константина Дмитриевича Флавицкого (1830–1866), по его словам «заслуживающая, по отзывам знатоков, большую похвалу в отношении художественном и удостоенная Академией заслуженной награды, ещё более распространила в публике уверенность в истине небывалого происшествия, придуманного досужими иностранцами, писавшими много разнообразного вздора об Екатерине II».

Итак, вздор-то вздором, но на чём же основан он?

Действительно ведь была некая авантюристка, предназначенная ненавидевшими Россию поляками для новых агрессий против Русского мира. Точно так же действовали по замыслам тёмных сил, на средства Европы, и оба Лжедмитрия, и агент Римской католической церкви воспитанник Венецианской военной школы Болотников, и Пугачёв.

Княжна Тараканова. Художник К. Д. Флавицкий

Надвигалась новая гроза. И важным звеном в цепи новых агрессий была самозванка, которая открыто заявляла претензии на русский престол. Она говорила о том, что Пугачёв едва ли не её посланец, что она готова продолжить начатое им дело. И не просто говорила, издавала манифесты, писанные теми, кто руководил её действиями, направляя подмётные послания правителям западных стран с призывом выступить против императрицы Екатерины II и отобрать престол. Авантюристка переписывалась с турецким султаном, прося поддержки. Образ жизни при этом вела самый весёлый, что требовало средств, значительно больших, чем могли выделить ей конфедераты.

Её соглядатаи и наставники достаточно знали историю, чтобы понять, сколь могут дела их антироссийские стать полезными для Ватикана. Ведь в годы Смутного времени все

нашествия Лжедмитриев поддерживались и морально, и материально Римской католической церковью, всегда враждебной России. Вот и княжна-самозванка отправилась в Италию, чтобы заручиться поддержкой папы римского, ну и конечно, вытрясти из него денег и на борьбу, и на развлечения. Польские конфедераты не спускали с неё глаз, но она и сама постепенно обретала опыт борьбы за грядущее своё благополучие. Наивно думать, что она собиралась выступить против императрицы Екатерины по идейным соображениям.

Итак, государыня поручила Орлову либо принудить местные власти выдать самозванку, либо выкрасть её и привезти в Петербург.

Орлов не спешил. Он прибыл с флотом своим к берегам Италии. Есть данные и такого характера – не Алехан искал встречи с самозванкой, а она сама решила выйти на контакт с ним, скорее всего, по совету своих соглядатаев, которым уже было известно, что Григорий Орлов удалён от двора, а следовательно, Орловы отодвинуты от горнила государственной власти, по поводу чего обижены на Екатерину.

Княжна-самозванка сама написала письмо Орлову. Она знала, что её красота сводит с ума мужчин. Надеялась, что и на этот раз она сделает своё дело. Ну и Орлов, потеряв голову. Даже хвастливо заявляла, что Орлов принесёт ей «российский трон на острие собственной шпаги».

Красива ли была самозванка? Орлов так описал её: «Рост невелик, худощава, ни смугла, ни белолица, веснушчата; имеет тёмные волосы и тёмно-карие глаза…» На Западе свои мерила красоты. Те особи женского рода, что там считаются красивыми, в России вряд ли привлекут внимание.

Екатерине Орлов писал: «Я навязал бы ей камень на шею, да в воду».

Но императрице необходимо было заполучить самозванку живой, чтобы выяснить многие обстоятельства дела. Важно было понять, откуда всё-таки исходит угроза трону российскому.

Когда цель кажется достижимой – вот только руку протяни – так хочется протянуть руку. Авантюристы, самозванцы часто теряют способность мыслить здраво, когда вдруг перед глазами возникает необыкновенная возможность ускорить желаемое.

А тут всё, как казалось, складывалось великолепно.

Орлов прибыл в город, где поселилась самозванка. Произошла встреча, затем другая… Сердце самозванки, быть может, впервые в жизни было разбито. Она влюбилась по-настоящему. И показалось ей, что Орлов отвечает взаимностью. Мало того, он сразу объявил о том, что верит ей, признаёт в ней

дочь императрицы Елизаветы Петровны. Он снял ей шикарный дом в Пизе, где происходили их жаркие встречи.

Так зарождаются мечты… Спектакль разыгран как по нотам. Орлов ухаживает необыкновенно красиво, весь город сначала удивляется, потом любуется и восхищается великолепным романом.

А слухи множатся. Вот уж все говорят о том, что императрица российская очень гневается на своего генерала. Как так? Роман с той, которая хочет низложить её с трона! О том, что Орлов не сам влюбился, а выполняет задание, нигде ни слова. Известно лишь одно: он даже бросил ради самозванки свою любимую в России, необыкновенную красавицу Екатерину Петровну Давыдову.

Что делать красавице? Искать утешения в замужестве? Она-то ведь не посвящена в детали плана – в эти детали пока никто не посвящён.

А Орлов продолжает встречи. И вот уже княжна-самозванка очарована, сражена наповал.

Но что делают её покровители? Неужели и они верят в любовь графа? А как не поверить, если Орлов постоянно высказывает недовольство тем, что его брат Григорий получил отставку, что место его уже прочно занято Потёмкиным.

Да, было над чем подумать. Прервать бы роман, прекратить, пока не поздно. Но ведь очень, очень удачный проект. Авантюристка работает блестяще. Она способна созвать под свои знамёна всех недовольных восшествием на престол императрицы Екатерины. А таковых всегда достаточно. Ущемлены те, кто смотрел в рот Европии, кто хотел бросить к ногам Запада Россию.

Возможно, и думали авторы проекта, не остановиться ли, но уж больно хороший расклад получался. До сей поры самой надёжной опорой императрицы Екатерины в России были Орловы. И хоть её возлюбленным был Григорий, Алексей, судя по всему, имел при дворе не меньший вес. С его мнением императрица считалась. И все братья были защитой трона.

Теперь эта опора рушилась. Григорий остался не у дел, а значит, обижен. Алексей же и вовсе в Европе и влюблён в княжну, которая предназначена тайными силами для сокрушения императрицы Екатерины.

Как там уж выйдет – удастся или не удастся возвести на трон самозванку, там будет видно, а пока задача ближайшая – свалить Екатерину. Что ж, Орлов должен способствовать не только этому – ему бы выгоднее всего посадить на трон свою новую возлюбленную, чтобы занять таковое же место, как занимал его брат, да вот только более умно распорядиться этим местом.

Если бы Григорий занимал прежнее своё положение, вряд ли

бы те, кто опекал самозванку, поверили в намечающуюся удачу. А тут, действительно, всё объяснимо – обида порой заставляет совершать и не такие действия.

Просачивается информация, что у Алехана выход один – дорога к трону… Или в опалу полную.

Орлов же стремительно наступает. Вот уже сделано предложение руки и сердца. И самозванка соглашается – она действительно без ума от Орлова. Судя по всему, в данном случае не соображения карьерные охватывают её. Любовь, любовь на первом месте.

Именно это впоследствии вменялось в вину Орлову светским обществом, не желавшим думать, что было бы с Россией, когда б не стремительные действия Орлова по нейтрализации авантюристки, направляемой тёмными силами Запада.

Венчание назначили на русском корабле. Всё привели в торжественный праздничный вид. Все ждали праздника, который последует после венчания.

Княжна-самозванка приезжает в порт, её перевозят на корабль. Духовенство, гости… Она согласна венчаться по обряду православной церкви, да, собственно, как иначе, по легенде-то она православная… Иначе и быть не может… Дочь малоросса Алексея Разумовского и дочери императора Петра! Она уж как-то более русская, чем стопроцентная, как тогда полагали, немка Екатерина.

Перед священником, в роли которого выступил переодетый исполнитель роли, раскрылся обман. Священник, естественно, ряженый: Орлов, как человек верующий, не мог позволить себе совершить реальное венчание. Гости тоже – ряженые. А вот кандалы, в которые заковали княжну-самозванку, оказались реальными. Вместе брачного венца получила самозванка небо в клеточку. Заточили в специальную каюту и доставили её во вполне реальный равелин Петропавловской крепости, правда, поначалу устроили довольно сносное содержание, оставив при ней даже служанку.

А вот тут к месту сказать о том, что сама княжна вещала о своих планах и к каким действиям по отношению к России призывала тёмные силы Запада.

Те, кто называет поступок Орлова гнусным и вероломным, вероятно, считают действия княжны Таракановой очень милыми, забавными и вполне демократичными.

Подумаешь, хотела свергнуть императрицу Екатерину и ввергнуть Россию в смуту… Что уж тут такого? Были смуты… Смута начала XVII века сократила население России вдвое. Ну это ж пустяки… Лжедмитрии не такие уж и звери. Вот Иоанн

Васильевич Грозный, при котором население России выросло вдвое и вдвое увеличилась территория Московского государства, зверь, тиран и прочее и прочее…

Самозванка разоблачена. Смута прекращена в зародыше. Положение Екатерины Великой на престоле ещё более утвердилось.

На том и завершились трагические и драматические последствия царствования императрицы Елизаветы Петровны.

Романовы или Рюриковичи?

Сановный уголовник фон дер Пален, готовивший убийство «по предварительному сговору группой лиц», как теперь бы трактовало события 11 марта 1801 года уголовное право, вспоминал, что однажды, когда император Павел поделился с ним тревогами по поводу готовящегося переворота и привёл в пример события 28 июня 1762 года, успокоил его следующими словами: «Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими Петру Третьему. Он был иностранец, а вы – русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их…»

Пален сказал: «Вы – русский»?! Но если взять официальную историографию, что же получается? Пётр Третий назван Паленом иностранцем, а его сын – русским? Да ведь и мать Павла Первого тоже, по официальным данным, не русская!

Портрет графа Петра Алексеевича фон дер Палена. Неизвестный художник

Вот тут и возникает вопрос, а не был ли фон дер Пален, занимавший солидное место в иерархии тёмных сил, осведомлён о тайне происхождения не только императора Петра III, но и императрицы Екатерины II? Ну и разумеется, самого Павла Петровича?

Начнём с мнимого отца. О том, что Пётр Фёдорович не был, да и не мог быть отцом Павла Петровича, рассказано в предыдущих главах. Но предположим, что он всё-таки отец. Откуда же в таком случае взяться русской крови?

Отцом Карла Петера Ульриха, ставшего в крещении Петром Фёдоровичем, был Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский из германского города Киль, являвшегося столицей земли Шлезвиг-Гольштейн; мать, Анна Петровна, была дочерью Петра I и Марты Самуиловны Скаронской. Одно время было очень модно обсуждать в средствах массовой информации и даже в некоторых книгах, какой процент русской крови был у «последнего самодержца» Николая Второго. А что говорить о Павле Первом, если посмотреть, кто же он по крови? Ну разве что на четверть русский. Ну а если всё-таки внимательнее взглянуть на то, кем же был Пётр Первый?

Вот какие факты привёл в своей публикации Андрей Николаевич Красильников, русский писатель, драматург и общественный деятель и, как сказано в «Википедии», «прямой потомок адмирала Петра Ивановича Рикорда (1776–1855), участника Крымской войны». Он пишет:

«Давайте рассмотрим следующие очевидные исторические факты. Их совокупность показывает довольно отчётливую картину подмены реального Петра I на иноземца:

1. Из России в Европу уезжал православный правитель, носивший традиционную русскую одежду. Два сохранившихся портрета царя того времени изображают Петра I в традиционном кафтане. Кафтан царь носил даже во время пребывания на судоверфях, что подтверждает приверженность традиционным русским обычаям. После окончания пребывания в Европе в Россию вернулся человек, носивший исключительно одежду европейского образца, причём в дальнейшем новый Петр I никогда не надевал русскую одежду, включая обязательный для царя атрибут – царское облачение. Этот факт сложно объяснить официальной версией о внезапном изменении образа жизни и начале приверженности европейским канонам развития.

2. Существуют довольно весомые основания для сомнений в

разнице строения тела Петра I и самозванца. По точным данным, рост самозванца Петра I составлял 204 см, в то время как реальный царь был ниже и плотнее. При этом стоит отметить, что рост его отца, Алексея Михайловича Романова, равнялся 170 см, а дед, Михаил Фёдорович Романов, также был среднего роста. Разница в росте в 34 см очень сильно выбивается из общей картины настоящего родства, тем более что в те времена люди ростом более двух метров считались чрезвычайно редким явлением. Ведь даже в середине XIX века средний рост европейцев равнялся 167 см, а средний рост русских рекрутов в начале XVIII века равнялся 165 см, что вписывается в общую антропометрическую картину того времени. Разницей в росте между реальным царём и лже-Петром объясняется и отказ от ношения царской одежды: она просто не подходила по размеру новоявленному самозванцу.

3. На портрете Петра I кисти Годфрида Кнеллера, который был создан во время пребывания царя в Европе, явно видна отчётливая родинка. На более поздних портретах родинка отсутствует. Это сложно объяснить неточными работами портретистов того времени: ведь портретная живопись тех лет отличалась высочайшим уровнем реализма.

4. Вернувшись после продолжительной поездки в Европу, новоявленный царь не знал о месторасположении богатейшей библиотеки Ивана Грозного, хотя тайна нахождения библиотеки передавалась от царя к царю. Так, царевна Софья знала, где находится библиотека, и посещала её, а новый Пётр неоднократно предпринимал попытки разыскать библиотеку и даже не гнушался раскопками: ведь в библиотеке Ивана Грозного хранились редчайшие издания, способные пролить свет на многие тайны истории.

5. Интересным фактом является и состав русского посольства, отправившегося в Европу. Численность сопровождающих царя составляла 20 человек, при этом посольство возглавлял А. Меншиков. А вернувшееся посольство состояло, за исключением Меншикова, только из подданных Голландии. Причём продолжительность поездки многократно увеличилась. В Европу посольство вместе с царём отправлялось на две недели, а вернулось только по истечении двух лет пребывания.

6. Вернувшись из Европы, новый царь не встречался ни с родственниками, ни с ближним окружением. И впоследствии за короткий срок различными способами избавился от своих ближайших родственников.

7. Стрельцы – гвардия и элита царской армии – заподозрили неладное и не признали самозванца. Начавшийся Стрелецкий

бунт был жестоко подавлен Петром. А ведь стрельцы были самыми продвинутыми и боеспособными военными соединениями, верно служившими русским царям. Стрельцами становились по наследству, что свидетельствует о высочайшем уровне этих подразделений. Характерно, что масштабы уничтожения стрельцов были более глобальны, чем по версии официальных источников. В то время численность стрельцов достигала 20 000 человек, а после усмирения Стрелецкого бунта российская армия осталась без пехоты, после чего был произведён новый набор рекрутов и полное переформирование действующей армии. Примечательным фактом является и то, что в честь подавления Стрелецкого бунта была выпущена памятная медаль с надписями на латинском языке, который до этого никогда не применялся при чеканке монет и медалей на Руси».

Аргументированная статья Андрея Красильникова ставит всё на место.

Остаётся добавить, что государь император Александр Третий, который, как известно, живо интересовался русской историей, узнав о том, кто был отцом его прадеда Павла Первого, заявил: «Слава Богу, Салтыков из семьи хорошей. И потом, понапрасну нас немчурой дразнят!»

Итак, сомнений в том, что император Павел I был по отцу природным русским, более не остаётся. Ну а что касается его матери Екатерины Великой, то в предыдущих главах сказано, что её отцом был Иван Иванович Бецкой.

А ведь Екатерина Великая прекрасно знала свою родословную…

Коснёмся ещё некоторых вопиющих фактов, которые относятся уже к царствованию Екатерины Великой, но, по существу, являются отголосками правления Елизаветы Петровны.

Уже упомянутый выше писатель Борис Алмазов в материале «Екатерина Великая – русская?» отмечает:

«Возвращаясь из Москвы в Петербург после коронации, И. И. Бецкой ехал в третьей за государями карете – знак, говорящий о положении, ближайшем к престолу».

Переписка между ним и Государыней была довольно активной, и вот тут Борис Алмазов указывает на весьма важную деталь. Бецкой подписывал официальные бумаги «без принятых в ту пору куртуазных словесных оборотов: “Ваш верноподданный” или “слуга” или “раб”, а весьма странно: “Вашего Императорского Величества Иван Бецкой”. Это вопиющее нарушение этикета чопорного XVIII века». Значит, исключение для Ивана Ивановича делалось не случайно. Как не случайным, по мнению биографов, явилось «чрезмерное» награждение Ивана Ивановича Бецкого за

вклад в дело образования и воспитания в империи. В 1772 году в честь него была выбита настольная медаль, на которой изображён портрет самого Бецкого с орденом Св. Андрея Первозванного на груди и сделана надпись: «Иванъ Ивановичъ Бецкой». Это на лицевой стороне. А на обороте изображены два ребёнка, которые, стоя на пьедестале у пирамидального обелиска, держали овальный щит с вензелем Ивана Ивановича. Там же, у обелиска, было выбито аллегорическое изображение России – женщина с двумя детьми, рядом с которой – аист и слон. Аист – символ заботы и милосердия, ну а слон – доброты и широты души. На втором плане оборотной стороны медали помещено изображение фасада Московского воспитательного дома с надписью: «За любовь къ Отечеству». И ниже: «Отъ Сената 20 ноября 1772 Года».

Разумеется, Бецкой заслужил награду, но случаев, когда подобные медали выбивались кому-либо при жизни, до того времени не встречались.

Личная жизнь Ивана Ивановича Бецкого сокрыта тайной, но точно известно, что у него была законнорождённая дочь Анастасия Ивановна.

Когда Екатерина Вторая жаловала её, свою единокровную сестру, в камер-фрейлины, рядом с нею был Григорий Орлов. Вот и решила, что пусть будет сестра роду соколиного – Соколова?

Анастасия Соколова вышла замуж за Осипа Дерибаса. В 1779 году случилось весьма знаменательное происшествие. Императрице Екатерине доложили, что у Анастасии Дерибас начались предродовые схватки, и она собралась к ней столь стремительно, что ей даже не успели подать к подъезду императорский выезд. Недолго думая, государыня отправилась в путь на первой попавшейся на глаза карете. Успела вовремя и приняла роды, как простая повивальная бабка.

Можно ещё добавить, что она крестила обеих дочерей Анастасии – внучек Ивана Ивановича Бецкого и своих племянниц.

В истории немало таких фактов, документального подтверждения которых просто быть не может и за давностью лет, да и по причине того, что в своё время скрывать правду было крайне необходимо.

Императрица Екатерина очень часто посещала Ивана Ивановича Бецкого, поскольку они вместе работали над документами по совершенствованию вопросов образования в России. Русский историк-археолог и библиограф Пётр Бартенев писал об этих посещениях следующее:

«У Бецкого был секретарём швед Марко Иванович Хозиков… он один мог оставаться при Бецком в то время, когда посещала его Екатерина, И у внуков Хозикова сохранилось вполне

определённое семейное предание, что, входя в комнату к Ивану Ивановичу, государыня целовала у него руку».

Полагаю, что каждому ясно, кому могла целовать руку государыня.

По словам Бартенева, вот что однажды сказала Екатерина во время назначенного ей врачами кровопускания:

«Пусть из меня вытечет вся немецкая кровь и останется одна русская».

Это ли не намёк на то, что отцом её был русский, и пусть незаконнорождённый, но сын русского князя, род которого восходил к Рюриковичам?

Императрица писала о природных русских:

«Русский народ – есть особенный народ в целом свете. Он отличается избирательным умом, великою силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал русским особые свойства… Верю, взойдёт звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа, мощи и силы».

Пётр Майков в книге «Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии», завершая главу, посвящённую кадетскому корпусу, писал:

«В заключении сей главы не лишнее сказать несколько слов об одном из бывших воспитанников сухопутного Кадетского Корпуса, о графе Алексее Григорьевиче Бобринском, находившемся в исключительных отношениях к Бецкому, немало о нём заботившемуся».

Пётр Майков указал: «Бецкой, получая деньги, отдавал их в воспитательный дом на приращение процентами… Что же касается самого Бобринского, то из переписки Бецкого с императрицей Екатериною II видно, что по её приказанию ребёнок был в 1775 году взят от Шкурина и передан Бецкому, в доме которого и проживал некоторое время. Бецкой очень внимательно и сочувственно отнёсся к ребёнку, наблюдал за ним и сообщал императрице свои замечания о характере, наклонностях и степени развития ребенка».

Далее Пётр Майков сообщил ещё о том, с какой заботливостью относился Бецкой к своему внуку. Факт удивительный:

«Нельзя не обратить внимания, между прочим, на то, что Бецкой во время этого пребывания Бобринского в корпусе как бы делает укор Императрице, что она забывает молодого человека…»

И ещё:

«По окончании обучения в корпусе Бецкой привёз к Императрице 23 февраля 1782 молодого Бобринского, по словам

принца Прусского, говорившего, что Бецкой имеет искреннюю к нему дружбу, на которую никогда не считал его способным».

Итак, принц прусский «никогда не считал» способным Бецкого на дружбу? А тут вдруг такое исключение?! И снова не удивительно. Ведь то, что принц назвал дружбой, в общем-то, вполне обычная любовь к внуку. Не так уж редки случаи, когда отцы и сыновья или дедушки и внуки становятся друзьями. Дружбу в подобных случаях можно назвать наивысшей формой отношений в семье.

Портрет А. Г. Бобринского в детстве. Художник Ф. С. Рокотов

Более подробно об этом рассказано в книгах серии «Любовные драмы» – «Орлы Екатерины в любви и сражениях».

Сколько написано о любви – стихов, романов, философских трактатов… Сколько сказано мудрецами древности!

А вот что говорили суфии… Возьмём притчу среднеазиатского тюркского поэта и философа суфийского направления Алишера Навои (1441–1501). Он писал:

«Любовь – это сияющее светило, от которого исходит ясность и свет людских очей, блестящий жемчуг, дарящий красоту и ценность венцам людей; это восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает, светящаяся луна, которая тёмную опочивальню души освещает…» Но отмечено в притче и то, что любовь коварна, что «это обширное море, каждый водоворот которого топит сотни кораблей разума и просветления, высокая гора, каждый камень которой сносит голову благочестия и праведного служения; это жгучее пламя, в котором пылают сердца, сверкающая молния, от которой души страдают без конца…» И действительно, сколько страданий проходит перед нами, когда мы касаемся любовных драм и писателей, и поэтов, и государей, и полководцев, и царедворцев, стоящих у царского трона. И как не согласиться с суфием Али Шир Навои, в притче которого сказано, что любовь – «это кровожадный дракон, высасывающий кровь людей, словно вампир… разрушающий весь мир…»

И когда политика вмешивается в любовь, когда это высокое чувство слуги тёмных сил пытаются заставить служить своим мерзким целям, любовь становится не только драконом, но, по словам Алишера Навои, в этом случае «Любовь – это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, буря, разносящая по миру его пепел. Для неё одинаковы нищий и шах, она благочестивого и развратного обращает в прах».

Сколько тяжелейших трагедий и драм сопровождало державный путь династии Романовых! Даже имя самой династии было утрачено именно из-за того, что зачастую любовь, поставленная на службу политики, становилась драконом… И в притче говорится в этом случае:

«Влюблённый – пленник такого несчастья, жертва такого ненастья. Он утопает от тайфуна в море том, его убивает своим ударом этот гром. Он томится под властью вероломного чудовища, он теряет разум от дьявольского зрелища…»

И в этом случае: «Любовь, несмотря на наличие в ней почёта и величия, воли и самостоятельности, является немощным слугой и беспомощным рабом при великолепном дворе царства красоты».

Конечно, официальная история, которая, по словам Льва Николаевича Толстого, «есть ложь, о которой договорились историки», никогда не признает, что с момента вступления на престол Екатерины Второй царствовали в России уже не потомки Романовых, ибо сама Екатерина Алексеевна Романовой по крови не была, как не был Романовым по крови и её сын Павел Петрович – император Павел Первый, попытавшийся впервые после устранения Рюриковичей стать поистине

противодворянским, народным государем, подобно Ивану Грозному и его пращурам. Посвятил возвращению к старым, добрым традициям свою деятельность и Николай Первый, пытавшийся произвести контрреволюцию антироссийской революции, учинённой тем, кто известен нам под именем Петра Первого.

Но первые шаги в переходе на престоле, конечно же, по умолчанию, династии Романовых в династию Рюриковичей сделаны были в годы, предшествовавшие царствованию Елизаветы Петровны, а особенно в годы её царствования. И в этом очередном изломе русской жизни значительную роль сыграли именно любовные коллизии, жестокие трагедии и драмы у трона государыни, являвшейся дочерью того, кто не на дыбы, а на дыбу поднял Россию.